СОДЕРЖАНИЕ

М. Покровский

РУССКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ

Издание документов империалистской войны, решенное еще в 1928 г., начинает приобретать реальные очертания. Хотя до выхода в свет первого тома осталось еще довольно много времени, к печати окончательно подготовлены уже два тома (I и IV); еще три тома (II, III и V) подготовлены всецело, поскольку речь идет о подборе документов,—дело только за просмотром комиссией примечаний к этим томам.

К сожалению, выйдет в свет первый из этих томов только в ноябре. Таково соглашение нашей комиссии и Гиза с германским издательством, которому передано право перевода текста на другие языки и распространения перевода заграницей. Этот договор для нас чрезвычайно важен, ибо страхует издание от возможности перепечатки его в других странах какими-нибудь литературными мародерами—перепечатки не только безданно-беспошлинно, но и в каком мародеру угодно виде, с какими он хочет пропусками, примечаниями и т. д. Германское издательство обязуется перевести слово в слово то, что будет ему передано. Но для перевода на другие языки нужно время, между тем наш контрагент совершенно резонно возражает против выпуска оригинального текста раньше перевода: не подлежит сомнению, что в этом случае наиболее интересные документы были бы тотчас же воспроизведены газетами всего мира, и «свежесть» заграничного издания была бы жесточайшим образом подорвана. Оригинал и перевод должны появиться одновременно, и по условиям перевода этого не может быть раньше ноября 1930 года.

К дальнейшему сожалению, подготовленные 5 томов останавливаются, собственно, на пороге войны: они охватывают время с 1 января по 4 августа 1914 года. Война была решена не *в июле* 1914 года, но значительно раньше. Точный момент этого решения, конечно, установлен быть не может: его попросту не было, этого точного момента,—никто из участников не мог бы сказать, когда именно было решено—не воевать вообще, это, может быть, было решено за много лет до 1914 года, а когда было решено начать войну именно летом этого года. Момент взрыва давно заложенной мины был не ясен для самих заложивших. Но *объективная обстановка*, из которой выходом могла быть только европейская война *в ближайшем будущем*, окончательно сложилась зимою 1913—1914 гг. К этому времени человек, который был бы в обладании всей политической и военной информацией обеих сторон (в таком положении реально не был ни один из руководителей политики готовых

вступить в войну государств, не исключая Англии и Германии), мог бы ожидать взрыва «с часами в руках». Вот почему издатели решили начать ближайшую серию документов с 1 января 1914 г. Начав ранее, не было разумного основания остановиться на осени 1913 года: почему не 1912? почему не 1911? Начав позднее—как делают почти все публикаторы—значило бы предрешать вопрос о «виновнике». Когда англичане начали свой предвоенный том со свидания Николая с румынским королем в Констанце и Вильгельма с Францом-Фердинандом в Конопиште, то это имеет совершенно определенный смысл: войну начали Германия и Россия, Англия была лишь «вынуждена вмешаться». Если бы начать с переговоров об англо-русской морской конвенции, дело получило бы, конечно, иной вид...

Если бы начинать с наиболее осязательного повода войны, самым подходящим исходным моментом был бы «Видов день» 1914 года, 15/28 июня, день смерти наследника австро-венгерской монархии от руки сербских националистов. Но это был бы чисто внешний и формальный подход: дальше мне придется цитировать документ, устанавливающий, что Сербия (Пашич) сочла себя в праве обратиться к русскому правительству с настоятельной просьбой о снабжении сербской армии обмундированием, оружием и боевыми припасами уже 20 января старого стиля. Что это значит, опять-таки всякому совершенно понятно: уже в конце января—начале февраля в Сербии чувствовали непосредственное приближение новой войны. Русское правительство затянуло ответ, ибо оно не желало, чтобы сербы начали стрелять ранее, нежели будет обеспечена поддержка Англии, а этого не было еще и в марте, не только в январе. При свете этого факта дата убийства Франца-Фердинанда (фактическое «открытие военных действий») отступает на второй план.

Все эти «роковые дни» и «роковые недели», которым придают такое огромное значение буржуазные историки и издатели документов, для нас имеют совершенно третьестепенное значение, поскольку мы знаем, что война не была делом злой воли отдельных лиц и отдельных групп, но с железной необходимостью вытекала из экономической системы последних десятилетий, системы монополистического капитализма. Но из этого отнюдь не следует, как думают иные наивные люди, что, значит, «виноватых нет» и искать их не стоит. К войне привели захватнические вожделения всех империалистических правительств,—но ни одно из них не призналось и не признается до сих пор в этом; все они, видите ли, стали жертвою чужих захватов. Установить захватничество всех империалистских правительств и группировок, установить не a priori, исходя из той предпосылки, что они должны быть захватчиками, а установить на основании непререкаемого, для всех обязательного, документального материала, значит разрешить задачу огромной важности. Для борьбы с империализмом необходимо знать доподлинно и во всей точности, как он действует, каковы его приемы и методы. И когда захватническая

деятельность империалистов будет непререкаемо установлена рядом неопровержимых документов, мы, конечно, получим обвинительный акт,—но обвинительный акт не против отдельного лица или, тем паче, против отдельной страны, а против класса, того класса, который держал в руках власть во всех больших странах в 1914 году и держит власть доселе в большинстве из них.

Русские документы, естественно, дают наиболее богатый материал для разоблачения захватнической политики российского империализма, военно-феодального в своей сущности, но уже начавшего переходить в капиталистический. Когда русский консул в Астрабаде наивно пишет, что «вмешательство (русского) отряда в местные дела есть неизбежное и естественное последствие пребывания здесь нашего отряда и нашего влияния и служит основным орудием усиления последнего», то перед нами простецкий военно-феодальный империализм; но когда русское правительство добивается отнять привилегии у английского банка в Персии и передать эти привилегии русскому банку, когда оно спорит с английским правительством о направлении трансперсидской железной дороги, мы имеем образчики обычной империалистической политики новейшего типа. Одно диалектически переходит в другое, и спорить стоит не о том, какого именно империалистического разряда были субъективные мотивы тех или других захватчиков, а чьи интересы они выражали объективно. И тут печатаемые документы дают возможность провести четкое разграничение тех областей, где господствовали интересы именно русского империализма, конкурировавшего из-за монополии с империалистической политикой других стран, и где русская политика являлась отражением интересов более сильных империалистских держав,—где царская Россия попросту была вассалом последних.

Ограничиваясь документами первого тома,—где, к слову сказать, относительно меньше сколько-нибудь крупных документов, не опубликованных ранее (хотя и здесь большинство документов все же совершенно новых),—мы отчетливо видим эти два течения, видим дипломатические «районы», где русский империализм выступал от своего лица, где он бился за свои монополии, даже и против своих союзников,—и «районы», где непосредственные интересы русского империализма нащупать гораздо труднее, и где его подталкивали империалисты тех стран, для которых именно здесь стояли на карте основные интересы.

Русский империализм не нужно было подталкивать ни в Персии, ни на Дальнем Востоке, откуда этот империализм отнюдь не ушел после разгрома 1904—1905 г.: он только, проученный неудачей, действовал более осторожно, стараясь не сталкиваться с Японией и не залезать в сферу ее влияния. Тем не менее он отнюдь не терял надежды «стать твердой ногой» и в Монголии и в Северной Манчжурии. По документам одного I тома (№№ 10, 46, 65, 91, 119, 136, 142, 179, 191—193, 216, 230, 254, 271, 278—281, 307—308, 330, 357, 363, 389, 391, 405—406, 431,

439—440, 444 и др.) можно написать маленькое исследование на эту тему: а между тем это лишь небольшой кусок из длинной цепи документов, тянущейся через все предыдущие года и продолжающейся в следующих томах 1914 года.

Непосредственно для возникновения мировой войны еще более важен другой подобный отрывок—иллюстрирующий историю англо-русских отношений из-за Персии (№№ 25, 28, 59—60, 83, 90, 96, 112, 121, 150—152, 164, 167, 178, 181, 189, 194, 206—208, 232, 248, 253, 255, 260, 282, 297, 319, 331, 349, 352—353, 359, 361, 372, 373, 375, 383, 392—393, 397—398, 402, 412—413, 419, 441, 443 и др.). Мы возьмем из этой серии только несколько примеров, показывающих, насколько англо-русская «дружба» за немного месяцев до начала войны оправдывала диалектический закон «единства противоположностей».

На первом месте в числе приемов русской политики в Персии придется поставить простой и голый захват—захват земель. Это слово—не наше: оно со всем хладнокровием употреблено в таком ответственном документе, как «секретное письмо министра иностранных дел посланнику в Тегеране от 1 февраля ст. ст. 1914 г.». «Что же касается захвата нами этого района, то, имея чисто культурно-экономический характер, он может лишь послужить на пользу персидского правительства» (том I, № 255). Начинается это письмо с «принципиального присоединения» министра к мнению временного заместителя посланника, Саблина, который телеграфировал 10 января: «Полагая, что покровительство и дальнейшее расширение русского землевладения в Персии является одной из самых главных задач наших здесь, как по соображениям политическим, так и экономическим, признаю усвоенный Ивановым (русским консулом в Астрабаде—*М. П.*) образ действий в делах покупки и аренды русско-подданными земель в Мазандеранской и Астрабадской провинциях единственно отвечающим создавшемуся положению вещей. Сопротивление правительства (персидского—*М. П.*) весьма понятно (!), и если постановления Туркменчайского акта [1] как бы склоняются в его пользу, то единственный и естественный закон страны, шариат [2], весьма нам благоприятен»... (там же, № 90). Заслуживший одобрение и своего непосредственного начальника и самого министра консул Иванов прямо и просто смотрел на данные персидские провинции как на русскую колонию, всячески выхваляя достоинства «приобретения», могущего не только «служить житницею для бедной водой Закаспийской области и для Туркестанского края, плодородные площади коего, в случае получения дешевого хлеба отсюда, могли бы быть использованы еще в бо́льших размерах под культуру хлопка, но и самостоятельно представить из себя обширное поле для нашей деятельности в смысле использования теплого, влажного, богатого осадками климата этих

[1] Русско-персидский договор, которым окончилась русско-персидская война 1826—1828.

[2] Мусульманское гражд. право.

провинций и их богатой почвы для культуры высоко-ценных субтропических и даже тропических растений и в особенности хлопка» (там же, примеч. 1).

Итак, задачу снабжения Средней Азии хлебом, которую советская власть разрешила постройкой туркестано-сибирской железной дороги, царская дипломатия предлагала разрешить—захватом части Персии. Повторяю, это не был домысел захолустного дипломатического чиновника: этот план встретил полное одобрение руководителя русской иностранной политики. «Принципиально я присоединяюсь к мнению коллежского советника Саблина и статского советника Иванова о желательности расширения, при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств, русского землевладения в северной Персии и считаю, что это в особенности важно в районе Гюргена», писал Сазонов (цит. док. № 255). «Помимо того, что развитие в этом крае хлопководства и эксплоатации ценных лесных пород представляют для нас большой экономический интерес, я полагаю, что и в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение». Ограничения, которые вносил Сазонов в «расширение русского землевладения», носили технический, если можно так выразиться, характер—и приводили к практическим заключениям, по своей смелости далеко оставлявшим за собою план Иванова. «Захват больших земельных участков (до 15 000 десятин) лицами, не обладающими, повидимому, достаточными деньгами для осуществления крупных предприятий, представляется явлением, безусловно нежелательным. Эти лица, по всей вероятности, имеют в виду либо перепродажу приобретенных ими по весьма низким ценам земель, либо эксплоатацию переселенцев, которых они привлекают на свои участки. К этому мнению присоединилось и состоявшееся на днях совещание из представителей заинтересованных ведомств, которое признало, что наиболее желательным выходом из положения была бы скупка всех имеющихся в Астрабадо-Гюргенском районе свободных земель русскою казною (!), а в случае невозможности этого—нашим Учетно-ссудным банком Персии, с тем, чтобы заселение означенных земель могло быть произведено затем на рациональных началах при содействии опытных чинов переселенческого управления...».

Ближайшие к русской границе персидские провинции рассматривались как форменная русская колония—для довершения характеристики остается только прибавить, что одним из главных русских «землевладельцев» был сам консул Иванов. Русское захватничество естественно вызывало отпор со стороны персидского населения,—которое возлагало свои надежды на тех, кого оно считало русскими конкурентами. «Мне достоверно известно», писал тот же консул Иванов, «что главной темой разговоров бельгийцев [1] и враждебной нам части персиян служит надежда на вмешательство в этих целях («чтобы разрушить особенно наше

[1] В руках бельгийских «советников» было финансовое управление Персии.

положение в Персии») Англии и Германии и стремления английской миссии в Тегеране сделать бельгийцев своим орудием» (док. № 248, разр. моя—*М. П.*).

Итак, «враждебная» русским захватчикам часть персидского населения возлагала свои надежды на союзную с Николаем II Англию—и враждебную последней, а также и России, Германию одинаково. Мы видим, какой переплет империалистских интересов здесь получался. Это не была иллюзия местного населения. Какой остроты достигал антагонизм русско-английских интересов в Персии в эти дни, показывает переписка между Петербургом и Лондоном по вопросу о Трансперсидской железной дороге.

При проектировании этой последней с русской стороны держались того же принципа, который был—так неудачно—применен при русском проектировании железных дорог в Болгарии в 1880-х годах: персидские дороги должны были иметь выход к русской—и, впоследствии, к индийской—сети: всякое соединение с рельсовыми путями, идущими на запад, признавалось нежелательным; согласие на постройку Тегеран-Ханикинской ветки в 1910 году было специальной уступкой Германии. Отсюда стремление трассировать Трансперсидскую магистраль в направлении с северо-запада (русское Закавказье) на юго-восток (Афганистан и Индия). Англичане никак на это направление не соглашались. «Против направления восточнее Бендер-Аббаса у нас решительно все», говорил Грей Бенкендорфу (телеграмма последнего от 23 янв. (5 февр. 1914, I, № 181). Это вызывало крайнее раздражение в Петербурге. «Нами уже неоднократно и категорически указано было лондонскому кабинету на полную неприемлемость для нас и для Société d'Etudes [1] направления на Бендер-Аббас вообще и на Исфагань-Шираз—Бендер-Аббас в особенности», писал Бенкендорфу Сазонов. «Основанием для сего являлись такие важные мотивы, как излишнее удлинение на несколько сот верст транзитного пути, который может стать таковым лишь при условии, что он пройдет по кратчайшему направлению; нежелательность приближения этого пути к Багдадской железной дороге, которая могла бы со временем отвлечь к себе транзит, и, наконец, крайне вредное значение для наших торговых интересов в северной Персии меридиональных железных дорог вообще» (документ № 152).

Положение осложнялось тем, что и железная дорога была не только «транзитным путем», но также и орудием захвата, пожалуй, еще более грандиозного, чем тот, который проектировал на северо-востоке Персии консул Иванов. «В тесной связи с вопросом о трансперсидской железной дороге находится, как известно, вопрос о концессии на разработку горных богатств на обширном пространстве, частью в английской, частью в нейтральной зоне, которой добивается некий английский синдикат.

[1] «Общество изысканий» Трансперсидской жел. дор.

Отметив, что Трансперсидская ж. д. может пересечь это пространство, Société d'Etudes по справедливости указало на то, что по существующему всюду в некультурных странах порядку ему необходимо будет располагать известной полосой земли, примерно по сто километров по обе стороны пути, без чего реализация потребных на сооружение дороги капиталов встретит непреодолимые затруднения. Лондонский кабинет, ссылаясь на то, что упомянутый синдикат уже раньше заявил ему о своем желании и получил от него обещание поддержки, не признал возможным стать на точку зрения Société d'Etudes и вызвался лишь способствовать какому-либо компромиссу между обоими обществами. В результате синдикат высказал готовность предоставить Трансперсидской ж. д. одну треть той части своей концессии, которая придется на нейтральную зону, при условии, что Société d'Etudes примет пропорциональное участие в авансе в 100 000 ф. ст., обещанном Синдикатом шахскому правительству. Это предложение, как и следовало ожидать, не удовлетворило Société d'Etudes, которое подтвердило, что оно собственно в горной концессии вовсе не заинтересовано, а считает лишь необходимым обеспечить себе упомянутую полосу, где бы дорога ни прошла (!), причем в случае предоставления таковой оно не отказалось бы принять пропорциональное участие в сказанном авансе» (там же).

Итак, лоскут персидской территории в 200 километров ширины и несколько сот километров длины, где бы этот лоскут ни пришелся (хотя бы в «английской», по соглашению 1907 года, зоне), должен был перейти в русские руки. Ожесточенное противодействие англичан такому проекту более нежели понятно. И между будущими, через полгода, союзниками мировой войны за шесть месяцев происходил на этой почве чрезвычайно оживленный обмен мнений. «В моих беседах с сэром Дж. Бьюкененом по этим вопросам», продолжает письмо Сазонов, «я не скрыл от него, что встречаемые в этом деле затруднения, в особенности в отношении направления дороги, внушают мне серьезные опасения, что все предприятие Трансперсидской ж. д. может расстроиться. Я высказал при этом мнение, что это обстоятельство произвело бы, несомненно, очень тяжелое впечатление, т. к. оно свидетельствовало бы, к вящему ликованию наших недоброжелателей, о шаткости устоев, на которых покоится англо-русское согласие в Персии. Я добавил при этом, что в сомнениях, высказываемых сэром Э. Греем, просвечивает, по моему мнению, слишком большое опасение перед англо-индийским общественным мнением, которое, к сожалению, все еще не может отрешиться от фантастической боязни русского нашествия на Индию. Наконец, я счел не лишним дать понять послу, что в случае распадения Société d'Etudes вся постановка дела радикально изменится и по всей вероятности образуется новое общество, которое займется постройкой намеченных нами дорог как в русской, так и в нейтральной зоне, безо всяких ограничений, т. е. и в районе близком к персидско-афганской границе» (там же).

Дело доходило, таким образом, уже в январе 1914 года, до прямых угроз. Между тем, Трансперсидская дорога являлась далеко не единственной точкой пересечения русско-английских интересов на этом театре— хотя, может быть, была главной. Русское правительство явно стремилось захватить персидский Азербайджан, всячески покровительствуя сепаратистским стремлениям азербайджанского губернатора, Шоджа-уд-Доуле. В одной секретной русской записке (от 20 февраля ст. ст.), где излагаются требования, которые нужно было поставить англичанам в обмен на уступки в Тибетском вопросе, говорится прямо и недвусмысленно: «В персидских делах мы равным образом могли бы добиться от англичан некоторых услуг. Напр., они могли бы дать нам обязательство не препятствовать образованию фактически автономного Азербайджана, под пожизненным главенством Шоджа-уд-Доулэ и под нашим протекторатом с присоединением к Азербайджану принадлежавших некогда (при Петре I—*М. П.*) России Гиляна, Мазандерана и Астрабада» (док. № 384). Между тем, Грей был крайне встревожен «новыми обстоятельствами, созданными Шоджей и непредвиденными соглашением (1907 г.), обстоятельствами, которые делали необходимым полный пересмотр основ соглашения в чрезвычайно трудных условиях», и решил немедленно и конфиденциально переговорить с Бенкендорфом в таком тоне, что Бенкендорф начал умолять Сазонова «немедленно и категорически» отказаться от всякой поддержки Шоджи (секретная телеграмма Бенкендорфа от 22 февр. (5 марта 1914, № 392).

Если прибавить, что в те же первые месяцы 1914 года начинаются попытки захватить в русские руки сбор налогов в русской сфере влияния—попытки, которые займут потом много места в дипломатической переписке первой половины 1914 года,—причем сразу же дело принимает характер конкуренции между русским и английским банками, действовавшими в Персии (№№ 345, 349, 383 и др.), мы получим такое количество конфликтов, которое может поставить изучающего документы перед вопросом: отчего в 1914 году война вспыхнула не между Россией и Англией, а между Россией и Германией? Ответ может быть только один. Империалистская война не была исключительно или даже главным образом русским делом. Русский империализм был на мировом театре второстепенным или даже третьестепенным, а европейскую войну (с самого начала имевшую тенденцию стать мировой войной, поскольку участницами явились Япония—и de facto и de jure—и Соединенные штаты—de facto, ибо они сразу же стали главной индустриальной базой **одной** из воюющих сторон), мог развязать только империалистский конфликт первого порядка. Первостепенным было—или казалось—военное могущество России, и это дало последней такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому.

Документы, печатаемые в I томе, полны, прежде всего, отзвуками прошлых войн—итало-турецкой, греко-турецкой, сербо-болгарской. Первые две главным образом напоминают о себе вопросом об Эгейских

островах (№№ 1, 11, 41, 43, 51, 64, 67, 74—76, 95, 104—105, 113, 116, 121, 124, 172—174, 184, 195, 197, 201, 204, 215, 217, 219, 231—234, 236, 249, 262, 264, 265, 268, 274, 283, 289, 292, 301, 306, 309, 311, 318, 321, 327, 356, 370, 371, 374, 382, 414). Перечень, по длине, как видим, не уступающий Дальнему Востоку и лишь немного—Персии. Смысл вопроса для русского правительства заключался в распределении тех из Эгейских островов, которые непосредственно примыкали к Дарданеллам—главным образом, Лемноса, при современной артиллерии фактически замыкающего выход из пролива. Англия настаивала на переходе Лемноса в руки Греции—опять-таки к великой досаде своего будущего союзника, очень старавшегося о сохранении этого ключевого острова хотя бы в руках старого владельца, Турции: при разделе «наследства» последней, легко было бы захватить и Лемнос, отнять же его у греков не было ни предлогов, ни, при поддержке англичанами Греции, возможности. Когда Николаю выяснили, что наиболее выгодная для русского правительства комбинация не проходит, он был весьма огорчен и написал на соответствующей телеграмме Извольского: «это очень неудобно» (док. № 11). Факт был широко известен—на нем играли турки, ища русской поддержки; великий визирь, в разговоре с русским поверенным в делах, подчеркивал, что «переход названных (Эгейских) островов, и в особенности Лемноса, к Греции—не может соответствовать русским интересам» (док. № 318). Но Англия твердо поддерживала своего клиента, стремясь сохранить Лемнос за Грецией явным образом по тем же причинам, которые побуждали Россию отстаивать «права» Турции: вопрос шел о том, кто будет настоящим хозяином в Дарданеллах. Этот конфликт тянется долго, глубоко врезываясь в войну и заканчиваясь—и то лишь по видимости—мартовским соглашением 1915 года.

Превращение Греции в сторожа при Дарданельском проливе создавало очень деликатные отношения между этим английским клиентом и английским союзником на востоке Европы. В Петербурге очень нервно следили за морскими вооружениями Греции. В записке, которую Сазонов представил Николаю 13/26 января 1914 г., набрасывается весьма любопытная программа разговоров с Венизелосом, приезд которого в Петербург ожидался в ближайшее время. Сазонов предлагал «не идти» в этих разговорах «дальше выражения общих благожелательных чувств, коими неизменно руководилась Россия по отношению к эллинскому королевству». «Если бы, что не невозможно, имеющий прибыть вскоре в С. Петербург греческий первый министр г. Венизелос затронул вопрос о более тесном сближении с Россией и намекнул о возможности заключения с нами военно-морской конвенции, то мне представлялось бы наиболее соответственным выслушать с благожелательным вниманием все, что им было бы сказано по этому поводу и, в то же время, избежать какого-либо связывающего нас ответа». Николай написал на этой записке: «согласен» (док. № 104).

Мы видели, что в этом конфликте—опять-таки, по существу, конфликте России и Англии—Турция напрашивалась в союзники первой. Характерно, что впервые эта нота зазвучала уже в феврале; в июне дело дошло до известного предложения Талаатом Сазонову союза в Ливадии, а в августе до ряда предложений Энвера русскому военному агенту уже в совершенно конкретной форме [1]. Непосредственно соприкасавшиеся с турецким правительством русские дипломаты всегда были за принятие этих предложений. Под № 265 мы печатаем чрезвычайно интересную докладную записку Гулькевича (замещавшего уехавшего в отпуск Гирса), пытавшегося растолковать Сазонову, что государство младо-турок совсем не то, что империя Абдул-Гамида, и что на Турцию невозможно смотреть и обращаться с нею «по-старому». Гулькевич предлагал вместо нападения на турок—или попыток их запугать, что, по отношению к новому турецкому режиму, не обещало никакого успеха—столковаться с турками. Идея не была совершенно новой—проливы могли быть в русских руках фактически и при условии очень прочного союза с Турцией: одна из двух линий Николая I и шла именно в этом направлении. Экономическую базу для этого союза, как и указывал Гулькевич, найти было не так уже трудно: из барьера на дороге экономического развития Турции (препятствия в постройке малоазиатских железных дорог и т. п.), Россия, в силу своего географического положения, легко могла превратиться, рассуждая теоретически, в один из могущественнейших факторов этого развития. Но это именно только теоретическое рассуждение. Основной базой военно-феодального империализма был именно вопрос о проливах—а военно-феодальный империализм знал только методы внеэкономического принуждения. Проливы должны были быть з а в о е в а н ы, и ни на какие компромиссы в этом случае Россия Николая II не шла. Предложения турок и советы русского посольства в Константинополе одинаково остались бесплодными.

История подготовки захвата проливов Россией не начинается и не кончается документами, входящими в I том настоящей серии. Здесь опять-таки мы имеем лишь окончание одной из попыток,—той, которая связана с именем Лимана-фон Сандерса. Основной документ—совещание 31 декабря ст. ст.,—как и другие главные документы, относящиеся к этому эпизоду, давно опубликованный, войдет в предыдущий том. Я цитирую только документы, не опубликованные ранее. Как близко дело было к осуществлению попытки, показывает печатаемое нами под № 84 письмо Сухомлинова Сазонову от 9/22 января 1914 г., где дело доходит до «выдвижения... необходимого числа войск в пределы эрзерумского вилайета»—т.-е. до прямого нарушения неприкосновенности турецкой территории,—как одного из подлежащих «осуществлению» «мероприятий». Что помешало «осуществлению»? Прежде всего, конечно, дипломатическая ловкость младо-турок, очень бысто уступивших в формальном вопросе.

[1] См. сборник статей «Империалистская война», с. 173 и след.

Это отнимало у Сазонова и Сухомлинова формальный же повод для вмешательства. Затем, при полной готовности сухопутных сил, явное отставание сил морских—особенно подробно иллюстрируемое запиской морского министра Григоровича (№ 50; ср. письмо Гулькевича Сазонову под № 155). Но главное, повидимому, заключалось в неуверенности насчет позиции Англии—и в неготовности Франции в данный именно момент ввязаться в европейскую войну. Насчет последнего нас информирует неопубликованное до сих пор письмо Сазонову Извольского от 17/30 января, где мы читаем: «Очень радуюсь благополучному окончанию инцидента с германской военной миссией и от души поздравляю вас с одержанным полным успехом... Здесь видимо у французов отлегло от сердца, и хотя французское правительство, как вам известно, имело твердую решимость поддерживать нас в этом вопросе to the bitter end (до горького конца), оно, разумеется, очень довольно, что чаша эта его миновала». Хотя такое настроение сам Извольский объясняет тем, что для французов на первом плане здесь был турецкий заем, но, конечно, не эта мелочь могла помешать вступлению Франции в европейскую войну. Существеннее было другое—то, что «положение кабинета Думерга», сравнительно «левого», «заметно упрочилось», и предстоящие выборы, которые этот кабинет должен был проводить, обещали «победу крайним радикальным элементам, в ущерб более умеренной группе, во главе коей стоит сам президент республики». Пуанкаре не чувствовал себя хозяином положения и выжидал, для того, чтобы воевать, выборов, которые были бы для него неформальным вотумом доверия: после, в 1916 году, та же ситуация повторилась с Вильсоном. Сейчас, в начале 1914 года, война была бы для него некстати. И, наконец, положение Англии весьма выразительно резюмировано в письме Бенкендорфа Сазонову от 29 янв. (11 февр. 1914 г. № 232). Грей уклонился от разговора, и русскому послу пришлось ограничиться беседой с Никольсоном, который сказал, по передаче Бенкендорфа, буквально следующее: «Что касается союза (с Россией), Никольсон не скрыл от меня, что это всецело его мнение. И он далеко не один. Возможно, что Грей лично не далек от этого. Но Никольсон прибавил тотчас же—и я вполне разделяю его мнение—что сейчас это (т. е. союз с Россией) невозможно. Страна (т. е. Англия) не готова к союзу ни с Францией, ни с Россией и скорее утомляется даже от мысли о своем отдаленном союзнике, Японии. Я прибавлю, что теперешний кабинет, так давно стоящий у власти и переживающий кризис, который или затянется или кончится его (кабинета) падением, не обладает достаточным моральным авторитетом для такого важного дела».

Читателям этой статьи прекрасно известно, что Англия в это время давно была уже союзницей Франции—Никольсон явно использовал неосведомленность Бенкендорфа об этом факте. Но быть союзницей России она еще не хотела, почему именно,—это будет достаточно ясно для каждого, читающего документ: Никольсон сразу после этого заговорил о

трансперсидской дороге. Англо-русский конфликт из-за Персии решительно имел более серьезное значение, чем казалось многим политикам тогда и кажется многим историкам до сих пор.

Но, не желая себя связывать прочными узами с персидским захватчиком, на которого еще, может быть, придется натравить Германию (разговоры Грея с полковником Хаусом [1]), не хотели и выпустить его из под своей власти, слишком охладив его горячие ожидания. Еще в конце декабря 1913 года русского военного агента в Лондоне посетил его коллега, полковник Репингтон, имевший с русским генералом беседу, которую стоит привести целиком.

«Доношу, что на днях меня посетил военный корреспондент газеты «ТАЙМС», полковник Репингтон, и сообщил следующее. Английское общественное мнение, до сих пор, по непониманию, относившееся довольно равнодушно к вопросу о германской военной миссии в Константинополе, теперь начинает сознавать те многие невыгоды и опасности, кои связаны с этой миссией, не только для России, но и для Великобритании. Ближайшая опасность для Англии заключается в том, что, так как Англия получает значительную долю своего продовольственного ввоза из Южной России через проливы, то утверждение германского влияния на Босфоре приведет, в конце-концов, как бы к тому, что, как выразился Репингтон, «германский генерал будет как бы держать в своих руках продовольствие Англии и, в случае войны Англии с Германией, будет иметь возможность угрожать Англии остановкой ее продовольственного ввоза, т. е. просто—голодом.

Помимо вышеизложенной, крайне для Англии серьезной опасности, отмечается еще и та, что германское влияние на Босфоре приведет к усилению Германии в Малой Азии и к давлению Германии на английские сообщения с Индией. По вопросу о принятии турецкого флота в руки английских морских офицеров полковник Репингтон сказал мне, что газета «Таймс» не вполне этой идее сочувствует, так как она усложняет все дело, но что во всяком случае, если германская миссия останется в Константинополе, то лучше, чтобы турецкий флот был бы в руках Англии, так как иначе Германия заберет в свои руки и его. Относительно купленного Турцией дредноута «Рио-Жанейро» Репингтон сказал мне, что по его сведениям дредноут будет совершенно готов и вооружен к сдаче в мае сего года; подготовка же и обучение турецкой для него команды потребует не менее шести месяцев, так что дредноут может начать кампанию в октябре 1914 года.—Репингтон прибавил, что в редакции «Таймс» существует убеждение, что Германия подкупила Энвера» (док. № 4).

Что эта информация чрезвычайно влиятельного английского военного и журналиста была не чем иным, как подстрекательством к дальнейшему влезанию России в конфликт, обнадеживая ее—без всякой формальной

---

[1] См. «Историк-марксист» № 15.

гарантии — помощью Англии, это понятно безо всяких объяснений. Но правительство Николая II было не так просто, как думали в Лондоне.

Из всех документов, которые мы пока процитировали—а мы коснулись всех основных групп документов—совершенно не видно одного: германского империализма. Это, конечно, отнюдь не значит, что эта, одна из решающих, сил на театре мировой дипломатии в это время отсутствовала. Но это несомненно значит, что на русском участке этого театра в данный момент активная роль принадлежала не ей. Это впрочем отлично сознавали и в Петербурге, как свидетельствует нижеследующее письмо Сазонова морскому министру Григоровичу. «Письмом от 3-го сего февраля ваше высокопревосходительство, ссылаясь на ряд появившихся за последнее время в германской печати статей, враждебных России и в частности касающихся нашего Балтийского флота, изволили запросить моего мнения о том, не представляет ли собою эта кампания немецкой печати организованной германским правительством подготовки общественного мнения к возможному активному против нас выступлению.—Не считая возможным утверждать, что берлинский кабинет непричастен к проявляемому ныне германскими газетами недружелюбному нам направлению, я затрудняюсь, однако, видеть в этом прямую подготовку им вооруженного столкновения с нами. Объяснение этого следует, по моему мнению, скорее искать в наблюдаемом вообще теперь агрессивном настроении части германского общества и в частности в раздражении, вызванном в Германии крайне враждебным по отношению к ней тоном нашей печати» (док. № 267). Немец еще не собирался нападать—а тем не менее маленькие союзники России войны ждали, и в самом близком будущем. Под № 161 мы печатаем письмо Сазонову сербского премьера Пашича, содержащее в себе первую редакцию просьбы о снабжении из русских запасов сербской армии. Самая просьба давным-давно известна и опубликована, но в печатаемом теперь письме характерно одно место. «Сербия должна обеспечить себя до ближайшей весны строго необходимым количеством ружей и пушек», писал Пашич. И хотя он ссылается конкретно на агрессивные намерения Болгарии, он делает это только для того, чтобы сказать, что последняя «получает ружья и военный материал из военных складов Австро-Венгрии». Одной Болгарии, только что разгромленной в 1913 году, Сербия, опираясь на своих балканских союзников, Грецию и Румынию, не боялась.

Я уже упомянул, что русское правительство не спешило с удовлетворением сербского ходатайства—и удовлетворено оно было, притом частично, лишь после убийства Франца-Фердинанда. Что это объясняется не скупостью, показывает другой любопытный документ, печатаемый нами под № 196. Это уже не письмо Пашича, а письмо к Пашичу, притом не Сазонова, а Коковцова. Последний напоминает о маленьком долге, номинально Международному банку, а фактически русскому правительству— сербского офицерского общества «Задруга». «Задруга» была легальной

оболочкой, за которой скрывались всякие сербские офицерские организации, и не посвященному в тайны русско-сербских отношений трудно понять, почему русское правительство нашло нужным обеспечить сербским офицерам заем ни более, ни менее как в 4 миллиона (золотых) франков. Знающему же эти отношения письмо Коковцова (док. № 196) говорит очень много.

Но прежде всего оно рисует физиономию Коковцова. Чуть не накануне того дня, когда эти сербские офицерские организации станут чрезвычайно нужны, необходимы русскому правительству—начать какой-то мелочной спор из-за каких-то 4 миллионов франков! Нужно было совершенно не понимать задач русской внешней политики в это время, чтобы совершать такие бестактности. Конечно, Коковцова нужно было снять—и он был снят именно за непонимание задач внешней политики.

Об этом мы узнаем из двух случайных, но чрезвычайно выразительных документов нашей коллекции (№№ 250 и 256). Это—две «перехватки» (иначе «дешифранта») двух телеграмм только что назначенного французским послом в Петербурге Палеолога Думергу, от 13 и 14 февраля. Из «чрезвычайно доверительного» (très confidentiel) добавления к первой телеграмме мы узнаем, что Палеолог ехал в Россию в одном вагоне с известным Орловым, одним из приближеннейших людей Николая, хорошо известным по переписке последнего с Александрой Федоровной, которая была большой приятельницей Орлова. Орлов сообщил французскому дипломату об отставке Коковцова. «Император», прибавил он, «еще четыре месяца тому назад сообщил мне о своем решении. Его величество упрекает г. Коковцова в том, что он всегда подчиняет общую политику и внешнюю политику финансовым интересам». В следующей телеграмме, на другой день, Палеолог давал дальнейшие подробности, еще более любопытные. «Дело идет не только об отказе от финансовой политики г. Коковцова, прежде всего остановившей на себе внимание императора, но о новой ориентации общей политики. Ходит в самом деле слух, что министры военный (? группа не расшифрована вполне уверенно) и народного просвещения уйдут в ближайшее время. Положение министра иностранных дел поколеблено. Меня уверяют, что г. Горемыкин (вновь назначенный председателем совета министров—*М. П.*), разделяющий мнение вел. кн. Николая и г. Гартвига, жестоко упрекал г. Сазонова, что тот оказался слишком послушен советам»... (дальше не расшифровано).

Придворные сплетни, скажете вы. Но ссылка на Николая «Большого» и Гартвига, фактического руководителя сербской политики в это время, звучит чрезвычайно правдоподобно. Сазонов «исправился» и удержался—Коковцов был неисправим и полетел...

Как видим, не содержа в себе первостепенных новых «разоблачений», уже первый том нашей коллекции дает большое количество весьма любопытных деталей к тому, что было уже известно ранее. В последующих томах количество нового материала значительно возрастает.

М. Покровский

К ИСТОРИИ СССР

(Предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке»)

Две первые части этой книжки возникли из лекций, которые автор читал в Москве, в университете Свердлова, во время гражданской войны, в 1919—1920 годах. Некоторые главы представляют собой стенограмму лекций. Слушателями были рабочие, пришедшие с фабрик и заводов, от станка, и отправлявшиеся на фронт в качестве политических руководителей, пропагандистов и агитаторов в рядах Красной армии. Этим пролетарским костяком Красная армия держалась, он создавал идеологию красноармейца, он заражал эту массу по большей части крестьянской молодежи энтузиазмом рабочей революции.

Это были не студенты в обычном смысле этого слова. Конечно, все это были люди грамотные и кое-что читавшие. Но редкий из них прошел какую-нибудь систематическую школу, кроме школы простой грамоты. Перед ними нельзя было развивать ученых теорий, с ними вообще приходилось говорить до последних пределов возможности сжатым языком. Курс свердловского университета тех дней продолжался всего один год. За этот один год они должны были прослушать не только русскую историю, но и историю Западной Европы, и политическую экономию, и философию.

Так, самым ходом работы, перед автором была поставлена задача дать *самый сжатый очерк русской истории*, какой только можно придумать. Автору тогда принадлежал уже большой, университетского типа, курс русской истории, в нескольких томах, но этот курс был написан *до* Октябрьской революции. Он вышел в 1910—1914 годах. Его задача была чисто теоретическая—осветить огромный материал, собранный, по большей части, буржуазными историками, с точки зрения исторического материализма. Общей концепции этого курса автор остался верен и доселе, но это была и есть академическая книжка, годная для студентов и преподавателей истории. Для революционного рабочего нужно было все это пересказать другим языком, называя все вещи не по-ученому, а своими настоящими именами, не тратя времени на полемику с буржуазными авторами, о которых мои слушатели не имели никакого понятия, не пускаясь в историческую критику по поводу документов, которых эти слушатели никогда не видали и никогда не увидят.

Так сложилась эта книжка (1-я и 2-я части)—отнюдь не учебник, отнюдь не ученое сочинение, нечто, может быть, столь же своеобразное, как то учреждение, университет для революционных рабочих, в стенах которого она возникла. Третья часть (история революции 1905—1907 годов) написана гораздо позже: текст, который теперь предлагается чешскому читателю, сложился в 1927 году. Это, собственно, уже не «самый сжатый очерк», а просто популярная история нашего времени. Автор работает теперь над продолжением этой книжки до 1921 года.

«Русская история в самом сжатом очерке» носит как будто националистическое название. Но это название есть просто дань прошлому. В 1920 году не было еще Союза социалистических советских республик, была только Российская социалистическая федеративная советская республика. История возникновения этой республики и рассказывалась слушателям свердловского университета. Теперь мы больше не употребляем этого термина, мы говорим об истории народов СССР. «Русский», т. е. по старому «великорусский» народ (название, которое теперь тоже выходит из употребления, как вышло уже из употребления название «малорусский») лишь один из героев этой истории. Но историю этого народа все-таки полезно знать не только его товарищам по СССР.

История этого народа долго, до появления марксизма на русской почве, знала только то, что делали его феодальные владыки. Их история была историей грабежей и захватов. Родиной великороссов было небольшое пространство между реками Окой и верхней Волгой, там, где теперь находится Московская промышленная область. Наиболее чистым образчиком великорусского языка до сих пор является московский говор. Но московским царям было тесно на этом пространстве. На Запад им трудно было двигаться—там жили народы, более культурные и более сильные, чем великороссы,—«литовцы» (в сущности—белоруссы), поляки, немцы и шведы. Войны с этими народами долгое время не приносили ничего, кроме неудач. Но на востоке были менее культурные и более слабые, разрозненные, тюркские, финские и различные северные (палеоарктические) племена. Их беспощадным «покорением» и занялись московские владыки. К концу XVII века их военные отряды дошли до Тихого Океана. И все это огромное пространство, населенное самыми разнообразными народами, стало называться «Россией», и всем этим народам было приказано называться «русскими», хотя подавляющее большинство их не понимало ни одного слова того языка, которым говорили в Москве. До Октябрьской революции 1917 года ни один из этих народов не смел иметь своей культуры. Их национальное возрождение стало возможно только благодаря победе пролетарской революции в стране, которая называлась «Россией» потому, что до половины XVIII века ею управляли великорусские государи, считавшие Россию своей вотчиной. До Петра I эти государи говорили на чистом великорусском языке, с Петра их язык стал портиться, с Екатерины II в их жилах текло больше германской крови,

чем русской—но они продолжали считать себя русскими, и все их подданные обязаны были быть русскими. «Русский» значило, собственно, «подданный русского царя». Как все крепостные крестьяне графов Шереметевых назывались «шереметевскими», так и все подданные царей назывались «русскими». К концу существования царской монархии среди них были уже не только восточные народы (число которых чрезвычайно увеличилось с захватом Кавказа и Средней Азии), но и целый ряд западных: украинцы, белоруссы, большая часть поляков и литовцев, латыши, эсты, финны, немцы, шведы и т. д.

Домарксистские историки, профессора университетов, знали только историю этого «государства российского», по большей части скромно отводя взоры от его пестрого национального состава. Изучалась история «русских» учреждений и «русских» законов—историей «русских» завоеваний занимались преимущественно не университетские профессора, а военные генералы. Что делали народные массы, даже чисто великорусские, об этом почти не говорилось с университетской кафедры. Об этом писали только «неблагонадежные» историки, вроде Костомарова, Щапова или Василия Семевского, которых с кафедры прогоняли или на кафедру не пускали. Народные массы официальными историками систематически изображались не как субъект, а как объект действия: не они делали, а с ними что-то делали.

У такой точки зрения было свое достаточное основание. С самого начала XVII века, т. е. больше 300 лет, эти массы только и делали, что пытались всеми способами сбросить висевший над ними гнет, гнет царя и гнет помещика. «Русская» история, если отвлечься от истории канцелярий, которою преимущественно занимались благонадежные историки царского времени, была историей революции, сначала, до середины XIX века, крестьянской, потом рабочей. Нет надобности говорить, что эти классовые революции поминутно переплетались с национальными, поскольку покоренные «русскими» царями народности тоже весьма неохотно терпели свое угнетение и при первой возможности старались от него избавиться. Особенно отчаянно сопротивлялись в старое время башкиры, а в XIX веке кавказцы.

Обо всей этой—или всех этих—народных революциях официальная, академическая история не говорила почти ни слова, да и неофициальным историкам, вроде упоминаемых выше, не позволялось говорить слишком много. Самое слово «революция» в применении к русской истории было строжайше запрещено. Вместо него говорили об «общественном движении», иногда о «народных движениях». Как будто в обычное время общество и народ стоят на одном месте, а начинают двигаться только по временам. От этой официальной традиции трудно было избавиться даже неофициальным историкам. Даже упоминавшийся выше историк русского крестьянства В. И. Семевский (по убеждениям народник, а не марксист, но вполне честный человек, почему и не занимал никакой кафедры) писал

еще, что перед «волей» 1861 года крестьяне были, будто бы, совершенно спокойны. Между тем из секретных архивов царской политической полиции («III отделения канцелярии его величества») мы теперь знаем, что крестьянские волнения в это время происходили в 25 губерниях (из 52): волновалась половина России! И царская полиция еще очень этому радовалась—она готовилась к поголовному крестьянскому бунту. С рабочими забастовками царская полиция вела борьбу с 1860-х годов, причем уже в 1870 году стачкам придавалось такое важное значение, что ими интересовался сам царь Александр II. А еще в 1880-х годах вполне приличные люди наивно писали, что в России рабочего вопроса нет вовсе, в чем ее счастливое отличие от Западной Европы.

Только Октябрьская революция открыла, какое великое революционное прошлое было у народов, изнемогавших под гнетом «русского» царя—начиная с самих великороссов. И только знакомство с этим прошлым сделало глубоко понятной самое Октябрьскую революцию. Она разразилась в стране, где классовая борьба достигала такой остроты, как ни в одной из европейских стран. «Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание», сказал Ленин. Если социализм именно в СССР на наших глазах становится реальностью, то объяснения этому нужно искать прежде всего в глубочайших революционных традициях тех народов, из которых составился Союз. Мы идем,—точнее говоря, шли до сих пор—позади многих народов в области культуры и техники. Мы идем впереди их в области навыков и привычек революционной борьбы и революционного творчества. Мы страдали под гнетом, о котором понятия не имели другие народы, и мы выработали и развили в себе такую силу сопротивления гнету, что ее хватило не только для того, чтобы сбросить старый феодальный, но и новый капиталистический гнет, хватило не только для того, чтобы могли освободиться мы сами, но и для того, чтобы помочь освободиться угнетенным всех стран.

С. Пионтковский

ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ

Характернейшей чертой буржуазной историографии дореволюционной России был национализм. Буржуазная историография не изучала в истории России национальных вопросов. Вся история России для нее была лишь историей Великороссии. Она отлично сознавала, как сформулировал это еще Ключевский, что великорусское племя образовалось путем «естественного нарождения и поглощения восточных инородцев» (В. Ключевский, курс, т. I, с. 25), но это поглощение, по его словам, происходило мирным путем, почти что незаметно, представляя собой просачивание в населенные земли. Происходило, писал он, «заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев». Памятники, утверждает Ключевский, «не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний» (с. 365). Скопившаяся в волго-окских лесах главная масса русского народа «собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния» (с. 360). Эти положения и формулировки ясно указывают, что Ключевский в своем творчестве является историком не народов России, а историком одного великорусского народа, бывшего, по его мнению, основным стержнем исторического процесса. В своем безудержном национализме Ключевский на всем протяжении своей исторической работы к национальным вопросам не возвращается, и национальные вопросы его не интересуют. Его интересует процесс охвата великорусским племенем всей европейской равнины и создание на ней централизованного государства. Отрицание национального вопроса было у него ничем не прикрытым шовинизмом, обслуживанием великодержавных тенденций господствующей буржуазии. Национализм Ключевского— это часть той охранительной и политической программы, которую он обосновывал и защищал в своих политических рабочих. Ключевский и сейчас является знаменем для буржуазной историографии. В своих построениях исторического прошлого нашей страны буржуазные историки и сейчас исходят из положений Ключевского. Выступавший в послеоктябрьский период в 1922 г. в русском историческом журнале, издаваемом Академий Наук, со специальной статьей о Ключевском—Голубцов указывал, что Ключевский оставил глубокие следы и имеет огромное значение для развития русской

историографии как раз именно тем, что он отрицал монистическое объяснение истории. Это превращает Ключевского в знамя целой школы. Шовинизм Ключевского, его глубокий великорусский национализм являются характерной чертой, которую сохранила наряду с отрицанием монизма, т. е. отрицанием марксизма, и многими другими чертами воззрений Ключевского буржуазная историография нашего времени. Великодержавность и национал-шовинизм свойственны всем буржуазным историкам России. В своих исторических работах эти историки по своей методологии, по своим концепциям, по своей фразеологии стоят на тех позициях, которые были свойствены зоологическому национализму московских лабазников. Проф. Бахрушин, например, в своих исторических работах обнаруживает точные сведения о том, какой характер присущ той или другой нации. Поляки, по его сведениям, хвастуны, и в статье о Павле Хмелевском, напечатанной в сборнике в честь академика Платонова, он уверяет, что герой говорил «с самохвальством, свойственным его нации». А в своих очерках по истории колонизации Сибири тот же Бахрушин мелкие сибирские народы очень часто называет просто и красочно «дикарями». Этот национализм сохранился в исторических концепциях и Бахрушина, и Платонова, и Любавского, и многих других. Это—историки прежде всего великорусского народа, певцы господствующего прошлого Великороссии. В своих исторических работах они продолжают мечтать о «Великой и Неделимой». Все, что когда-то попадало в орбиту России, по их мнению, является достоянием русской истории, и объектом изучения русской истории является только Великороссия. Академик Успенский уверяет, что история Трапезундской империи «входит некоторой частью в задачи, принадлежащие истории России» только потому, что когда-то Трапезунд был связан с югом России («Очерки из истории Трапезундской империи», Ленинград 1929, с. 2). Но, если, по мнению Успенского, Трапезундская империя является частью русской истории только потому, что она была когда-то связана с Россией, то, по мнению Бахрушина и Любавского, предметом изучения русской истории является только история великорусского народа. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI веке» [1] Бахрушина и «Образование основной государственной территории великорусской народности» [2] Любавского трактуют исключительно только об истории Великороссии. Акад. Любавский в предисловии к своей книге указывает, что его задачей является свести воедино «данные, относящиеся к истории заселения коренной Великороссии до XVI века». Поставив перед собой такую задачу, он естественно не мог обойтись без разрешения национальных вопросов. Но их он разрешает более чем просто. Он отлично знает, что славянское население появилось уже в населенной стране, но для него не существует вопроса о том, какие взаимоотношения создались между коренным населением страны и пришлыми

[1] Изд. Сабашниковых, 1928.
[2] Изд. Акад. наук, 1929.

славянскими племенами, в каких формах они протекали. Он готов изобразить эти отношения как непрерывную защиту великорусского племени от всевозможных насилий со стороны основного населения, уничтоженного в процессе колонизации. По его словам, отношения с Ордой и татарами определялись тем, что татары применяли «политику открытого грабежа и хищничества и русские князья поневоле должны были принимать меры к обороне своих владений» (с. 83). При таком методологическом подходе естественно Любавский считает, что одним из основных стимулов создающегося возвышения Москвы было национальное сознание. О росте национального сознания распространялся в свое время и Ключевский. А о системе производства, об экономической борьбе и порожденной ею борьбе классов Любавский молчит. Во время княжеских усобиц за московского князя против Твери стояло большинство потому, «что его противники пользовались услугами Литвы и татар» (с. 75). Вся цель работы Любавского направлена на то, чтобы выяснить, каким образом создалось Московское государство. При полном замалчивании истории отдельных национальностей и при подчеркнутом отношении к национальному вопросу, при упорной защите великороссийской национальности— это является резко шовинистическим выступлением. Внимание историка фиксируется только на великорусском народе и Московском княжестве, все остальное для него лишь материал, о котором не стоит говорить. Работа облечена в чрезвычайно примитивную и слабую в научном отношении форму. Вся ее ценность не идет дальше установления хронологического списка присоединений к Московскому княжеству отдельных областей и районов. От оценки национального вопроса Любавским не отстает и акад. Платонов. Объясняя рост Московского княжества в одной из своих работ, он указывает, что этот рост натолкнулся на борьбу с средневолжскими национальностями. Платонов оправдывает разорение и уничтожение этих национальностей как необходимое средство для возвышения великорусского народа. «Разбои черемис,—пишет он,—на рубежах и набеги их на галицких и на волоки к Сухони стали обычными и угнетали русское население. Необходимы были крутые и крупные меры, чтобы добиться спокойствия и безопасности, и они принимались»... (Платонов, Прошлое русского севера, 1923, с. 40). После таких исторических построений российских академиков вполне понятно, что проф. Бахрушин объясняет целый ряд явлений из колонизации Сибири тем, что сибирские народы нападали на русских колонистов. При переправах через Урал, пишет он, «русским людям грозила постоянная опасность от самоедов» (с. 77).

«Неспокойное состояние Приуральского края в XVI веке заставило принять меры предосторожности», и этим объясняются политика и мероприятия Строгановых по завоеванию Сибири. И ни слова не говорится, что эти торговые экспедиции в Сибирь несли с собой грабеж и разорение сибирским аборигенам и означали захват их земель и наложение дани и ясяка на свободное население. Все процессы колонизации Сибири

происходят в непрерывных стычках и боях с различными национальными племенами, населяющими Сибирь. Это само указывает на остроту национального вопроса и должно заставить историка вдумываться в постановку национальной проблемы. В процессе колонизации Сибири Бахрушин только констатирует эти бои, его интерес сосредоточен вокруг истории распространения великорусского племени, его пути и дороги, страданий и борьбы—вот что интересует историка, и нигде историк не говорит о том, что все эти бои и труды велись лишь во имя ограбления и уничтожения в первую голову мелких сибирских национальностей. Историка интересует лишь внешняя сторона процесса колонизации, понимаемой в самом упрощенном смысле. Ни одной теоретической, ни одной социальной проблемы историк не ставит, он следит лишь за распространением великоруссов на сибирской территории и этим самым лишь резче подчеркивает свой примитивный национализм.

Зато он совершенно неожиданно вскрывает то, что понимал Ключевский под мирным проникновением. Проф. Бахрушин продолжает историческую традицию Ключевского и исходит из положения, высказанного в курсе Ключевского, что история России есть история страны, которая колонизируется. Бахрушин пишет о колонизации Сибири: «Характер этого передвижения, методы и цели завоевания, отношения, в которых колонисты становились к туземцам, повторены вероятно и в XVII веке и даже позднее приемами славянской колонизации финского Поволжья, и изучение колонизации Сибири за Уралом раскрывает конкретный процесс, происходивший за много веков раньше на территории русской равнины (с. 143). Здесь политические стремления историка вошли в конфликт с историческими фактами. Проф. Бахрушин сам заявил, что он продолжает национал-шовинистическую политику Ключевского, указав, что его книга является продолжением мыслей Ключевского. Но мысли Ключевского сводились к защите и обоснованию «Великой и Неделимой», к защите и обоснованию безраздельного господства и национального угнетения великорусским народом всех национальностей, населявших старую Россию. Бахрушин в своей книге обрисовал, как великорусское племя захватило и освоило необъятную по своим размерам Сибирь, подчеркнул активную роль великорусского племени, свел весь вопрос к борьбе с «дикарями», но он забыл о другой стороне положения Ключевского. Ключевскому нужно было не только избежать постановки национальной проблемы, но ему нужно было доказать отсутствие национального антагонизма в старой России. А Бахрушин, примитивно и грубо смолчавши о наличности этого национального антагонизма и рассказавши о боях и муках, какие терпели великорусские насильники Сибири, преодолевая сопротивление сибирских аборигенов, указал тем самым и на национальный антагонизм, а переключая этот процесс на великорусскую равнину за несколько столетий раньше, тем самым вскрыл то замалчивание, которое допустил Ключевский, и вскрыл и свое собственное замалчивание.

Говоря лишь о великоруссах, Бахрушин продемонстрировал свою связь с Ключевским как продолжатель национал-шовинистических традиций в историографии.

Национал-шовинистические течения и настроения не ограничиваются тем, что буржуазные историки трактуют больше всего об истории Великороссии и стремятся подменить историей Великороссии историю народов СССР; эти настроения сказываются и в том, что эти историки, говоря об истории отдельных народов СССР, выступают в роли апологетов великодержавной России. В «Известиях Академии Наук» была напечатана бесспорно «замечательная» в этом отношении работа акад. Маркевича, посвященная вопросу о переселении крымских татар в Турцию. Работа эта была опубликована в 1928/29 г. в «Известиях Академии Наук». Изучение прошлых судеб крымских татар—это научный ответ на задачу изучения истории народов СССР. И разрешение этой темы, ее разработка указывают, как буржуазная историография справляется с новыми задачами, вставшими перед ней, какой политический ответ она дает на них. Академик Маркевич в своей работе пишет о тех благах, которые несло татарам завоевание Крыма дворяно-феодальной Россией, и о том грубом непонимании, каким ответило татарское население на эти благодеяния. «Никакой вражды к татарам,—пишет Маркевич,—гнета их, преследования, ни со стороны властей, ни со стороны русского населения Крыма не было...». «Русское правительство,—пишет он,—относилось к крымским татарам благожелательно, доверчиво и снисходительно, и они пользовались такими льготами и привилегиями, каких не имели другие народности России, русское население Крыма и вообще русский народ. Обвинения русского правительства в том, что оно упорно и систематически стремилось к изгнанию татар из Крыма, не имеет серьезных обоснований и является неверным. Что касается русского населения Крыма всех сословий и классов, то оно всегда относилось к татарам вполне дружелюбно»... Ученый академик забыл и крепостное право, и расхищение татарских земель, приведшее почти к поголовному обезземелению, и национальный гнет и гнет экономический. Из изучения истории он понял только необходимость защищать эксплоатацию крымских татар российским дворянством. По его словам, татары ушли из Крыма только по национальным причинам: «Религиозный фанатизм, националистические тенденции, косность и некультурность татарских масс, опасение отбывания общей воинской повинности вне Крыма—вот главные причины ухода татар из Крыма»...

Таковы последние исторические работы.

В области национального вопроса между работами русских буржуазных историков после Октября и работами буржуазной историографии до Октября в лице школы Ключевского намечается полная и тесная связь. Это одна и та же историческая традиция. Это выступление одного и того же класса. Одинаковыми средствами он пытается достигнуть хотя и

разных целей, но целей, стоящих перед одним классом, перед буржуазией. В доoктябрьской России буржуазия отрицала самое существование национального вопроса, перед российской буржуазией иногда стояла задача непрерывной эксплоатации всех народов России в своих собственных целях и интересах, и, отрицая и замалчивая национальную борьбу в прошлом, тем самым идеологи буржуазии укрепляли господство великорусской буржуазии и помещиков в настоящем. В послеоктябрьской России положение изменилось, и лишенная средств и орудий производства буржуазия обостренно трактует национальную проблему. Это для нее одно из средств мобилизации сил на борьбу за свое утраченное положение. Обосновывая создание Московского княжества, описывая колонизацию Сибири, она тем самым описывает старую «Великую и Неделимую». Последние остатки буржуазии своими историческими работами пытаются развернуть старую политическую программу. Теперь дело не идет об обосновании процесса эксплоатации, дело не идет о том, чтобы идеологически овладеть эксплоатируемой массой,—дело идет о том, чтобы завладеть вновь утраченными позициями. Для российской буржуазии национал-шовинистические выступления являются формой выражения ее тоски по потерянным позициям и ее стремления к восстановлению разрушенной системы отношений. Вот почему буржуазные историки обостренно защищают политику старой царской России, вот почему они исключают национальный вопрос из исторического изучения. Вот почему они историю народов СССР трактуют лишь как материал, из которого создавалась росссйская история. Вот почему в самой истории России они видят лишь вопрос о создании необъятного централизованного государства, поглотившего в себе все разнообразные края и народы европейской и азиатской России. Вот почему их сейчас привлекает и процесс образования великорусского племени и процесс колонизации Сибири: все, что было на территории России, относится к русской истории не только потому, что оно хранит на себе печать великорусского народа, но потому, что оно было объектом эксплоатации великорусской буржуазии, этих, по ироническому выражению Ленина, собирателей земли русской (Собр. соч., т. I, с. 149), которые создавали и держали в своих руках «Великую и Неделимую».

Разрешение национального вопроса Платоновым, Любавским, Бахрушиным, Маркевичем, продолжение ими традиции Ключевского—это политические выступления тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности, кто до сих пор не понял, что подменить историю народов СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии.

Т. Скубицкий

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой, якобы целой национальной культуре и т. п. есть буржуазный национализм, с которым обязательна беспощадная борьба».

(Ленин, т. XIX, с. 51).

История Украины марксистами до сих пор мало разрабатывалась. Если марксистская схема исторического развития России насчитывает около 30 лет, то над историей Украины марксисты начали работать всего только около 10 лет, т. е. со времени закрепления завоеваний Октябрьской революции на Украине. Марксистская историография на Украине до настоящего времени находится в процессе формирования и роста. Историкам-марксистам Украины приходится как разрабатывать отдельные проблемы, так и создавать общую схему украинского исторического процесса в борьбе с давно сложившимися буржуазными и мелкобуржуазными националистическими концепциями. Но до настоящего времени позиции историков-марксистов в их борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными историческими школами и концепциями остаются чрезвычайно слабыми. Классовая природа украинских мелкобуржуазных и буржуазных историков еще не получила достаточного разоблачения. Этому препятствует в сильной степени то обстоятельство, что руководство многими кафедрами, изучающими историю Украины, оставалось до последнего времени в руках членов СВУ или им сочувствующих. Научно-исследовательская работа и подготовка кадров по истории Украины сосредоточена, главным образом, в следующих городах: Киеве, Харькове Одессе, Нежине и Днепропетровске, где имеются научно-исследовательские кафедры, работавшие под руководством Грушевского, Багалея, Эварницкого, Гермайзе, Слабченко и Яворского.

Наиболее сильным очагом мелкобуржуазного и буржуазного направления является Всеукраинская Академия Наук, где под руководством М. С. Грушевского работает 14 научных исторических учреждений и комиссий и издается около 10 журналов, периодических изданий и сборников по тем или другим вопросам. Мы начнем рассмотрение Украинской исторической науки со школы Грушевского.

М. С. Грушевский является довольно заметной фигурой в общественно-политическом движении Украины в первой четверти XX в. В нем сочетался крупный ученый историк, публицист и общественно-политический деятель. Как политический деятель Грушевский принадлежит прошлому, как историк и публицист он представляет значительный общественно-политический интерес и в настоящее время. Поэтому при

характеристике его как историка, мы должны помнить, что между Грушевским-политиком и Грушевским-историком существует тесная и неразрывная связь, что все зигзаги политической линии Грушевского находили и продолжают находить непосредственное отражение в его публицистических и научно-исторических работах и выступлениях.

В настоящей статье остановимся только на его работах, посвященных общественно-политическим движениям и историческим экскурсам по истории конца XIX и XX вв.

Но прежде чем переходить к этим вопросам, мы считаем необходимым хотя бы кратко остановиться на общих теоретических вопросах и на вопросах общего мировоззрения, которое определяло и определяет исходные социологические положения и историческую концепцию каждого историка. Вопросы общей методологии, волновавшие Грушевского в начале его научно-исторической деятельности, изложены им в его большой работе «Генетична Соціольогія», в которой автор кроме специальных исторических вопросов излагает наиболее четко свои социологические взгляды. Грушевский всецело стоит на буржуазных позициях. По мнению Грушевского марксизм не в состоянии объяснить всей сложности общественной жизни человечества. Материалистический монизм для правильного объяснения закономерности исторического процесса и социологических явлений недостаточен. Исторический процесс на различных этапах развития общества настолько сложен, что объяснение общественных явлений, исходящее из положений исторического материализма, является «упрощенством». Для правильного научного и всестороннего объяснения общественной жизни человечества по мнению Грушевского требуется три ряда факторов: биологический, экономический и психологический. Эти три ряда факторов не являются равноценными двигателями социального развития; каждый из них имеет преобладающее значение на известной стадии общественного развития. На первых ступенях развития, когда человек находился еще в стадии примитивных форм социальной жизни, определяющим фактором развития исторического процесса является биологический. Влияние экономического фактора на этой стадии социального развития незначительно.

Грушевский, механически перенося законы биологии из животного царства на человеческое общество, обвиняет марксистов в односторонности, невыдержанности монистического взгляда на исторический процесс. По его мнению марксисты, «переходя от абстрактных форм к конкретному изображению исторического процесса», отступают от своих положений и допускают не меньше двух рядов факторов социальной эволюции [1], биологического и экономического.

Переход от низших примитивных форм социальной жизни к более сложным диференцированным объясняется по мнению Грушевского не развитием производительных сил общества, а влиянием внешних обстоятельств и тех основных факторов или функций социальной жизни, которые для краткости можно свести к трем категориям: биологической, экономической и психологической [2].

Наряду с биологическим и экономическим факторами постепенно приобретает все большее значение психологический фактор. «С развитием духовной жизни человечества, уже на очень примитивных стадиях жизни—говорит Грушевский—параллельно им (т. е. биологическому и

---

[1] М. Грушевський, Генетична соціольогія, Прага 1921, с. 38.
[2] Там же, с. 41.

экономическому факторам—*Т. С.*)—приобретает очень важное и самостоятельное влияние психологический фактор, все в более широких и разнообразнейших своих проявлениях, как то: религиозное представление, обычай, мораль и искусство» [1].

Все эти факторы по мере усложнения общественного процесса развития «начинают все самостоятельнее и сильнее влиять на социальную эволюцию» [2].

Таким образом психологический фактор не только не подчинен действию экономического, но часто имеет самостоятельное доминирующее значение. Не понимая диалектического взаимоотношения базиса и надстройки, имея обывательское представление о марксизме, Грушевский, вслед за многими буржуазными критиками марксизма, находит у марксистов противоречие в том, что в своих теоретических работах они считают решающими движущими силами общественного развития производительные силы, а в своей... «практической политике очень считаются с влиянием надстройки и считают возможным и даже обязательным своей пропагандой и организацией, психологическими, культурными и политическими мероприятиями помогать экономическому процессу и ускорять результаты изменений производства» [3].

Грушевский не понимает диалектики исторического процесса, он также не понимает диалектического взаимоотношения экономического и социального в истории и механически соединяет и рассматривает экономическую и социальную историю. Поэтому для него остается непонятным одно из основных положений марксизма, что в каждом классовом обществе все экономические явления носят печать классовости, что экономические процессы одновременно определяют классовую структуру общества, содержание и формы классовой борьбы.

Ведя атаку на марксизм путем «исправлений», «дополнений», изображая свою систему взглядов как «преодоление марксизма», Грушевский не может диалектически связать развития производительных сил как основы социально-экономического процесса с формами классовой борьбы, когда он утверждает, что марксисты «на место эволюции форм материального производства выдвинули как основную движущую силу социальной эволюции экономические антагонизмы и классовую борьбу, созданные развитием собственности» [4].

Однако атака на марксизм на этом не заканчивается. Грушевский не понимает и классовой природы государства. В книге «Генетична соціольогіі», венчающей тридцатипятилетнюю научную деятельность, М. Грушевский развивает антимарксистские, буржуазные взгляды на происхождение и роль государства в общественной жизни человечества.

Грушевский склонен считать вслед за буржуазными «правоверными юристами, что без государственной жизни человека собственно никогда не было» [5] и не будет в будущем социалистическом обществе.

По мнению Грушевского государство не является исторической категорией, обусловленной определенными социально-экономическими процессами, возникающей как результат классовой диференциации общества, а раз навсегда данной вечной, берущей свое начало в тумане доисторических времен.

---

[1] М. Грушевський, Генетична соціольогія, с. 38.
[2] Там же, с. 38.
[3] Там же. с. 38—39.
[4] Там же, с. 25.
[5] Там же, с. 249.

«Государство,—говорит вслед за Елинеком Грушевский—это суверенный союз народа, который путем плановой деятельности, регулируемой сверху, удовлетворяет индивидуальные, национальные, общечеловеческие интересы солидарности в направлении прогрессивного развития общества».

Противопоставление Энгельса «родо-племенной организации государству как чего-то нового, прежде неизвестного, по мнению Грушевского неправильно. По его мнению, если смотреть глубже в сущность родо-племенной организации и ее функции, то невозможно резко разграничивать родо-племенную организацию от сущности понятия государства». Вся «глубина» взглядов Грушевского по этому вопросу заключается в том, что он, не замечая принципиального различия между классовым и бесклассовым обществом, механически сравнивает и переносит социальные явления давно прошедших периодов в настоящее. Ограничиваясь шаблонным буржуазным отождествлением государства и организованости, он находит, что у «северо-американских индейцев организационный процесс племенной жизни достиг высших форм политической организации что между..... федерацией ирокезов и нынешними федерациями республик (под нынешними федерациями республик автор понимает Лигу наций. *Т. С.*) нельзя найти никакого различия» [1].

Для Грушевского, как и для всякого подлинного буржуазного социолога, Лига наций не является аппаратом империалистической буржуазии для грабежа колоний, а «высшей ступенью современной правовой мысли», словом, Лига наций—венец человеческой мудрости.

Социологические взгляды Грушевского—теория различных социально-исторических и биологических факторов, давно отвергнутая исторической наукой, преподносится как что-то новое, до сих пор неизвестное. Теория факторов расчленяет деятельность общественного человека и превращает отдельные ее части в самостоятельные, независимые от других, силы, будто бы определяющие собой историческое движение общества. Сочетание этих факторов, при бесконечной сложности общественных явлений, разнообразно; поэтому закономерности исторических процессов, по мнению Грушевского, нужно искать прежде всего в закономерности отдельных факторов, а потом уже в их совместном действии. Грушевскому чужда диалектика исторического процесса общественного развития. Грушевский считает, что исторический материализм слишком узок, догматичен и «безоглядно упрощает» исторический процесс.

«Генетическая социология»—это работа, целиком направленная против марксизма в защиту буржуазной методологии [2].

От разбора методологии Грушевского перейдем к его историческим работам последнего периода, печатаемым в журнале «Украина». Грушевский, как и его многочисленные сотрудники и аспиранты, широко и настойчиво пропагандируют буржуазную схему украинского исторического процесса,

---

[1] М. Грушевський, Генетична соціольогія, с. 179.

[2] На разборе и критике отдельных социологических положений Грушевского мы останавливаемся, потому что этот буржуазный хлам преподносится с высоты «ученого» Олимпа аспирантам научно-исследовательской кафедры по истории Украины в Киеве, где Грушевский руководит семинарием по «современной социологии» (см. «Украина», 1925, с. 173).

Кроме того на этом следовало остановиться еще и потому, что один из руководителей «марксистской» историографии—Яворский оценил эту книгу, как большой вклад в «материалистическую литературу по социологии»... («Книга» № 2. 1923, с. 33—34).

в основе которой лежит принцип отсутствия классов и классовой борьбы в истории Украины. Украина, по этой схеме, в своем историческом развитии не имела господствующих классов, она потеряла их благодаря денационализации, благодаря полонизации и руссификации, а поэтому носителями украинских национальных особенностей остались только крестьянство и интеллигенция.— Основой украинского исторического процесса была не классовая борьба, а борьба «украинских трудовых масс» за «национальное самоопределение». Эту борьбу поддерживала, оформляла и руководила украинская интеллигенция, «критически мыслящие личности». Украинский исторический процесс вплоть до последнего времени по мнению Грушевского и его школы,—это борьба украинского крестьянства и интеллигенции за «идею национального самоопределения». Украинской интеллигенции, без различия партийно-политических направлений, Грушевский и в 1929 году придает такое же значение, какое он отводил ей в начале своей научно-политической деятельности. Украинская интеллигенция, по Грушевскому, всегда шла во главе украинского освободительного движения.

Как в революционные годы 1648-54, так и все последующее время интеллигенция формулировала идеи национального освобождения Украины. «Хмельниччина»,—говорит Грушевский,—только эпизод в жизни Ураинского народа. То, о чем мечтали тогда, начинает осуществляться только теперь. «Идеалы наши лежат не позади нас, а только впереди» [1]. О чем же мечтала, за что боролась, по мнению Грушевского, как тогда, так и теперь украинская интеллигенция? Она боролась за создание украинского независимого государства. «Лабораторией, где создавались государственные идеи и программы, отзвуки которых потом долетают до нас из казацких кругов, были в это время прежде всего киевские интеллигентские круги, светские и духовные, и их посредственно и непосредственно благодарил Хмельницкий за перемену в своих настроениях и планах...» [2].

Украинская интеллигенция, начиная с XVII века, боролась и ведет борьбу в настоящее время за то, что «ее предки неосторожно отдали..... царю еще в 1650 году» [3].

В концепции Грушевского нет места украинскому пролетариату. Классовая борьба украинского пролетариата и крестьянства против помещиков и буржуазии не находит места на страницах издаваемых журналов. Пролетариат Украины, по мнению Грушевского, может стать составной частью украинского исторического процесса, а вместе с тем и объектом его изучения только тогда, когда он будет составлять одну этнографическую и национальную массу с украинским крестьянством. «Только тогда, когда вполне сознательные крестьянские слои вольются в рабочие слои города, фабрики, шахты и понесут туда украинскую сознательность, украинизируя рабочие массы..., только тогда наша крестьянская Украина станет действительно вполне рабоче-крестьянской страной» [4].

До тех пор, пока в рабочем классе Украины значительную часть будут составлять рабочие по национальности не украинцы, Грушевский предлагает не изучать историю рабочего класса Украины, а лозунг коммунистической партии и советской власти «лицом к деревне»—использовать для «всестороннего изучения исторической жизни рабочих масс

[1] «Пролетарська правда» № 277, 1929.
[2] Грушевський. Історія України Руси, т. VIII, ч. 3, с. 128, 1922, изд. 2-е.
[3] «Україна» № 1, 1929, с. 1.
[4] Сборник «Юбилей академика М. С. Грушевского», с. 26.

украинского народа—масс крестьянских—и таким путем приготовить переход к изучению новой жизни еще не полностью сформированных рабочих масс». Украинская культурная работа для украинской деревни (читай для кулачества—*Т. С.*) еще не закончена, и работа украинской историографии в этом аспекте еще не сказала своего последнего слова. Задача формирования украинского рабочего класса, которая должна завершить формирование украинской национальности, ведет нас по пути работы—лицом к деревне...» Мы сознательно ставим себе задачу—закончить формирование украинской национальности созданием сознательного рабочего класса путем полного завершения культурного цикла для деревни» [1].

Под национально «вполне сознательными крестьянскими слоями» Грушевский, конечно, понимает кулачество, которое, проникая в среду рабочего класса, должно сеять шовинизм, национальную вражду между рабочими и, разрушая единство рабочих, тем самым подготовлять почву для восстановления буржуазной власти на Украине. Так и только так нужно понимать программно-политическое выступление Грушевского на своем юбилее.

Эта программно-политическая речь идеолога мелкой буржуазии, произнесенная в 1926 году, претворялась в жизнь за последние три года в многочисленных периодических журналах, толстых и объемистых изданиях сборников, отдельных исследованиях и статьях. Отступления были сделаны только в том направлении, что внимание всей школы было сосредоточено не на изучении истории крестьянства, его борьбы с помещиками и буржуазией, историческом анализе диференциации деревни и классовой борьбы в деревне в прошлом и настоящем, а преимущественно на обрисовке жизни и деятельности украинской националистически настроенной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, безразлично идеологом каких классов являлась та или другая группа или организация интеллигенции. Периодические издания, сборники, журналы заполнялись преимущественно биографиями и описанием деятельности «критически мыслящих личностей»: Максимовича, Лазаревского, Драгоманова, Кулиша, Костомарова, Антоновича, Франка и других.

За последние три года кроме журнала «Україна», специально посвещенного изучению общественно-политических и литературных движений за XVIII—XX вв., и отдельных сборников и изданий вышло 5 томов «За сто літ», которые наполнены статьями и материалами об украинских писателях, историках и политических деятелях.

Во всех статьях освещается работа украинской интеллигенции под углом зрения борьбы ее за буржуазно-национальное освобождение. Классовых характеристик как отдельных лиц, так и целых организаций и партий, историки школы Грушевского не дают, а поэтому не удивительно встретить тождественные оценки идеолога предпролетариата Шевченко и отъявленных монархистов—Максимовича, Лазаревского и Кулиша лишь на том основании, что как первый, так и последние в своих литературных выступлениях касались «украинского трудового народа». Грушевский, объединяя все классы украинского общества и закрывая глаза на классовые противоречия, соглашается с Кулишем, что в борьбе «за идею украинского возрождения» Запорожье и после Хмельницкого было объединяющим началом «тенденций культурных государственных с социальными и социалистическими (разрядка наша) требованиями украинского народа, нашедших свое самое высшее развитие в концепции Сечи [2].

[1] Сборник «Юбилей академика М. С. Грушевского», с. 25—26.
[2] «Україна» № 1—2, 1927, с. 10.

Нивеллировав классы и классовые противоречия, Грушевский подкрепляет свои предположения ложным утверждением, что будто бы и Шевченко хотел объединения «городовых кармазинников и сечевых низовиков, или левобережной старшины и правобережной черни» [1], в борьбе за «украинское возрождение».

Пролетариат и крестьянство в революции 1905 года, по мнению Грушевского, боролись не за разрушение старого помещичьего социально-экономического и политического строя, а только за то, к чему стремилась мелкобуржуазная украинская интеллигенция. В 1929 году в одном из номеров «Україны» Грушевский пишет, что революция 1905 года дала «украинской интеллигенции возможность осуществить то, чего она напрасно добивалась различными дипломатическими мероприятиями вырвать из «мертвой хватки» русского империализма» [2] в продолжении XVII—XX вв.

Грушевский не останавливается перед тем, что классовую борьбу рабочего класса и крестьянства в революциях 1905—1917 годов отбрасывает как ненужную, ибо «Абазы и Безобразовы, Гапоны и Зубатовы, Распутины и Сухомлиновы подточили его (царское самодержавие—*Т. С.*) изнутри и сделали ненужным не только глубокие обходы интеллигентов-культурников, но и лобовую атаку руководителей рабочего класса и крестьянства» [3]. Больше того, ожесточенная классовая борьба рабочего класса и основных масс крестьянства Украины против помещиков и буржуазии в годы гражданской войны 17—20 гг. расценивается Грушевским как борьба, главным образом, за «освобождение украинского народа как целого», в том числе и украинской буржуазии, ибо эта борьба с целью освобождения украинского народа связала по мнению Грушевского «различные социальные элементы и придала революционному движению необходимую связанность и полноту» [4].

Вместе с отрицанием руководящей роли рабочего класса и его партии в революциях 1905—1917 гг. выдвигается на первый план работа украинских мелкобуржуазных партий и организаций. «Мы,—говорит Грушевский,— ни в коем случае не должны забывать, что скромная, скажем, даже слишком осторожная и анемичная работа украинских национальных групп и кружков, все-таки дала большие результаты», заключающиеся в том, что... «Великая революция не ограничилась проблемой экономического раскрепощения миллионов «Южной России», а поставила на кон постулат освобождение украинского народа, как целого» [5].

Таким образом, «экономическое раскрепощение миллионов»—это результат работы украинских национальных групп и кружков.

Наряду с этим революционное движение в России не только не оказывало помощи и поддержки украинскому, но наоборот, «Великорусские интеллигенты (без различия, интересы каких классов они выражали, ибо говорится о них как о всей «массе»—*Т. С.*) поддерживали и оправдывали грязную работу царской власти»... и не боролись... «против скверной клеветы на украинских деятелей и всего украинского движения...» [6].

Умаление исторической роли пролетариата как гегемона Октябрьской революции сопровождается оправданием предательской роли мелкобуржуазных украинских партий и организаций. Так, в 1928 г. Лозинский,

[1] «Україна» № 1—2, 1927, с. 10.
[2] «Україна» № 1, 1929, с. 3.
[3] Там же, с. 5.
[4] Там же, с. 5.
[5] «Україна», январь—февраль 1929, с. 5.
[6] Там же, с. 5.

давая беглый обзор развития и оформления политических идей о самостоятельности Украины, начиная с XIX в. и кончая Октябрьской революцией, говорит, что за идею самостийности Украины боролись все политические партии Украины, в том числе РУП и УСДРП... Предательская роль по отношению к украинскому народу, всех мелкобуржуазных украинских партий и организаций, входивших в «загальну Украинску Раду» и «Союз визволення Украины» и работавших во время империалистической войны на средства австро-германского капитала, оценивается автором положительно.—«Постановка украинского вопроса, как вопроса международной политики, и создание хотя и небольшой и от Австрии зависимой Украинской армии, имели особенное значение» [1].

В ряде статей, помещенных в «Украіне» как Грушевский, так и вся его школа открыто высказывают в 28—29 г. свои политические взгляды.

Во втором номере журнала «Україна» за 1928 г., посвященном галицко-украинским взаимоотношениям, М. Грушевский открыто высказывает платформу, на которой должна объединиться Галиция с Украиной. По мнению Грушевского, интересы «украинской нации», «украинского трудового народа», и полнота экономического и культурного развития могут быть обеспечены только на основе такого политического объединения, каким был «акт соединения Западной Украинской Республики с Народной украинской Республикой... 3 января 1919 года [2]. Этот буржуазный акт объединения, закабалявший рабочих и крестьян Украины и разрушенный в жестокой классовой борьбе рабочих и крестьян, по мнению Грушевского был заключен в интересах «украинского трудового народа». Он сожалеет, что в 1919 году украинской буржуазии при помощи Антанты не удалось закабалить рабочих и крестьян Украины.

Как в работах, посвященных вопросам хмельниччины, так и в историографических и публицистических статьях, написанных в период 1927—1930 гг., Грушевский проводит свою старую народническую мелкобуржуазную концепцию украинского исторического процесса, служащего для обоснования политических притязаний остатков мелкобуржуазных, националистических партий.

Схема Грушевского пользуется широкой популярностью среди современных историков Украины. Хотя Грушевский не считает себя марксистом, тем не менее это не помешало значительной группе буржуазных и мелкобуржуазных историков Украины пропагандировать его положения как марксистские. Из тактических соображений эта группа выдавала себя за марксистов (что многим из них не помешало быть членами СВУ), и эти псевдомарксисты пропагандировали реакционные буржуазные и мелкобуржуазные концепции. Эта группа довольно влиятельна и до сих пор слабо разоблачена. К этой группе псевдомарксистов следует отнести и Багалея, Оглоблина, Яворского, Гермайзе, Слабченко и др. Эти историки прикрывались марксистской фразеологией и занимали крупные руководящие посты по подготовке кадров на историческом фронте.

Слабченко и Оглоблин, изучавшие главным образом историю экономики Украины, кладут в основу изучения экономической истории принципы, выдвинутые еще в 1910—1912 гг. украинскими мелкобуржуазными экономистами—Поршем и Стасюком и развернутые Грушевским в 1918 г. в книге «На порозі нової Украіни», служившей историческим обоснованием и оправданием оккупации Украины немецким империализмом.

---

[1] «Україна» № 2, 1928, с. 90.
[2] «Україна» № 2, 1298 с. 4.

Основное положение этих «исследований» заключается в том, что «украинский народ принадлежит к западно-европейским... по своему складу народного хозяйства» [1], а потому при изучении экономической истории Украины следует «исходить только из принципа хозяйственной автономии»..., что «в понимании старой украинской экономики историк не может быть связан современными (разрядка Оглоблина) ему формами и отношениями» [2].

Слабченко и Оглоблин доказывали, что Украина, представляя совершенно отдельное экономическое целое, в своем историческом развитии была экономически больше связана с хозяйственным развитием западно-европейских капиталистических стран, чем с Россией, что Россия являлась и является метрополией, а Украина колонией. Россия задерживала и задерживает экономическое развитие Украины. Из работ Слабченко и Оглоблина логически следует, что дальнейшее самостоятельное экономическое развитие Украины возможно только тогда, когда она выйдет из СССР и соединится с капиталистическими странами—Германией и Францией. Все эти положения были развиты и перенесены на СССР Волобуевым на страницах «Большевика Украины» [3].

Подобными историко-экономическими исследованиями обосновывалась политическая программа «Союза Освобождения Украины» с его планом восстановления буржуазной власти на Украине при помощи немецкого, польского и французского империализма.

Среди псевдомарксистов в области исторической науки, Оглоблина, Яворского, Слабченко и Гермайзе, особое место занимали последние два «историка». Их контрреволюционная работа в области исторической науки была и остается по своим последствиям наиболее опасной. Историки-марксисты Украины до конца и полностью еще не разоблачили их буржуазной схемы истории Украины, изложенной этими «историками» в в многочисленных журнальных статьях, в отдельных монографиях и учебниках по истории Украины, которые до настоящего времени служат основными пособиями во всей сети школ, начиная с семилетки и кончая вузом. Оба эти «историка», пользуясь иногда марксистской фразеологией и занимая продолжительное время руководящие посты в марксистских научно-исследовательских и учебных учреждениях [4], подготовляли и подготовили значительные кадры, которые писали и пишут «исследования», обосновывающие и укрепляющие антимарксистскую концепцию украинского исторического процесса своих руководителей. Гермайзе, контрреволюционная работа которого вскрыта органами ГПУ, слишком слабо еще разоблачен как враг марксизма в области исторического изучения Украины.

Останавливаясь на наиболее важных периодах и моментах ожесточенной классовой борьбы XVII—XVIII веков (хмельниччина, гайдамаччина) в революционном движении XIX—XX века Гермайзе, так же, как и

---

[1] Грушевський, На порозі нової України, 1918, с. 19.

[2] Оглоблин, Очерки истории украинской фабрики (предкапиталистическая фабрика), с. 3—4.

[3] См. «Більшовик України» № 2, 3 и др. за 1928. Отказ Волобуева от своих контрреволюционных, частично заимствованных у Оглоблина и Слабченко, положений, см. «Більш. Укр.» № 22, 23 за 1928 и № 5, 6 за 1930.

[4] Яворский в Институте марксизма и ленинизма в Харькове, Гермайзе по кафедре марксизма и ленинизма при Укр. академии наук был руководителем секции истории Украины и одновременно руководил семинарием марксизма-ленинизма в другой научно-исследовательской кафедре при Академии наук (о Гермайзе см. «Студії з історії України», т. II, 1929, с. 7).

Грушевский, видит не классовую борьбу, а только борьбу «украинского трудового народа» и интеллигенции за национальную самостоятельность, за «идею украинского государства», независимого и не входящего в политико-экономический союз с другими государствами.

В основной работе «Очерки по истории революционного движения на Украине», посвященной мелкобуржуазной украинской партии РУП, Гермайзе рассматривает революционное движение конца XIX—XX вв. как самобытный изолированный процесс, не связанный с борьбой рабочего класса и крестьянства против самодержавия и буржуазии работой и руководством социал-демократической партии.

Вслед за Грушевским Гермайзе не считает нужным изучать историю революционного рабочего движения на Украине, ибо этнографически рабочий класс Украины, по его мнению, не составляет единой массы с украинским крестьянством. Устраняя ожесточенную идеологическую и политическую борьбу марксизма с народничеством, Гермайзе, как и Яворский, считает мелкобуржуазную партию РУП (Революционная Украинская партия—*Т. С.*) марксистской организацией, хотя сами руповцы всегда открещивались от марксизма.

Как в «Очерках по истории революционного движения», так и в статье, посвященной 25-летию Революционной украинской партии (РУП). Гермайзе утверждает, что накануне 1905 г. «РУП в своих изданиях приняла целиком интернациональную политическую фразеологию революционного марксизма. Даже подписывается как украинская социал-демократия РУП. Агитаторы РУП становятся проповедниками научного социализма, интересы пролетариата составляют основу интересов и желаний РУП» [1].

Развитие, распространение и оформление революционно-марксистской мысли на Украине, по мнению Гермайзе, берет свое начало не от группы «Освобождение труда», а от либеральной и радикальной народнической интеллигенции—Драгоманова, Антоновича, Павлика, Франка и др.

Отбрасывая все, что не носило националистического оформления, и отводя решающее значение «критически мыслящим личностям», руководящим историческим процессом, рассматривая украинский исторический процесс как самобытный, Гермайзе исторически обосновывал политическую платформу «Союза освобождения Украины».

К категории буржуазных историков, пытавшихся выдавать себя за марксистов, следует относить и академика Багалея, который, являясь руководителем Харьковской научно-исследовательской кафедры истории Украины, декларировал присоединение к марксизму, но остался на старых, буржуазных, методологических позициях. Об этом красноречиво говорит последняя работа Багалея: «Очерк истории Украины на социально-экономической основе», в которой автор, характеризуя основные положения марксистской методологии, просто не понял диалектического материализма и дал чуждую марксизму концепцию исторического процесса. Останавливаясь на проблеме происхождения классов и роста классовых противоречий, Багалей совершенно ничего не говорит об эволюции форм собственности, о происхождении частной собственности, как основы диференциации общества на классы. Происхождение классов, как и их дальнейшая эволюция связывается не с появлением частной собственности на орудия производства, а с ростом «производительной техники».

Классы, по мнению Багалея, образуются тогда, «когда первобытная коммуна начинает распадаться и в связи с развитием производительной

[1] «Життя и революція», 1925, кн. 3, с. 23.

техники производительные силы дают больше продукции, чем это требуется для воспроизводства труда, и остается некоторый излишек. Тогда для части членов коммуны приходит время, когда они могут и не принимать непосредственного участия в производстве, а расходуют свое время для общего руководства, управления, для войны и вообще для разделения труда. Тогда и начинается классовое деление» [1].

Таким образом, в основе деления общества на классы лежит не отношение к средствам производства, а рост «производительной техники».

В главе, посвященной обзору историографии, характеризуя буржуазные школы и схемы исторического процесса, Багалей избегает называть их буржуазными и говорит о них как о «старых исторических школах», о марксистах—как о новой школе. Это стирание граней и отсутствие четкой классовой характеристики буржуазных исторических концепций, делается вполне сознательно с целью сблизить, смягчить противоположность и враждебность марксизма и буржуазного национализма. Оценивая рост историко-литературной продукции за 1923-27 гг., автор совершенно не дает классового анализа буржуазной националистической литературы и ее представителей: Грушевского, Василенко, не говоря уже о Гермайзе, Слабченко и др. Называя себя марксистом, Багалей смазывает классовую борьбу на историческом фронте между историками-марксистами—идеологами пролетариата—и представителями буржуазного национализма; классов и классовой борьбы в области истории «историк-марксист» Багалей не видит. Глава, посвященная обзору украинской историографии, построена по принципу биографии историков, характеристика исторических школ—по территориальному признаку: «Киевская документальная школа историков Украины», «Школа польско-украинских историков», «Харьковская школа историков левобережной и слободской Украины». Чем отличается одна историческая «школа» от другой, каково их классовое содержание, интересы какого класса, какой социальной группы защищала та или другая школа,—все эти вопросы «марксист» Багалей устраняет из своего исследования. Больше того, Багалей не в состоянии отличить революционного марксиста от буржуазного историка. В число историков-марксистов, наряду с Лениным и Покровским, он включает Струве и Туган-Барановского» [2].

Багалей, оставшись на старых, буржуазных методологических позициях, признал историческую концепцию вождя этой буржуазии—Грушевского—правильной. «Я, собственно,—говорит Багалей,—признаю схему М. С. Грушевского правильной».

На характеристике Багалея, как псевдо-марксиста, мы считаем необходимым останавливаться не только потому, что он играет руководящую роль в подготовке кадров на историческом фронте, но главным образом потому, что кафедра истории Украины Украинского института марксизма и ленинизма выдала ему диплом историка марксиста-ленинца, своим заявлением, что украинская историческая наука, «решительно стала в лице академика Багалея на путь марксизма... и идет к ленинскому знамени» [3].

Схему украинского исторического процесса М. Грушевского в различных направлениях разрабатывают и обосновывают как сам Грушевский и его школа, так и научно-исследовательские кафедры в городах

[1] Багалей Нарис історії України..., т. I, с. 15.
[2] Багалей, 1 книга, 1923, № 2. с. 48.
[3] «Юбилей академика Дмитрия Ивановича Багалея», Киев 1929, с. 123.

Харькове, Киеве, Одессе и др. В этом свете становится ясной опасность яворщины, когда маскировка наших классовых врагов доходит до признания себя коммунистическим, чтобы, пользуясь своим положением, защищать чуждую пролетариату идеологию. Скрываясь за марксистской фразеологией, политический авантюрист М. Яворский пропагандировал классово-враждебную пролетариату систему взглядов. Схема украинского исторического процесса Грушевского, разрабатываемая в области экономики Слабченко, Оглоблиным и др., в части историографии и революционного движения Багалеем, Гермайзе и их сотрудниками, изложена Яворским в его основных работах по истории Украины: «История Украины в сжатом очерке», «Национально-демократическая революция 1927 г. на Украине» и в «Очерках по истории революционной борьбы на Украине», работы, которые уже отчасти подверглись разоблачению со стороны московских и харьковских историков-коммунистов.

В этих работах Яворский обобщил все, что было сделано украинской буржуазной историографией за последние 30—40 лет. Эклектически соединяя различные, часто противоречивые положения буржуазной и мелкобуржуазной русской и украинской историографии и скрывая их под марксистской фразеологией, Яворский пытался представить историко-социологическую эклектику буржуазной историографии за марксистский синтез исторического процесса.

Основным центральным антимарксистским положением всей схемы истории Украины Яворского является его утверждение, что классовая и национальная борьба на Украине была подчинена идее создания самостоятельного украинского государства, что движущей силой в ожесточенной классовой борьбе XVII—XVIII вв. (Хмельниччина, Гайдамачина) была не борьба основных масс крестьянства против феодальных форм эксплоатации, а борьба средней и мелкой шляхты и верхов казачества за создание самостоятельного украинского государства, что в XIX и XX вв. борьба за национальное освобождение Украины является центральной и основной, за осуществление которой боролись рабочий класс, крестьянство и буржуазия Украины в революциях 1905-1917 годов.

Движущей силой и гегемоном революционного движения на Украине по мнению Яворского, был не пролетариат, устанавливающий союз с основными массами крестьянства, а украинская буржуазия и украинский кулак. Для того, чтобы лучше замаскировать свою антимарксистскую систему взглядов, Яворский заимствовал у народников теорию двух «куркулей», двух типов кулачества, разоблаченную в свое время Лениным в «Развитии капитализма» как ненаучный и немарксистский подход к историческому процессу и, подновив ее, выдавал ее за ленинские, большевистские положения.

Согласно этой теории, кулачество разделяется: на феодальное и буржуазное; феодальный кулак из среды крестьянства выделяется еще в период господства крепостнических отношений и занимается не только земледелием, но торговлей и ростовщичеством. Этот тип кулака, по мнению Яворского, «совместно с крупнейшими помещиками боролся за сохранение старых крепостнических форм эксплоатации и был социальной базой самодержавия. «Буржуазное кулачество» занималось обработкой арендованной помещичьей земли. Последний тип кулака был «одной из движущих сил революции»... Украинский крестьянин,—пишет Яворский,—начиная с XIX в. выделял из своей среды не только кулака феодального типа, но мелкого буржуа, который за это время становился своеобразным фермером на арендованной земле»... «Эти элементы буржуазного

фермера в первую очередь и стали теперь носителями украинского самоопределения» [1].

Кулак-фермер был не только одной из движущих сил в революции 1905—1917 гг., но был гегемоном, руководителем всего крестьянства. «Во главе крестьянских восстаний,—говорит Яворский, было зажиточное крестьянство, которое больше всех было недовольно помещиками. Оно и и добивалось автономии Украины и обобществления помещичьих земель [2]. Сознательно затушевывая классовую борьбу, отводя роль гегемона в буржуазно-демократических революциях украинской буржуазии, скрывая ее под псевдонимом «Национальный капитал», как надклассовой категорией, Яворский утверждает, что в борьбе со старым помещичьим социально-экономическим и политическим строем «одинаково были заинтересованы» либералы-народники, крестьянская буржуазия, малоземельные и безземельные слои крестьянства, и все «настойчиво требовали ликвидации помещичьего землевладения» [3].

Украинский кулак-фермер, по мнению Яворского, был не только движущей силой революции, он был и идеологом крестьянских требований. Кулак-фермер—утверждает Яворский—был «автором крестьянских мечтаний об обобществлении» земли. Он также был и автором крестьянских желаний «национального самоуправления в будущей республике» [4].

Как Грушевский считает, что «Абазы, Безобразовы, Гапоны и Зубатовы, Распутины и Сухомлиновы», а не классовая борьба рабочих и крестьян подмывали и разрушали основы помещичье-буржуазного аппарата господства самодержавия, так и Яворский, только иначе формулируя его положения, идет за Грушевским.

В февральской революции, по мнению Яворского, буржуазия была решающей силой, покончившей с царским самодержавием тем, что, стремясь.... «предупредить революцию рабочих и крестьян, буржуазия сама в марте 1917 года по новому стилю произвела революцию».

Историческая роль пролетариата как гегемона в Октябрьской революции, так же как и в революции 1905 г., Яворским умалена, затушевана, и в тоже время преувеличены значение и роль мелкобуржуазных партий и правительств (Центральной рады, гетмана, директории).

Процесс организационного и идеологического оформления рабочего класса, процесс распространения среди рабочих масс Украины идей научного социализма, формирования и консолидации авангарда рабочего класса—партии, протекавшие в борьбе с идеологией народничества и мелкобуржуазными украинскими партиями, Яворским преуменьшены. Либералы Драгоманов, Антонович, народники—Подолинский, Франко и другие попали в число «апостолов-основоположников марксизма».

История КП(б) У рассматривается как синтез, составленный из украинских мелкобуржуазных националистических партий, организаций и большевистских партийных организаций, работавших на Украине.

Сопоставляя утверждения Грушевского, Гермайзе и Яворского, нетрудно убедиться, что работы М. Яворского ничего общего не имеют с марксизмом и всецело находятся под влиянием Грушевского. Следует, однако, отметить, что, несмотря на их псевдомарксистский характер, учебники М. Яворского в течение многих лет являлись основными в

---

1) Яворский, На історичном фронті, 1929, с. 149.
2 Яворский, Краткая история Украины, изд. 6-е, 1928, с. 105.
3 О всех этих положениях см. «История Украины», с. 210—217, и дальше.
4 Яворский, История Украины в сжатом очерке. 1929, с. 264.

наших школах, широко рекламировались Наркомпросом Украины и встречали сочувственный отзыв также и со стороны некоторых наших партийных органов. Все это требует серьезного внимания со стороны историков-коммунистов, и необходимо широкое разоблачение яворщины, которое, к сожалению, до сих пор еще не проведено в необходимой мере украинскими историками-марксистами. Рост подлинных марксистских кадров украинских историков, нанесших серьезнейший удар яворщине в майской дискуссии 1929 г., повидимому, явится залогом успехов к выкорчевыванию из арсенала марксистской историчиской науки многих положений, защищаемых Яворским и его учениками (Сухино-Хоменко, Свидзинский и др.), не имеющих ничего общего с марксизмом.

М. Югов

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА В БЕЛОРУССИИ

Фронт исторической науки в советской Белоруссии является фронтом, на котором классовая борьба проявлется в неизмеримо более высокой степени и сказывается более непосредственно, чем в советской России. Это объясняется не только тем, что в советской России буржуазная история в основном сбита уже с позиций, буржуазные схемы исторического развития в основном уже преодолены, кафедра высшей школы в основном уже завоевана, в то время как в Белоруссии бедность—чтобы не сказать отсутствие—марксистских сил в области изучения прошлого, почти полная неразработанность огромных периодов истории Белоруссии вообще и необходимость не просто критически пересматривать старые схемы и перегруппировать уже собранное историческое сырье, но и извлекать его из недр, создали значительные трудности для овладения марксистами этой областью научного знания. Трудности у нас еще более серьезны, и они заключаются в том, что во всякой национальной республике историческая наука стоит ближе и непосредственнее к политической борьбе, исторические конструкции находятся прямее и резче в связи с определенными политическими целями всякого рода националистических и национал-демократических групп. Во всякой национальной республике борьба за национальную форму культуры осложняется еще попыткой определенных групп вести под этим флагом и борьбу за изменение с о д е р ж а н и я национальной по форме культуры и часто—в Белоруссии даже слишком часто—является прямым служебным орудием всех тех группок, которые, быть может, и не будучи оформлены организоционно, надеются сыграть в будущем самостоятельную политическую роль.

Эта борьба проявляется не только в характере освещения того или иного исторического периода или явления, она сказывается также и в выборе тем. И не случайно три огромных сборника, изданных Институтом истории Б.А.Н, обращены лицом к идеализируемому прошлому, в них почти нет тем, которые переступали бы порог XIX века. Мы не говорим уже о том, что эти три сборника, до сих пор еще не ощутившие критического прикосновения марксистской руки, являются памятником нашей слабости и бедности на фронте исторической науки в Белоруссии, не говорим о том, что ни одной марксистской статьи в сборнике нет (лучшие—очень, очень немногие—только подымаются до уровня экономико-материалистических произведений), мы не говорим и о том, что

значительная часть статей является просто сводкой сырого или полусырого материала, иногда представляющего (как например статьи профессора Ясинского) образец методологической беспомощности и примитивизма.

Все эти факты, нуждающиеся в самом подробном и пристрастном марксистском разборе, а иногда и политической оценке, свидетельствуют о том незавидном положении, в каком находилась историческая наука в Белоруссии. А к этим фактам необходимо прибавить и многие другие, и то, что до сих пор нет нашего вполне выдержанного учебника по истории Белоруссии, что нет более или менее доброкачественных учебных пособий, что научный контроль преподаваемых в университете исторических дисциплин существует только формально, что в стенах высшей школы Белоруссии все еще преподносится смесь из трудов Любавского, Довнар-Запольского и кое-каких польских буржуазных историков, что студентов заставляют по два-три года заниматься, к примеру, городами XV—XVI столетия на Белоруссии и что в результате учобы у них не остается ни одного обобщения и т. д. и т. д.

Самое худшее, однако, то, что буржуазные и буржуазно-националистические влияния находят свое отражение и в произведениях некоторых коммунистов. Некоторые члены партии поддавались идеализации т. н. «золотого века» Белоруссии—XV—XVI—столетий и в своих работах не сумели разоблачить ни классовых корней литовских статутов, ни классовой структуры белорусского общества в тот период, ни классовой подоплеки белорусского просветительства. Попытки искать корни белорусской культуры, быстрое развитие и громадные успехи которой целиком связаны с Октябрьской революцией, еще в идеях Франциска Скорины, монаха XVI века, попытки установления непосредственной преемственной связи белорусской пролетарской культуры с движением белорусского возрожденчества, не только не встретили отпора среди части коммунистов, но напротив, нашли даже поддержку.

Правда, сейчас наиболее грубые в своей ошибочности положения разоблачены, авторы их от них отказались, но нужно признать, что серьезная работа по подробному историческому разбору этих взглядов еще далеко не проделана. От идеализации типичной мелкобуржуазной просветительской (а отнюдь не революционной) группки «Нашей нивы», в которой довольно сильно проявилась и струя либерально-буржуазного национализма, наши историки уже отказались. Но далеко еще не вскрыто подлинное историческое лицо «Нашей нивы», не дан исторический анализ этой группы. Историческая критика как будто даже не отметила такого сугубо любопытного факта, что вышеназванная группа энергично высказывалась за индивидуализацию землевладения и за хуторизацию края, докатываясь в отдельных высказываниях до поддержки столыпинской реформы. И это в то время, когда в Белоруссии, которая как будто почти не знала общины и где реформа как будто должна была пройти в тиши и глади, деревенская беднота оказала самое ожесточенное

сопротивление столыпинскому аграрному законодательству. Факты, собранные в работах молодых научных работников тт. Дудкова и Кернажицкого, великолепно иллюстрируют эту силу сопротивления низов деревни столыпинской реформе—крестьянская беднота часто в своем сопротивлении доходила и до вооруженного столкновения с властью[1]. Не только первые—наиболее острые—годы столыпинщины характеризуются крайними формами сопротивления крестьянской массы, но и последние, предвоенные. Мы встречаемся и с такими фактами, как с разгромным движением в некоторых местах при первых известиях объявлении войны 1914 г. Эта своеобразная «патриотическая» реакция крестьянства на войну не получила в белорусском национальном движении своего политического выражения, как впрочем вообще не получило своего выражения в этом движении и стихийное сопротивление бедняцких и середняцких слоев белорусской деревни в межреволюционный период.

С идеализацией «Нашей нивы» тесно связана и идеализация Белорусской социалистической громады. Она нашла себе место не только в отдельных статьях, книгах и даже учебных пособиях в самой Белоруссии, но и в таком авторитетном издании, как «Малая советская энциклопедия». Здесь БСГ оценивалась как руководительница массового движения в революциях 1905 и 1917 гг., абсолютно неправильно освещались политические позиции БСГ и, наконец, конструировалась своеобразная историческая преемственность: предшественницей коммунистической партии Белоруссии оказывалась Белорусская социалистическа громада. В отличие от украинских национал-коммунистов, создавших теорию двоекоренности, белорусские национал-коммунисты выдвигают БСГ не в качестве организации, также явившейся предшественницей КП.(б) Б, а в качестве организации, от которой только и пошло начало коммунизма в Белоруссии. Нам уже приходилось указывать (в нашей заметке в «Большевике Белоруссии»), что эта концепция противоречит буквально всем фактам и в свою пользу не сумеет ничего мобилизовать, кроме явных извращений, досужих вымыслов и пустопорожних рассуждений. Менее чем где бы то ни было, можно связывать историю коммунистических организаций на Белорусси и с национал-социалистическими организациями по одной той причине, что меньше чем где бы то ни было на территории прежней российской империи, национал-социалистические организации пользовались таким слабым влиянием к моменту Октябрьской революции, как в Белоруссии.

Тот факт, что такого рода прогулки по садам истории Белоруссии могли в течение известного времени проходить почти безнаказанно и пользоваться известным научным кредитом в некоторых кругах, показывает, насколько еще слаба марксистско-ленинская историческая наука и историческая критика на Белоруссии. Но еще более яркой и сильной

---

[1] Работы эти в ближайшем времени будут напечатаны в Белоруссии.

иллюстрацией нашей слабости было появление книги типично буржуазно-националистической по своей идеологии, явно недоброкачественной в отношении научной продукции, политически вредной. Мы имеем в виду книгу А. Цвикевича: «Западноруссизм». Сам автор—историк молодой и в этом смысле историк «советской формации». Но, к сожалению, только в этом возрастном смысле. Он принадлежит к числу тех обанкротившихся на поприще политики деятелей, которые волей-неволей обратились к науке, обращаясь, раньше всего, к таким, так сказать, публицистическим дисциплинам, которые позволили бы им в иной форме продолжать прежнюю, по существу политическую деятельность. Суть этой книги в том, что автор казеннокоштную, полицейско-духовную «идеологию» западноруссизма объективно превращает в идеологию мелкой буржуазии, делает ее чуть ли не революционной, во всяком случае прогрессивной, идеализирует самых матерых черносотенцев. Содержание западноруссизма весьма несложно и целиком выражается в одной из формул: «Нужно, чтобы он (белорусский селянин—*М. Ю.*) чувствовал себя совсем русским, а для этого он должен чувствовать себя раньше всего белоруссом»[2]. «Белоруссизация» края являлась здесь ступенью к полной руссификации и уничтожению польского влияния во всех областях жизни культурной, политической, экономической. Такая белоруссизация, самые широкие рамки которой не распространялись далее допущения в низшие школы белорусского языка как «местного наречия простолюдинов» и признания некоторых местных «особенностей» в культуре и экономике края, являлась простым служебным орудием царизма в его борьбе с враждебными ему силами, в частности с польским освободительным и оппозиционным движением. Все это «западнорусское» движение и идеология, существовавшие милостью и милостынью российской бюрократии, играли сколько-нибудь заметную общественную роль на политической арене только в определенные периоды, только в острые и опасные для царизма годы, когда он вынужден был пускать в ход острое орудие социальной демагогии—направлять белорусского крестьянина на крупного польского землевладельца. Именно в шестидесятые годы прошлого столетия, в первые годы после польского восстания и в годы после первой русской революции, когда царизм пытался высокие воды народной ненависти отвести в шлюзы национальной розни,—именно в эти периоды наиболее сильно сказывается влияние «западноруссизма». Это была своего рода национальная зубатовщина, на манер рабочей зубатовщины 1902—905 гг. и попыток крестьянской зубатовщины периода петергофского совещания. Как всякая социальная демагогия, так и эта, была известной апелляцией к массам, игрой на известных—правда второстепенных и ограниченных—интересах масс. Известная доля демократизма была здесь необходима хотя бы уже по стольку, поскольку она обращалась против засилья польских панов и

---

[2] Все цитаты переведены нами с белорусского.

обращалась с этим к мужику. Со стороны инициаторов и руководителей этого движения это был демократизм такого же сорта, как демократизм фашистов, выступавших против еврейского финансового капитала, или демократизм российского черносотенства, выступавшего против «разорителя России, обратившего своим земельным проектом в нищих миллионы крестьян»[3]. Но это движение эксплоатировало в свою пользу и в своих целях и стихийную темную ненависть мужика к пану. На удочку социальной демагогии попадались и отдельные рабочие (вспомним, что весь гапоновский штаб состоял из рабочих) и отдельные крестьяне, а в иные моменты и крестьянская масса (достаточно припомнить столь живо описываемую в мемуарах Дебагорий-Мокриевича борьбу украинских крестьян против польских панов во время восстания 1863 года), но в общем все участники, как и все движение, находились на поводу у российского царизма и регулировались дозой милости и еще более дозой милостыни, отпускавшимися соответствующими ведомствами. Эта опасная игра на социальных инстинктах массы, игра, с каждым годом становившаяся все более обязательной для царизма, не могла не создавать известных любопытных черт в российском черносотенстве. Эти черты отмечал и Ленин. «В нашем черносотенстве,—писал он,—есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это—темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [4]. Этот темный, стихийный мужицкий демократизм сказывался в российском черносотенном движении довольно часто, но от этого, понятно, само черносотенство не переставало быть черносотенством. И «западноруссизм» не переставал по существу быть черносотенством западного края, если он использовал темное стихийное классовое недовольство мужика против пана. Он это недовольство переводил на национальные рельсы, стремясь превратить его в недовольство белорусса против поляка, и мелкий чиновник, учитель, судья, которые являлись основной (количественно) силой у «западноруссов», были только той педалью, нажимом на которую царизму удавалось оказывать влияние и на крестьянскую массу. Конечно, все это чиновничье мещанство, громко именуемое Цвикевичем «белорусской интеллигенцией русской культуры», в их конкуренции с пришлым и присылаемым административным персоналом усердно выдвигало тот аргумент, что они—местные люди,—знают местный диалект, лучше знают местные условия и т. д., одним словом, более чем следует, иногда подчеркивало те «местные условия», которые служили идеологическим прикрытием в борьбе с польской культурой. Но

---

[3] Эта цитата не из эсдековской или эсеровской печати, а из одного из номеров известного черносотенного органа «Грозы» за 1911. Цитируем по статье А. Петрищева в № 10 «Русского Богатства» за 1911.

[4] Ленин, т. XVI изд. 2-е.

отсюда так же далеко до признания идеологов «западноруссизма» демократией, как до признания Пуришкевича или Илиодора или Распутина представителями крестьянских интересов. Между тем Цвикевич именно так и поступает: классовая сущность западноруссизма для него заключается в обороне мелкого землевладения, а его руководители характеризуются им как представители мелкой буржуазии и выразители мелкобуржуазной идеологии. Так, Говорский—редактор духовно чиновничьей полицейской газетки, в буквальном смысле слова полицейский литератор, доносчик, продажный человек, проходимец—характеризуется Цвикевичем, как человек, который занял «определенную классовую позицию» и который «решительно выступает за мелкое землевладение». Коялович—один из многих реакционных профессоров, ближайший сотрудник А. Суворина, Победоносцева, Саблера, один из «идеологов» черносотенного славянофильства—только потому, оказывается, отнесся отрицательно к одной из белорусских групп, что «не признавал приоритета польской цивилизации, науки и культуры на Белоруссии..., а главное не верил польскому шляхетству и польской интеллигенции, в которых видел стан, органически враждебный народу, который отрекся от своей народности. Он не видел и не хотел видеть возможности примирения между этими враждебными лагерями. В представителях местной польско-белорусской партии он видел все тех же «панов», а в попытках примирения, которые начались со стороны местного общества после крестьянской реформы, неискренность и фальшивость». Больше того: «Коялович призывал к созданию этой партии (западноруссов. *М. Ю.*) и по всем данным считал себя одним из ее представителей. В его понимании эта «западнорусская» партия должна была иметь мужицкий, демократический характер». Автор книги не знает удержу в этом сплошном п о л и т и ч е с к о м подлоге. Он пытается уверить читателя, что высказывание Кояловича в пользу «глубокого изучения народного быта, как он есть, со всеми его особенностями» дает основание к заключению, что Коялович находился на расстоянии только одного шага от признания федералистической идеи. Под рукой автора крупнейшие черносотенные деятели превращаются в защитников демократических, мужицких интересов, оборонцев мелкого землевладения, защитников белорусской национальности и культуры. Правый октябрист, столыпенец, член третьеиюньской государственной думы, А. Сапунов превращается чуть ли не в одного из идейных предшественников независимой, самостоятельной Белоруссии. «Сапунов... призывал Белоруссию к самоопределению, к национальному самосознанию, к новому «возрожденному будущему, которое находится в руках самих белоруссов». И хотя он предупреждает, что это «самоопределение» Белоруссии никак не означает сепаратизма, но всякому! (*М. Ю.*) понятно, что в данном случае Сапунов, «как страус, прятался от правды за обычную форму». Это говорится о том самом Сапунове, который в награду за свои высоко научные сепаратистские труды удостоился монаршего пожалования пятьюстами рублями. Смысл всей этой работы не очень

сложен—собственно ни Октябрьская революция, ни пролетариат, ни большевики, не являлись conditio sine qua non для подлинного освобождения белорусского народа, для расцвета белорусской культуры, для создания самостоятельной Белоруссии—все это только осложняющие условия, помешавшие всяким черносотенным Сапуновым привести белорусский народ к «возрожденному будущему».

Метод автора вообще изумительно прост: он берет любого белорусса «русской культуры», у которого проявляется хотя бы только чисто этнографический интерес к краю, краевым «особенностям», к белорусской «народности» и белорусскому «наречию», подхватывает всякое замечание в защиту мужика (а этим делом, например, в Государственной Думе особенно охотно занимались не только всякие епископы Евлогии, но и крупнейшие русские землевладельцы, конкуренты польских, графы Бобринские, выступавшие и против панов), отбрасывает всякие прочие обстоятельства, хотя бы именно они играли определяющую роль в характеристике данного течения или лица, и затем из интереса к белорусскости делает вывод, вот где зарождается и развивается белорусская национальная идея, вот откуда идет начало белорусской культуры.Все получается очень удобно. Цвикевич пишет, например, что белорусофилы русской культуры (понятно, что термин «белорусофил» в применении к белоруссам не совсем точен), те, которые кончали российские университеты, писали и думали по-российски, но чувствовали по-белорусски, хотели оторвать Белорусь от России для Белоруссии (подчеркнуто автором), и на следующей же странице Цвикевич вынужден написать об этих белоруссах «российской культуры», которые хотели оторвать Белорусь от России для Белоруссии, о Шпилевском и Носовиче, что «их либерализм и любовь к Белоруссии должны были преодолеть только гипноз великой империи и фетиш православия—и тогда они попадали непосредственно на белорусский путь». Оказывается, таким образом, что этим белорусофилам, которые отстаивали чуть ли не национальную независимость, нужно было предварительно отказаться от малости—только (!) от гипноза империи и фетиша православия, т. е. только от реакционно-феодальной формулы незабвенного графа Уварова.

Но как автор ни искусен в своей ловкости рук (о ловкости ума говорить не приходится—книга абсолютно безграмотна, в другом месте мы постараемся не только показать явные и скрытые политические цели автора, но и остановимся на некоторых—наиболее замечательных в своей невежественности—положениях автора)—но прямо и без лишних слов вести идейную преемственность белорусской национальной идеи от «западноруссизма» он не может. Здесь требуется небольшая превентивная подчистка. Оказывается, что в «западноруссизме жили две души—одна местная, белорусская, другая общероссийская, одна—признавала положительным принцип федерации, другая в этом принципе видела своего заклятого врага. Тот, кто сумел превозмочь токи второй души, кто сумел

отказаться или отделаться от гипноза империи или фетиша православия, тот приходил к национальному движению, и «есть основание считать—таков вывод автора—что обе эти группы (белорусской интеллигенции польской и русской культуры—*М. Ю.*) приходили к своим национальным убеждениям самостоятельной дорогой, независимой одна от другой». В другом месте автор высказывается еще ярче и откровеннее: «Западноруссизм» перерастает в национальное движение. «Вся беда только в том, что западноруссы остановились на полдороге, но они пробудили интерес к Белоруссии, дали толчок национальным интересам в среде белорусской молодежи, и, наряду с белорусской интеллигенцией польской культуры и даже в большей мере, они могут считаться пионерами белорусской национальной идеи. Таков вывод автора. Мы не останавливаемся на ряде других, столь же невероятных в наше время утверждениях, на прямых шовинистических выпадах автора, на грязных намеках врага [5], мы не останавливаемся на том, что для автора во всей книге существует интерес только к белорусской национальной идее, которая у него извечно существует и находит себе соответственных классовых носителей в различные периоды, что, отдавая дань лицемерия истине, он выкидывает буквально сумасшедшие курбеты, чтобы превратить культурно-возрожденческую идеологию в идеологию беднейшего белорусского селянства, что он полуоткровенно выступает против советской белоруссизации, что он предельно—или вернее, беспредельно невежественен всюду, где касается экономических отношений, и т. д. и т. д.,—все это дело отдельной статьи.

Важно другое, откровенно буржуазно-националистическая книга, в которой идеализация черносотенства бьет из каждой страницы в глаза и в нос любому читателю, в которой—в этом весь смысл книги—упорно и последовательно доказывается, что и через «западноруссизм» можно было притти к признанию национальной идеи (это доказательство политически выгодно определенным слоям белорусской интеллигенции, но как раз не тем слоям мелкобуржуазной интеллигенции, которые, отражая движение и интересы крестьянства, принимали участие в белорусском освободительном, национально-революционном движении, а тем ее группам—преимущественно служилым,—которые были, через удобную идеологию «западноруссизма» связаны с царизмом), словом, книга явно враждебная нам,—эта книга могла быть напечатана **нашим** издательством, могла частично—отдельными статьями—печататься в **нашем** журнале («Полымя»),

[5] Одно место все же следует привести. Автор книги пишет: «Правительство (российское—*М. Ю.*) глядело на эту эволюцию как на органическое внедрение ее (Польши—*М. Ю.*) в империю, как на сильнейшее объединение королевства с общим государственным организмом» и в сноске к этому месту прибавляет: «Наиболее упорно и последовательно проводила принцип экономического «wcielenia» (внедрения—*М. Ю.*) Польши в состав России Роза Люксембург, в связи с чем она объявляла политическую независимость Польши «утопией». Таким образом, автор, который умудрился Кояловича изобразить почти социалистом, изображает Красную Розу почти черносотенкой. Трудно назвать это иначе, чем литературным хулиганством.

могла академически обсуждаться в **наших** высоких научных учреждениях, не встречая никакого отпора. Все это только подтверждает нашу мысль о слабости марксистского влияния на фронте исторической науки в Белоруссии.

Мы потому так подробно остановились на книге Цвикевича, что это наиболее крупное и яркое выступление, резко нам враждебное, не встретило со стороны наших научных работников своевременного и энергичного отпора и до сих пор еще не получило должной литературной оценки.

Но не нужно думать, будто на нашем историческом участке борьбу приходится вести только с национализмом, либо с националистическими уклонами. Еще более решительную борьбу приходится вести с отрыжками «великодержавной» концепции исторического развития, которая превращает историю народов прежней России в историю российской империи. Здесь перед историками всего Советского Союза стояли великие трудности, и обязанность историков-марксистов всех национальных республик, в частности и советской Белоруссии, заключается раньше всего в том, чтобы выработать свою, марксистскую схему национальной истории, в данном случае истории Белоруссии, чтобы марксисту осветить наиболее темные углы национальной истории, разработать в ряде монографий наиболее спорные и сложные моменты в истории Белоруссии.

Историки-марксисты Белоруссии понимают, что было бы смешно требовать от одного человека, хотя бы это даже был М. Н. Покровский, чтобы он в своем курсе дал историю народов всего Советского Союза. Эта задача разрешима лишь после того, как трудами наших историков всех национальных советских республик будет создана, наконец, подлинно научная история белорусского, украинского и др. народов. Но это обстоятельство не освобождает нас, конечно, от критики существующих отдельных ошибочных положений в марксистских общих курсах истории прежней России. Понимая, как тесно переплетены между собою политическая и социально-экономическая история различных национальностей, насильственно втиснутых в рамки крепостнической империи, ни в какой мере нельзя недооценивать и тех самостоятельных, несвязанных или слабо связанных с общероссийскими, процессов, которые накладывают серьезнейший отпечаток на жизнь того или иного народа. Прекрасно понимая, что правящие классы прежней императорской России оказывали громадное влияние на историческое развитие Белоруссии, нельзя забывать того, что ход классовой борьбы в прежних национальных окраинах старой России оказывал очень большое влияние и на общеимперское развитие. Прекрасно понимая, что национальная борьба должна быть сведена к классовой борьбе, мы однако сознаем, что потому и идет речь о сведении одного явления к другому, более коренному и решающему, что это не просто тождественные явления, что есть различие между национальной борьбой и классовой, что национальная борьба подчинена классовой борьбе

но этим вовсе не отрицается ее существование и подчас большое значение в общем ходе классовой борьбы. Задачей историков-марксистов Белоруссии является борьба с антидиалектическими и антиленинскими попытками рассматривать историю Белоруссии как территориальное продолжение абсолютно тех же самых процессов и явлений, какие мы имеем в истории русского народа. А с такими попытками свести историю белорусского народа к русской истории на Белоруссии, с таким механическим перенесением явлений в общей истории России на Белоруссию без достаточного учета национальных особенностей, без учета специфических моментов в историческом развитии белорусского народа мы сталкиваемся и в марксистских работах, посвященных истории революционного движения Белоруссии.

Прекрасно понимая сложный, своеобразный характер колониальной зависимости Белоруссии и Украины, например, прекрасно учитывая, что тенденции к консолидации империи вызывались не только определенной политикой русских правящих классов, но и определенными тенденциями— и очень сильными—экономического развития России (а не Великороссии), нужно решительно, однако, бороться с теми, кто не видит и не понимает самостоятельности исторического развития Белоруссии, с этими проявлениями великодержавности на фронте исторической науки.

На этом же фронте мы имеем и ряд благоприятных симптомов. Хоть и с запозданием, но марксистская историческая мысль реагировала на неправильные и враждебные выступления. Появляющиеся в ближайшее время отдельные монографии историков-коммунистов (работа т. Игнатовского о восстании 1863 г. на Белоруссии, работа т. Витковского о народничестве на Белоруссии), работы некоторых молодых историков о столыпинщине на Белоруссии, работы, подготовляемые Институтом истории партии и Октябрьской революции на Белоруссии, и т. д. обнаруживают здоровое пульсирование марксистско-ленинской мысли.

Интенсивная работа Общества историков-марксистов, привлекшего внимание историков к ряду спорных проблем белорусской истории, разработка некоторыми близкими марксизму или, вернее, приближающимися к марксистскому методу учеными ряда проблем экономической истории Белоруссии, вступление на ниву разработки белорусской истории ряда молодых белорусских историков-марксистов—все это значительно приблизит марксистско-ленинский исторический отряд на Белоруссии к разрешению стоящих перед ним серьезных задач.

И. Зак

К ИСТОРИИ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА *

(Анализ структуры Горнопольской вотчины Мусиных-Пушкиных в Дмитровском уезде, Орловской губ.).

Крепостное хозяйство развивалось в условиях свойственного ему имманентного противоречия. Вырабатывая прибавочный продукт, оно (крепостное хозяйство) заинтересовано было в улучшении условий реализации его, т. е. в развитии рыночных отношений. Отсюда проблема «усовершенствования» сельского хозяйства в крепостнической помещичьей литературе почти всегда (а во 2-й четверти XIX века постоянно) связывалась с проблемой рынка. Как, например, Шелехов обосновывает необходимость для полеводства «сбросить свое ветхое трехпольное рубище и облечься в более разнообразную одежду плодопеременности». У нас недостаточно емкий внутренний рынок, поэтому наше сельское хозяйство «ни под каким видом» не должно ограничиваться земледелием, «доставляющим только зерновой хлеб». «Плодопеременность» доставляет разнообразную продукцию, увеличивает товарность сельского хозяйства [1].

Аргументация сторонников традиционных способов ведения сельского хозяйства тоже шла от рынка. Сабуров, например, писал: «... тогда только показываются успехи хлебопашества и бывают прочны, когда эти успехи предупреждены цветущим состоянием торговли и промышленности» [2].

Такой тенденции к расширению рыночных отношений противостояла, однако, другая тенденция. Крепостное хозяйство имело своей производственной базой мелкое «самостоятельное» крестьянское хозяйство. Это верно не только для барщинного хозяйства, о котором Ленин писал: «Собственное хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина средствами к жизни, а помещика рабочими руками» [3]. И оброчное хозяйство во многих случаях имело своей базой «самостоятельное» крестьянское хозяйство. Это относится к тем случаям, когда оброк шел от земледельческого хозяйства крестьян и от таких промыслов, как, например, извоз.

* Редакция помещает статью И. Зака как работу представляющую интерес со стороны разработанного в статье фактического материала.

[1] «Б-ка для чтения», 1838, т. XXVII.

[2] «Записки Пензенского земледельца», «Отечественные записки», 1842, т. XXII.

[3] «Развитие капитализма в России», 1923, с. 118.

Рынок размывал эту производственную базу, вызывал в ней процессы диференциации. Обеднение части крестьян подрывало обычную систему барщины, подрывало и оброчные доходы (особенно, в производящих хлеб районах); появляющийся же кулак не только с трудом поддавался усиленной эксплоатации помещиком, но сплошь и рядом, в качестве ростовщика и скупщика на деревне, становился соучастником в присвоении части прибавочного продукта, которой до того целиком распоряжался помещик. Отсюда стремление помещика отгородить своего крестьянина от рынка, попытки регламентировать хозяйство крестьянина.

Таким образом, в крепостном хозяйстве неизбежно должна была происходить борьба тенденции к расширению рыночных отношений с тенденцией отгородиться от рынка, т. е. борьба денежного и натурального начала. Мы хотели бы на структуре одной вотчины выявить конкретные формы и мотивы этой борьбы.

Общая характеристика Горнопольской вотчины

Горнопольская вотчина Мусиных-Пушкиных состояла из трех сел—Волконского, Столбища и Абротеева и 4 деревень—Дружны, Белочи, Поповки и Дудинки, расположенных у самого г. Дмитровска, Орловской губ.[4]. По 8-й ревизии в вотчине значилось 2 022 рев. души. Описи всех земель вотчины нет; известно лишь, что в конце 1855 г. имелось 1 541 дес. 1 166 кв. саж. мызных земель, сдаваемых за плату крестьянам. Перед нами несомненно *крупная* вотчина.

Следует коротенько охарактеризовать район расположения вотчины. Дмитровский уезд граничил, с одной стороны, с Курской губернией, а с другой, с западными уездами Орловской губ. В описании 40-х годов [5] эти западные уезды характеризуются как, «преимущественно страна возделывания конопли и выработки ее произведений: пеньки и масла; страна перевозочная и бурлаков; страна мелких скупщиков и торгашей хлебом и другими произведениями». Зернового хлеба здесь «достаточно для продовольствия крестьянского населения, но недостаточно для уплаты податей». Волков, а вслед за ним и авторы других описаний Орловской губ., относят и Дмитровский уезд к «западной полосе». Вряд ли это безоговорочно правильно. Посевы конопли и обработка ее продуктов действительно играли крупную роль в экономике нашего уезда. Но в то время, как типичные западные уезды—Брянский и Трубчевский—имели «провианта и овса недостаточно даже для продовольствия собственного населения», в Дмитровском уезде провиантский департамент, по сведениям «Военно-статистического обозрения», мог заготовить ежегодно до 200 тыс. пуд. сена, до 15 тыс. четв. овса и 20 тыс. четв. провианта [6]. По распространенности промыслов Дмитровский

---

[4] Помещик покупал навоз для своей пашни в г. Дмитровске.

[5] Волков, Промышленность Орловской губ., «Журнал Мин. госуд. имущ.», 1848, ч. 29, с. 126 и 183.

[6] «Военно-стат. обозр.», т. VI, ч. 5, 1853, с. 157.

жалуй, права «Земледельческая газета», относившая Дмитровский уезд к средней полосе Орловской губ.[8]. Экономико-географическая среда нашей вотчины характеризуется, следовательно, переходными чертами от Центрально-черноземной к Западной области.

Крупная вотчина да еще в районе распространения торгового земледелия, естественно, вела оброчное хозяйство. Источники платежей оброка характеризуются Горнопольской конторой (донес. от 11/IV 1856 г.) следующим образом: «Крестьянами оброк платился всегда от урожаев конопли и частично некоторыми от заработков на стороне». Значит базой оброчного хозяйства нашей вотчины служило «самостоятельное» хозяйство крестьян.

Вот в этой крупной оброчной вотчине мы намерены изучать, как указывалось, конкретные формы и мотивы борьбы денежного и натурального элементов хозяйства. Мы имели возможность наблюдать хозяйственную жизнь Горнопольской вотчины лишь за короткий период времени (1855—1858 гг.)[9]. Но это был период реорганизации хозяйства вотчины. Реорганизация, внешне связанная с переходом Горнопольца по наследству от Безбородко-Кушелева к Мусиным-Пушкиным, ярче и выпуклее обычного выявила противоречивые тенденции, жившие в вотчине.

Денежные отношения в вотчине. Денежные отношения в Горнопольской вотчине прежде всего были связаны с оброком. Оброк был важнейшей статьей дохода вотчины. В приходе за 1856/57 год[10] (22966 р. 83 к. сер.)—на долю оброчных поступлений приходится 11 369 руб., т. е. половина. Еще большую роль играл, конечно, оброк в бюджете крестьянина. Об этом можно судить по косвенным, но чрезвычайно ярким показателям. Единицею обложения была ревизская душа, или «земельный участок», с которого в год полагалось 9 р. 14 к. сер. оброка. В среднем на 1 крестьянский двор приходилось 6,6 зем. участка, следовательно, оклад оброка с отдельного крестьянского двора в среднем достигал 60 р. 32 к. сер. Шестьдесят руб. сер. это означало, по ценам Горнопольца в 1856 г., от 120 до 180 пуд. ржаной муки, а крестьянам хлеба своего, как увидим, не хватало. За 60 руб. сер. можно было приобрести 3 волов или 4 коров или 3—4 лошадей, а скот был важнейшим условием извозного и конопляного хозяйства. Разрушающее влияние на крестьянское хозяйство оброка можно было бы сравнить с пожаром, который ежегодно пожирал бы жилые строения крестьян, средняя стоимость этих строений равнялась приблизительно 60 руб. Дело, однако, не только в размерах оброка, а еще в том, что это был денежный оброк, уезд отставал от Брянского, например, уезда в два слишком раза [7]. По-

[7] Волков, с. 196.

[8] «Земледельческая газета», 1835, № 99, заметка «О конопле и льне Орловской губ.».

[9] Две папки донесений Горнопольской конторы помещику случайно попали в 1929 г. в рукоп. отд. Ленин. публ. б-ки и передаются Центрархиву.

[10] Хозяйственный год в вотчине начинался с 1 апреля.

который заставлял крестьянина выступать в качестве продавца своей продукции (частично и рабочей силы): оброк мощно вовлекал и крестьянина и помещика в рыночные отношения.

В вотчине наряду с оброком складывались и другие чрезвычайно сложные виды денежных отношений. Вотчина имела «мызные» земли, которые находились на «содержании» у крестьян. Чем по существу являлось это «содержание», можно судить по следующей таблице, составленной по материалам донесения конторы от 20/IX 1855 г.:

Название деревни	Чис. рев. душ	Содерж. пашни			Содерж. сенокоса			Сроки «содержания»	Мызных денег в год с 1 рев. души сер.
		дес.	кв. саж.	год. плат. с 1 д.	дес.	кв. саж.	год. плат. с 1 д. серебром		
С. Волконск. . .	208	67	943	2 р. с.	100	—	1 р. 75 к.	до 1857 г.	1 р. 49 к.
Д. Поповка . . .	108	55	1191	1—67	22	200	1—75	до 1857 г.	1—35
								на 1 лето	
»	—	—	—	—	7	—	2 р.	1855 г.	
Д. Дружна . . .	336	142	23	1—67	161	?	2 р.	до 1857 г.	1-67
Д. Белочи . . .	208	85	813	1-67	30	918	2 р.	до 1857 г.	—98
Д. Дудинка . . .	256	92	1867	2 р.	9	1200	2 р.	до 1857 г.	- 80
С. Столбище . .	480	294	299	1-67	73	1100	1—75	до 1857 г.	1—79
»	—	—	—	—	199	844	240 р. с. за лето	на 1 лето 1855 г.	
С. Абротеево . .	400	162	2080	2 р.	36	1186	2 р.	до 1857 г.	1 р.

Показания таблицы очень поучительны: 1) размеры мызных участков в различных селениях—не одинаковы; 2) цена за «содержание» различается от селения к селению; 3) «содержание» мызных земель было срочным, и сроки опять таки для различных участков были разные.

В условиях развивающего рынка между помещиком и крестьянином неизбежно складывались разнообразные формы денежных отношений, таких отношений, где, в большей или меньшей мере, требуется двусторонняя договоренность, где, следовательно, крестьянин выступает, в большей или меньшей мере, перед своим помещиком самостоятельно, где, следовательно, начинается распад крепостнических отношений, замена внеэкономического принуждения экономическим понуждением. «Содержание» мызных земель в Горнопольце было арендой (термин «аренда» применяет и контора) и связано было, несомненно, с какими-то стыдливыми формами такой договоренности крестьянина и конторы.

Были и другие случаи денежных отношений конторы с отдельными крестьянами. По ежемесячным денежным отчетам конторы можно за 2½ года насчитать 39 сделок купли и продажи (не считая найма рабочей силы, о нем ниже) между конторой и крестьянами. Эти денежные сделки стали бытовым явлением в нашей вотчине. Каждый месяц

встречается 1—2 сделки. Подсчет этот, конечно, неполон, ибо не всегда в отчетах называется контрагент сделки. Больше всего сделок по продаже крестьянам сена, овса, ржи, свекловицы. Крестьянский рынок иногда имел для вотчины выдающееся значение. Так, в 1857/58 г. из всего проданного конторой сена (8 592 пуд.) — 3 715 пуд., т. е. 43%, было продано конторой своим крестьянам. Меньше по размерам—сделки по купле у крестьян. Преобладает купля мелочей—саней, дуги, постного масла. Характерны случаи найма в извоз своих крестьян; наконец, очень интересен случай сдачи в аренду водяной мельницы крестьянину с. Волконска Балалаеву за плату в 126 р. сер. в год. Фигура Балалаева говорит о том, что крестьянская масса, втянутая в эти денежные сделки, уже неоднородна.

Было бы, однако, ошибочным представлять себе Горнопольскую вотчину свободным рынком. Контора, конечно, пользовалась своим положением крепостника-господина. Это прежде всего сказывалось на ценах. Так, в январе 1858 г. контора продала овес своим крестьянам по 1 р. 50 к. за четв., а Дмитровскому купцу Слюняеву по 1 р. 40 к.; правда, сторонним крестьянам овес тогда же продали по 1 р. 75 коп. за четв. Резче разница в ценах наиболее важного объекта внутривотчинного товарооборота—сена. Крестьяне покупали сено почти исключительно в феврале и марте. В 1858 г. они в это время брали у помещика сено в среднем по 11 коп. пуд, между тем в Дмитровске цены, по донесениям конторы, стояли 7—10 коп. пуд. Важно все же, что произвол помещичьей конторы выступает перед крестьянином не в своем обычном оголенном виде, а завуалированным в стереотипную формулу свободного рынка: «Хочешь—покупай, не хочешь—не надо». А отношения «хочешь—не хочешь»—отношения, противоречащие природе крепостного хозяйства, дезорганизующие его.

В свете так развивавшихся денежных отношений необычным выглядит мероприятие, на первый взгляд, натурально-хозяйственного порядка: ссуда крестьянам хлеба и семян. «В прежние годы...,—писала контора помещику 13/XII 1855 г.,—ежегодно выдавалось крестьянам ржи на продовольствие, а овса на обсеменение полей», ржи по 6 четвериков, а овса по 4 четверика на душу. Регулярность хлебной ссуды объясняется тем, что «крестьяне хлебом полей своих по заведенной между ними привычке не засевают, а тем более не засеют в нынешний неурожайный и дорогой на оный год». За крестьянами в апреле 1856 г. числилась хлебная недоимка в 6 тыс. руб. сер. Хлебная ссуда иногда играла в хлебофуражном балансе вотчины крупную роль. Так, в 1856/57 году из бывших в вотчине в наличности 3 027 четв. овса 900 четв., т. е. немного меньше $^1/_3$, выдано было крестьянам в ссуду. Получается такая картина: вотчина путем оброка и податей толкает крестьян к развитию конопляного хозяйства, изымает у них товарные излишки этого хозяйства (масло, пеньку), взамен всего этого дает крестьянам хлеба на

«довольствие» и обсеменение. Хлебная ссуда, несмотря на свою нату-рально-хозяйственную форму, несмотря на ту патриархальность, какою она обставлялась, оказывается, по существу, стоящей в ряду денежных отношений. Это лишним образом подчеркивается и тем, что вотчина взимала с крестьян за ссуженный хлеб «прирост» в два гарнца с четверти.

Результаты денежного хозяйства вотчины. Может показаться, что денежные отношения проникли во все поры крепостной вотчины. Это не так. Тенденции к натуральному хозяйству прочно жили в вотчине. Иначе и не могло быть при далеко не блестящих результатах денежного хозяйства в вотчине—высоких и все растущих недоимках:

Сроки	Недоимка сер.	
	руб.	коп.
На I/IV 1856 г.	29 651	3
На I IV 1857 г.	42 985	6
На I/IV 1858 г.	44 252	86

Если к I/IV 1856 г. недоимка равнялась, приблизительно, полуторагодовому окладу оброка, то через два года она превышает уже двойной оклад оброка. Из 303 дворов вотчины только 6 дворов не имели недоимки. Взыскание оброка требовало большого напряжения вотчинного аппарата. Ослабление последнего в 1856 году, в связи с переходом вотчины к новому владельцу, вызвало катастрофическое падение поступления оброка.

Кризис оброчного хозяйства был неизбежен. Причины кризиса следует искать в состоянии «самостоятельного» крестьянского хозяйства. Здесь находила причину кризиса и Горнопольская контора. «Крестьянский оброк,—писала контора 11/IV 1856 г.,—платился до 1852 года безънедоимочно. С того же года урожай конопли значительно уменьшился, как и самый урожай хлебов, а потому незаплата оброка ими стала с каждым годом постепенно увеличиваться». Крестьянское хозяйство, истощенное непосильными денежными оброками, вынужденное хищнически вести свое конопляное хозяйство, требующее порядочного удобрения, привело само себя в тупик, ведя в такой же тупик и помещика.

Затяжной кризис конопляного хозяйства переживал не один Горнополец, но и вся крепостная Россия. Наблюдалось известное бегство от конопли. В конце 40-х и в начале 50-х годов посевы конопли занимали в Орловской губ. 85 тыс. дес., а в конце 50-х годов уже 78 тыс. дес. [11]—

[11] Казанцев, Производство конопли в Орловской губ., «Журнал Мин. госуд. имущ.», 1861, ч. 78, с. 98.

уменьшение на 8% с лишним. Интереснее всего, что бегство от коноплянников большею частью наблюдалось в помещичьих экономиях, легко и с выгодой переходящих на усиленные посевы повышающихся в цене зерновых хлебов. Крестьянское же хозяйство почти не сократило своих посевов конопли, оно оказалось прикованным к коноплянику. Причину этого прекрасно объяснял член орловской комиссии уравнения денежных сборов И. В. Подрудзский[12]. Уничтожение коноплянника неизбежно и сразу же должно вызвать «упадок наемной цены конопляной земли» в 3 раза, к тому же «внезапное прекращение верных средств к платежу податей может потрясти (крестьянина—*И. З.*) совершенно». Выгоды же от перехода к зерновому хозяйству могут сказаться только через несколько лет. «На это,—писал Подрудзский,—пожалуй, согласится капиталист, но не безденежный крестьянин». Таков был тупик, в который загнано было крепостное крестьянство в конопляных районах.

В условиях рыночных отношений мы имеем не просто упадок крестьянского хозяйства, а его расслоение. Контора подразделяла недоимщиков на три группы: 1) могущих покрыть недоимку и платить оброк, 2) могущих платить только очередной оклад оброка, но безнадежных недоимщиков и 3) не могущих платить ни очередного оброка, ни недоимки. Соотношение этих групп можно охарактеризовать следующей таблицей:

Группы	Число дворов		Число зем. участ.		Недоимка на 1 IV 1856 г.	
	Абсол.	В %	Абсол.	В %	Серебром	В %
1	179	59,1	1 346 1/3	67,4	22 300 р. 12 к.	55,4
2	48	15,8	273 1/3	13,7	7 148 р. 97 к.	17,8
3	76	25,1	376 1/3	18,9	10 630 р. 46 к.	26,5
Всего	303	100	1 996	100	40 079 р. 56 к.	100

Целая четверть дворов признана конторой совершенно «необрокоспособной», т. е. очевидно, потерявшей свою хозяйственную самостоятельность. Этой 3 группе контора уделяла в своих донесениях помещику больше всего внимания. Мы имеем сведения об обеспеченности каждого двора 3-й группы лошадьми:

Группировка	Число дворов		Недоимка	
	Абсол.	В %	Серебром	В %
Безлошадные . .	7	9,2	944 р. 42 к.	9
С 1 лошад. . . .	18	24	1 879 р. 67 к.	22
С 2 »	30	39,2	4 286 р. 35 к.	40,3
С 3 »	15	19,6	2 272 р. 40 к.	21,3
С 4 »	6	8	791 р. 10 к.	7,4
Всего . . .	76	100	10 630 р. 46 к.	100

[12] «Исследование о состоянии пеньковой промышленности в России», 1852, с. 199.

Преобладание безлощадных и малолошадных в 3-й группе понятно. Странным может, на первый взгляд, показаться наличие здесь более четверти дворов с 3-мя и 4-мя лошадьми. Объяснение этому надо искать в особенностях конопляного хозяйства, требовавшего много удобрения: «... не иметь на тягло 3 голов,—писал цитированный нами уже Казанцев,—означает последнюю меру скудости и бесхозяйственности» [13]. В Горнопольце дворы с 3—4 лошадьми имели свыше 2 тягол каждый. Если принять еще во внимание, что извоз был обычным промыслом среди крестьян, то станет понятным, почему потеря хозяйственной самостоятельности предшествовала в данном случае обезлошадению. Тот же Казанцев писал: «Крестьянин,... не имеющий средств хорошо удобрять свой конопляник..., не занятой взамен того каким-либо другим промыслом, считается здесь бобылем, не стоящим ни доверия своих соседей и односельчан, ни даже знакомства с теми из них, у которых на пеньке и масле выручаются целые сотни рублей» [14].

Почти нет у нас сведений о 2-й группе недоимщиков.

О степени хозяйственной самостоятельности группы кое-что говорит величина лежащего на ней бремени недоимок:

Группа	Средн. годов. оклад оброка на 1 дв.	Сред. величин. недоимки на 1 двор
1 гр.	68 р. 50 к. сер.	124 р. 50 к. сер.
2 »	52 р. — к. »	149 р. — к. »
3 »	45 р. 70 к. »	140 р. — к. »

В темпе накопления недоимок, как видим, 2-я группа не отставала от 3-й: на обеих группах лежит бремя, равное 3-годичному окладу оброка. Только в порыве служебного рвения контора могла представлять 48 дворов 2-й группы подающими надежду на платеж оброка. Надо думать, что и 2-я и 3-я группы, т. е. 40% крестьянских дворов вотчины, стояли на грани хозяйственной самостоятельности.

Первая группа недоимщиков—наиболее многочисленная—видимо, была неоднородна по своему социальному составу. Об этом косвенно говорит большая разница в величине недоимки (от 11 р. 83 к. сер. до 380 р. 34 к.) у отдельных дворов группы. Во всяком случае, здесь можно найти арендатора господской мельницы Белалаева (81 р. недоимки), здесь, видимо, сосредоточены владельцы маслобоен—этого важного орудия эксплоатации односельчан, вынуждаемых срочно бить и продавать масло для уплаты оброка. Маслобойни у некоторых крестьян имели большое промышленное значение. Так, в одном из донесений отмечается крестьянин Мацокин (из 1-й группы недоимщиков), отправлявшийся в г. Карачев,

[13] «Журн. Мин. госуд. имущ.», 1861, ч. 78, с. 104.
[14] Там же, с. 54.

т. е. приблизительно за 176 верст, на двух лошадях «за коноплей в пробой масла».

Итак, производственная база оброчного хозяйства размывалась. Перед вотчиной стояла нелегкая задача ограждения крестьянского хозяйства от дальнейшего разложения.

Регламентация крестьянского хозяйства. Вотчина прежде всего начинает регламентировать денежные отношения крестьянского хозяйства. Чрезвычайно интересная система регламентации дана в предписании главного управляющего Мусиных-Пушкиных Зорина, управителю Горнопольца Мореву (донес. № 39 от 23/XII 1856 г.). Крестьяне продавали часть продукции своего конопляного хозяйства. Вотчина пытается регламентировать эту продажу. Пункт 3 й предписания Зорина устанавливает, что количество конопли у крестьян приводится в «известность через опись», «... крестьянин выбитое из нее (конопли—*И. З.*) масло продать без деревенского старосты не может, и сей последний продавшего таковое доставляет с деньгами в контору и за злоупотребление по сему ими—ответствует».

Крестьяне продавали еще «излишнее» сено; пункт-17-й предписания требует, чтобы продажа находилась «под строгим надзором деревенских старост, которое (сено—*И. З.*) продавалось ими в осени, большею частью за бесценок, продажу оного им разрешить с генваря месяца в таком порядке, чтобы при продаже каждым—участвовал староста и получившего деньги тотчас доставлял бы в контору для расплаты состоящего за ним оброка, так точно, какой порядок заведен в продаже масла».

Регламентация вотчины становится особенно суровой там, где рынок касается основ «самостоятельного» хозяйства крестьян—живого инвентаря: «Продажу лошадей и скота,—предписывает Зорин,—без дозволения конторы делать по вотчине запрещено строго, под ответственностью деревенских старост порядок этот поддержать в точности».

Крестьяне ездят на торг в г. Дмитровск. Нужно иметь и там за ними контроль, и вот контора намечает покупку в Дмитровске за господский счет дома «для приездов и помещения крестьян, кои бывают по-часту в г. Дмитровске, платют за квартиры коноплею и сеном дорого...».

Опасность, грозящая «самостоятельности» крестьянского хозяйства особенно велика при отхожих промыслах, к тому же на время отхода крестьяне остаются недосягаемыми для контроля вотчины. Пункт 14-й «предписания» приказывает: «В извозы не пускать, так как прошлой зимой многие не вернули лошадей, отпустить разве только уплативших оброк и немолодых возчиков», а пункт 15-й еще более категоричен: «Крестьян в работы на Украину... не отпускать».

«Главноуправляющий» Мусиных-Пушкиных Зорин за четыре года до реформы 1861 г. предписывал Горнопольской вотчине, по существу, то самое, чему за сто с лишним лет до него поучал Татищев в своих

«Кратких экономических до деревни следующих записках», и что проповедывал за сто без малого лет до Зорина Федот Удолов в своем «Собрании экономических правил». И Татищев и Удолов смотрели на крестьянское хозяйство, как на производственную базу помещичьего хозяйства. Они требовали, чтобы эта база была наделена определенным количеством рабочей силы, инвентаря и земли. Нужно было отгородитъ эту базу от рынка. И вот Татищев поучает: «Крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних, кроме своей деревни... А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои или трои сутки... крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать»[15]. А Удолов[16] советует «в купеческие торги и фабрики и в подряды вступать им («земледельцам»—*И. З.*) не надлежит, так же, как в дальние и близкие извозы по найму или по дружбе ни под каким видом не ездить, а в торговые места.. от своих домов далее 30 верст для продажи чего-нибудь своего и для покупки какой-нибудь надобности от'езжать не дозволяется, в зимнее время по 2 раза в неделю, а летом, с апреля по октябрь тяглецам ездить не должно».

К чему могла привести такая регламентация, примененная не в XVIII в., а в середине XIX в районе торгового земледелия, в вотчине недостаточной по хлебу? 1857/58 г.—первый год применения на практике «предписания» Зорина—дал значительное снижение темпа роста недоимок (см. табл. на с. 56), однако, недоимка все же росла. К сожалению, нам не удалось наблюдать хозяйственную жизнь вотчины за достаточно длительный промежуток времени. Нетрудно догадаться, что в дальнейшем недоимка неизбежно должна была еще сильнее возрастать, ибо длительным следствием «предписания» могло быть или сокращение посевов конопли, т. е. окончательный подрыв оброчного хозяйства, или попытки обхода этого «предписания» со стороны крестьян. О таких попытках обхода мы имеем несколько свидетельств конторы. Так, например, 9/X 1857 г. контора сообщала помещику, что крестьяне должны, по ее расчетам, собрать 400 тыс. снопов конопли, а семени 4 тыс. четв.; по подворной же описи у крестьян оказалось лишь 2 625 четв. 7 мер семян, но «в некоторых (дворах—*И. З.*) при вторичном обмере находилась конопля, спрятанная в наполях под мякиною».

Более скорый эффект дала, понятно, политика Зорина в отношении промыслов. Долго придерживаться отказа от отхожих промыслов вотчине

[15] «Временник Имп. Моск. О-ва Ист...» кн. 12, М. 1852 А. В. Чаянов в статье «Основные линии развития русской с.-х. мысли за два века» в качестве «первого руководства для ведения крепостного хозяйства» указывает на сочинение «Главного провиантского канцелярии Прокурора и Вольно-Эконом. Об-ва члена Сергея Друковцова» «Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам». Чаянов, видимо, не знает, что Друковцов совершил плагиат, выдав за свое сочинение «Экономические записки» Татищева, в XVIII в. еще неизвестные в печати.

[16] «Труды Вольно-Эконом. Об-ва», т. XV, с. 187.

не удалось. Полный отказ от отхода в духе Татищева и Удолова был уже невозможен: убивать лишний источник дохода крестьянина значило увеличивать недоимку. И вот возникает новая оргинизация отхода. Оброчные платежи, сообщала контора 8/VI 1857 г., «при понуждениях конторы не вносятся, почему она (контора—*И. З.*) взялась перевести из Жигаревской рощи, содержимой Дмитровским купцом Моревским, в г. Дмитровск, на расстоянии 17 в.—250 столбов по 40 коп. с каждого и 14 саж. дров по 3 руб. за каждую, на сумму 142 руб. сер.». Перевозку должны были выполнить недоимщики. Этой мерой контора имела в виду «частично пополнить недоимку», а более того «понудить некоторых, уклоняющихся от платежа, к уплате...» Воздействие на «уклоняющихся» оказалось, видимо, безуспешным. В феврале 1858 г.—с разрешения Зорина—автора «предписания»—контора «отпустила на Украину из числа большесемейных крестьян 73 человека». Пятьдесят человек отпущены были к одесскому архитектору Черкунову, от которого уже поступило 1000 руб. сер; эти деньги контора «поместила за 50 человек в недоимку оброка за выдачей им на пашпорты и проход 590 р. 73 к.». Двадцать три человека были «приговорены» евреем-подрядчиком из Керчи «за плату от 60 до 100 руб. сер. задаточных из третьей части (?)—364 р. 69½ к.», подрядчик обязался выслать конторе в середине мая еще 300 руб, «а также и пашпорты людей по истечении 9 мес., снабдив их на проход в дома свои проходными собственно от него».

73 человека в отходе, разрешенном конторой, составляют около 8% всех крепостных мужчин рабочего возраста. На отхожих промыслах в действительности было больше крестьян: в начале 1857 г. без разрешения конторы в отходе было 26 чел., с проведением запретной политики это последнее число несомненно возросло.

Но что это был за отход? Вотчина восстала против крестьянского отхода, изымавшего крепостного из под контроля вотчины, предоставлявшего этого крепостного, хотя бы на время, в полную власть стихии рынка. Но тот же рынок угрозой роста недоимок заставил вотчину самой выступить в качестве организатора отхода, извоза. Власть рынка осталась, но она доходила до крестьянина осложненная и искривленная произволом помещика. Не крестьянин, а помещик выбирал покупателя рабочей силы, не крестьянин, а помещик определял с этим покупателем сроки отхода, помещик определял, какие расходы потребуются крестьянину «на проход» и т. д. Место крестьянского отхода заняла продажа рабочей силы рабов. Таков путь, проделанный Горнопольской вотчиной перед реформой.

Вся эта политика регламентации не могла не вызвать дружного, хотя и скрытого отпора со стороны крестьян и не могла бы проводиться в жизнь без особого полицейского режима в вотчине. В сентябре 1857 г. из с. Абротеева бежала семья крестьянина Моцокина, в количестве 15 человек, в том числе старик 60 лет, старуха 53 лет, ребенок ½-годовой

и 1½ лет.; и это, несмотря на установленный за Моцокиным «строгий секретный надзор». Бегство произошло при общем сочувствии и укрывательстве; контора установила, что «караульщики» о бегстве знали, но конторе не донесли, «содержатели постоялых дворов проганивали их (2 старост, отправленных в погоню за Моцокиным—*И. З.*), делая им угрозы». После бегства Моцокиных был установлен в вотчине следующий режим: старостам предложено было «следить за всеми движениями неблагодежных крестьян, объявить всем и каждому, что ни днем, ни ночью они не смели выехать из своего селения, не сказав о том сельскому старосте, и, кроме того, чтобы в каждом селении учредили ночные караулы на каждом рынке особо и внушили каждому караульщику, что буде кто ночью съедет со своего двора и он не задержит его», или не объявит о том старосте, то «будет подвергнут строгой ответственности» (донесения от 15/IX 1857 г.).

М. Н. Покровский когда-то метко охарактеризовал «Собрание экономических правил» Удолова, как проект аракчеевщины для деревни. Как видим, практическое проведение в жизнь «предписания» Зорина, писанного в духе «правил» Удолова, вызвало установление и в Горнопольце осадного положения, казарменного режима.

Обрастание вотчины хозяйственными предприятиями. Регламентация должна была оградить крестьянское хозяйство от рынка. Но регламентация не могла увеличить доходность вотчины. Для достижения этой последней цели вотчине надо было заняться организацией производства. И вот в Горнопольце заводится барщина; по сравнению с денежным оброком сделан еще один шаг назад к натуральному хозяйству.

Была ли барщина при старом помещике—неясно; видимо, была небольшая. Во всяком случае, при новом помещике в ноябре 1855 г. объявляется «крестьянам о предположении (подчеркнуто мною—*И. З.*) завести господскую запашку». На барщину предполагалось перевести (и затем перевели) 3-ю группу недоимщиков. Контора полагала: «Если оставить их (безнадежных недоимщиков—*И. З.*) в прежнем порядке (т. е. на оброке—*И. З.*) наравне с другими, то не только не принесут никакой пользы, но послужат худым примером...» остальным крестьянам (донес. 11/IV 1856 г.). Однако, введение хотя бы и частичной барщины и с педагогической целью означало внесение крупных перемен в жизнь оброчной вотчины. «На первое время» контора предполагала «устроить господский хлебопахотный хутор» в 300 дес., взяв эту землю у столбищенских крестьян, последних же «уравнять в земле с другими селениями из земель мызных тех селений, через снятие всей земли на план», кстати... «крестьяне владеют землею своею в каждом поле в 20 и более мелких полосах, что в хозяйственном порядке не допускается». Как видим, намечается широкая программа передела и землеустройства. В какой мере проведено было в жизнь землеустройство, нам неизвестно, но земле-

устроительные работы велись. В апреле 1857 г. сообщалось: «Землемер Прудников (привезенный из Петербурга) начал съемку земли у крестьян...»; в 1857/58 работали в вотчине два землемера, причем в отчете по мирским суммам значится расход на землеустройство 136 р. 30 к. сер.

Более определенны и более важны в данной связи сведения о размерах барщины. В 1857 г. контора засеяла 105 дес. рожью, 174 дес. овсом, 43 дес. гречихой, 2½ дес. просом, 4½ дес. коноплей и 1 дес. льном—всего 330 дес., из них 214 дес. на хуторе, таким образом, хутор был организован, как и намечалось, на 300 дес., только не на столбищенских, а на абротеевских мызных. Остальная пашня была частью заведена на дружненских мызных землях у Горнопольца (землях, бывших, вероятно, и раньше под господской запашкой), частью же (27¾ дес.) на «земле, взятой от барщинских крестьян». Последняя была разбросана мелкими полосами—иногда по $^1/_2$ дес. и меньше, зато здесь были $4^1/_2$ дес. конопляников и 1 дес. под льном, т. е. лучшая крестьянская земля.

В июне 1856 г., т. е. в начале заведения барщины, снято было с оброка $387^1/_3$ зем. участка, в мае же 1857 г. «поступивших на барщину» было 398 зем. участка. Это значит, во-первых, что на барщину были переведены не только недоимщики 3-й группы, а частично и 2-й, т. е. подтверждается наш взгляд на 2-ю группу недоимщиков, как на крестьян, стоящих на грани «самостоятельности» своего хозяйства; во-вторых, что число «барщинников» медленно, но все же росло.

Медленный рост барщины не должен вводить нас в заблуждение. Вотчина готовила осуществление широких производственных планов. Об этом красноречиво говорит интенсивное строительство. Больше четверти всех расходов вотчины (6 060 р. 73 к. сер. в 1856/57 г. и 6 304 р. 36 к. сер. в 1857/58 г.) направлялось на строительство и «обзаведение». Размах строительства можно проиллюстрировать перечнем работ 1856/57 г. Еще при старом помещике был произведен посев свекловицы и заказаны казармы «для рабочих предполагаемого к постройке сахарного завода» стоимостью в 150 руб. В 1856/57 г.—при новом помещике—имели в виду «договорить кирпичника на изделку в нынешнем лете кирпича сколько потребуется в постройку сахарного завода»—договор был заключен на выделку 700 тыс. кирпичей. Очень интенсивно возводились строения: 1) достраивался 3-этажный каменный годсподский дом (начат постройкой в 1853 г.); 2) достраивался деревянный дом в 1 этаж для экономии (начат в 1856 г.); 3) построен флигель в 2 этажа для «служителей» (1-й этаж—каменный); 4) переделана баня в жилье; 5) возводили фундамент для больницы; 6) поставили кузницу, 7) выстроили ригу на каменном фундаменте «с новою изобретенною печью», с сараем для машин и людской избой; 8) поставили 2 сарая; 9) заготовляли срубы для двух изб и риги на хуторе; 10) ремонтировали мельницу.

Не подлежит сомнению, что помещик прочно обзаводился хозяйством и сам в связи с этим оседал в деревне. Мы, значит, имеем не случайный переход к барщине с целью воздействия на недоимщиков — барщина стояла в связи с обширным хозяйственным планом.

В свое время Струве утверждал, что «оброк в сфере земледелия бесспорно пасовал перед барщиной»; «он (крестьянин—*И. З.*),—писал Струве,— производит мало продукта, и это малое количество он не в силах реализовать на рынке по высшим возможным ценам, поэтому он не годится в денежные арендаторы для помещика хлебородных губерний, и помещик, стремясь к наивысшему доходу, должен организовать свое хозяйство на началах барщины» [17]. Не имеем ли мы в опыте нашей вотчины подтверждения концепции Струве?

Самый переход к барщине Горнопольской вотчины еще мало говорит. Барщина барщине рознь. Как организовывал барщину наш помещик, убегающий от оброчной системы, как велись строительные работы—вот решающие вопросы.

Обычная барщина предполагала ведение хозяйства с инвентарем крестьянского двора. Между тем, Горнополец обзаводился своим инвентарем. В 1856/57 г. там имелись молотильная и веяльная «машины», одно время была зерносушильная «машина», были несколько плугов. В 1857—58 г. прибавили еще по одной молотилке и веялке и плужок Смаля. «Машины» были не дешевые, доставлялись из Москвы от бр. Бутегнопов. Обзаводилась вотчина и своим живым инвентарем. В 1857 г. было доставлено из Камышанской вотчины Мусиных-Пушкиных 45 быков, стоимостью свыше 900 руб. сер. Что обозначало такое обзаведение инвентарем? Видимо, то, что хозяйство безнадежного недоимщика не могло уже быть достаточной производственной базой барщины.

Здесь мы имеем дело не с индивидуальной чертой Горнопольца, а с довольно распространенным в то время явлением. В Липецком (Тамб. губ.) имении известного апологета крепостного права Г. Б. Бланка, где была запашка в 1 050 дес., по описанию самого помещика, «для облегчения сельских работ и ускорения их сверх машин (8 молотилок, 5 веялок, 2 сортировок—*И. З.*) имеются господские плуги, плужки и фуры воловьи с 20 парами волов и пятисошниковые распашники или скоропашники» [18]. Н. Муравьев включал в свои рассчеты издержек производства при барщинном труде довольно значительную статью на аммортизацию годсподского живого инвентаря—лошадей (32,3% всех расходов по земледелию) [19].

---

[17] «Крепостное хоз-во» 1913, с. 97 и 84.

[18] Бланк, «Хоз. вопросы вотчинной конторы г-на ген. лейт. А. Д. Соломки и ответы вотчин. конторы члена И. В. Э. О-ва и действ. члена Лебед-ва сельск. хоз. д. ст. сов. Г. П. Бланка» (1857 г.), с. 3.

[19] Тэер, «Основная рацион. сельск. хоз.», ч. I, с. 188.

Крепостной крестьянин был, таким образом, во 2-й четверти XIX в. не только плохим сельскохозяйственным предпринимателем (Струве), срывавшим оброчную систему, но и недостаточной опорой барщинного хозяйства, он не мог обеспечить необходимый темп работы (и Бланк и Муравьев заботились об «ускорении» работ).

Работа с помещичьей машиной, помещичьим волом, с покупными семенами (в Горнопольце в 1857 г. купили на 13 руб. льняных и огородных семян), видимо, не допускала уже обычную барщину. Бланк практикует месячину, у него 10 «дворовых тягол, которые получают мещину для себя и своих домашних животных» [18], Муравьев, доказывавший невыгоду в его время наемного труда в земледелии, одним барщинным трудом не мыслит обойтись, он намечает не месячину, как Бланк, а наем рабочих «для хождения» за господскими лошадьми [19]. К сожалению, у нас нет подробных сведений об организации барщины в Горнопольце. О том, какие причудливые отношения иногда складывались здесь, можно судить по тому, как проводились опытные посевы свекловицы. Последняя была посеяна на земле, нанятой конторой у старосты дер. Поповки за 20 руб. сер., при этом староста должен был вспахать и удобрить опытный участок. Помещик выступает в неожиданной роли арендатора земельного участка и наемщика рабочей силы у своего же крестьянина. Но как был оплачен этот наем?.. Деньги пошли на покрытие оброчной недоимки старосты.

Широкую картину сложных и запутанных производственных отношений в Горнопольце дает организация строительных работ.

В 1856/57 г. вотчина широко практиковала подрядный способ строительства. Казарма для рабочих заказана была Дмитровскому купцу Слюняеву. Выделка кирпича сдана была в подряд Дмитровскому мещанину Скотникову. Плотничий мастер Тимофеев, работавший с 2 «товарищами», был, видимо, тоже небольшой подрядчик. Об организации подряда дает представление договор на выделку 700 тыс. кирпичей. Выделка должна была производиться «нанятыми от меня Скотникова рабочими людьми на своем содержании». Но полной свободы найма рабочих подрядчик не имел; он должен был «поставить... не менее 15 или 16 человек совершенно опытных в иcделке кирпича, т. е. полных мастеров, а 40 человек нанять людей в управляемом им г. Зориным имении». Вотчина, таким образом, обеспечивала себе преимущество на поставку рабочей силы и создавала полностью подконтрольный себе промысел для крестьян. Но подряд являлся не только рынком рабочей силы оброчных крестьян, но должен был быть школой обучения этих крепостных различным промыслам. В марте 1856 г. контора нанимала плотников «на вновь предполагаемые постройки для обучения между тем к тому своих крестьян». Старательная оговорка в договоре со Скотниковым о «совершенно опытных в изделке кирпича» «полных» мастерах имела, видимо, целью не только обеспечить качество выделки кирпича, но и обучение крепостных кирпичному промыслу.

В 1857 г. контора считала, что школа обучения строительным промыслам крепостными пройдена, и перешла к хозяйственному ведению строительных работ. На выделку кирпичей, копание мела, обжег извести, в пильщики, каменьщики взяты были только крепостные, среди плотников преобладали крепостные. Скотников остался, но уже не в качестве подрядчика, а мастера. В 1857/58 г. заработная плата вольнонаемным рабочим выдана была в сумме 503 р. 7 к. сер., а своим крепостным в 2 901 р. 61 к. (по другому донесению—2 923 р. 98 к.).

Строительные работы занимали довольно большое количество крепостных. В 1856 г. занято было плотников, пильщиков и каменьщиков 80 чел., на кирпичном заводе по договору должны были работать 25 чел., кроме того, 1 слесарь работал по временам—всего 106 чел. В 1857 г. занято было не менее 37 плотников, 18 каменьщиков, 32 кирпичников, 8 пильщиков и 1 слесаря—всего не менее 96 чел., да еще в Камышанск было послано 4 каменьщика, и некоторое количество крестьян занято было копанием мела. Строительные работы занимали не менее 11% всех крепостных мужчин рабочего возраста.

Из каких слоев крепостных вербовались строительные рабочие?

Здесь преобладали оброчные. Барщинных в 1856 г. занято было всего 8 чел.; в 1857 г. из «деловых» были 4 каменьщика, отправленные в Камышанск. Ряд свидетельств говорит о том, что и оброчные и барщинные рабочие были в большой мере оторваны от сельского хозяйства. Во весь строительный сезон 1857 г. (с апреля по август) плотничьи работы не прекращались, каменьщики «по случаю уборки ярового и озимого хлебов и покосов... были на 4 дня (только на 4 дня!—*И. З.*) с работ спущены», прекратилась во время уборки добыча мела. Об отрыве от хозяйства свидетельствует и посылка на весь строительный сезон 4 каменьщиков из барщинных крестьян в далекую камышанскую вотчину. Очень яркое подтверждение предположения о таком отрыве дает анализ заработной платы, к которой мы переходим.

Среднею заработною платою крепостного рабочего Горнопольца было 6 руб. сер. в месяц; как выдавалась зарплата видно из следующей таблицы:

Годы	Выдача деньгами		Забор продуктов		Удержание в покрытие недоимок		Всего		Примечание
	Сер.	в %	Сер.	в %	Сер.	в %	Сер.	в %	
1856/57	84—42	4,2	430—31	18,8	1718—47	77	2233—20	100	* В том числе инструментов на 18 р. $3^{1/2}$ к.
1857/58	153—52	5,2	834—99*	28,5	1935—47	66	2923—98	100	

Почти $^1/_5$ зарплаты в 1856/57 г. и $^2/_3$ в 1857/58 г. были удержаны в покрытие недоимок по оброку. По форме мы имеем денежную зарплату,

денежный оброк, а по существу—натурально-хозяйственные отношения—непосредственную эксплоатацию рабочей силы. Но методы обычной барщины уже были непригодны. В отчете за ноябрь 1856 г. упоминается про имеющийся в конторе особый «имянной» список рабочих «с показанием числа заработанных ими дней по положенной отдельно каждому цене». Список этот до нас, к сожалению, не дошел. Ясно все же, что различная квалификация оплачивалась по-разному, что зарплата, хотя и произвольно установливаемая и на $^{2}/_{3}$ удерживаемая, все же имела известные черты экономического понуждения. Любопытно и то, что в 1857/58 г. доля удержаний в покрытие недоимок упала. В этом году вотчина перешла от подрядного строительства к хозяйственному, к непосредственной эксплоатации своих крепостных рабочих; но, взяв на себя ведение строительства, контора выдуждена была усилить элемент экономического понуждения.

Еще более сложный характер приобретают отношения между крепостными рабочими и помещиком в свете анализа выдаваемой на руки части зарплаты. Последняя, главным образом, состояла из забора продуктов. Какие продукты брали крепостные в счет своей зарплаты?

Годы	Ржаная мука	Крупа гречневая	Крупа пшенная	Соль	Сало свиное	Масло постное
1856/57	576 пуд.	9 чт. 5 м. 1 гарн.	3 чт. 1 м.	19 п. 6 ф.	12 п. 37 ф.	19 п. 5 ф.
1857/58	1021 »	27 » 3 »	4 м.	29 » 36 »	18 »	3 » 25 »

Забиралось почти все, что было нужно для пропитания, прежде всего—хлеб. Брали, видимо, не только для себя, но и частично для семьи. Это подтверждает предположение о том, чтп крепостные рабочие вербовались из рядов обедневших, порвавших в большой мере с хозяйством крестьянских дворов. Для удовлетворения спроса своих рабочих вотчине приходилось все перечисленные в таблице продукты, кроме муки, частично или полностью покупать. О ценах, по которым крепостные получали у конторы продукты, у нас противоречивые сведения. Соль, например, контора продавала по своей цене. Зато важнейший продукт забора—мука—выдавалась крепостным рабочим по цене (50 коп. сер. за пуд), в полтора раза превышающей рыночную цену (35¾ коп. сер. за пуд).

Вотчина перешла от подрядного к хозяйственному строительству, на место найма рабочих введена была скрытая барщина, на место денежных отношений как будто стали отношения натурально-хозяйственные. Но обычной барщины уже не ввести, рыночных отношений между помещиком и крестьянином уже не избегнуть. Контора вынуждена применять различную оплату труда крепостного в зависимости от квалификации, вынуждена покупать и продавать продукты для снабжения своих крепостных

рабочих. И заработную плату и цены на продукты вотчина устанавливает по своему произволу, но этот произвол теряет оголенность и прямоту отношений эксплоатации, свойственные крепостному хозяйству, и окутывается паутиной рыночных отношений.

Можно подвести итоги. Крупная оброчная вотчина в районе торгового земледеля неизбежно с большой силой вовлекается в рыночные отношения. Но рынок приносит вотчине горькое разочарование в виде роста недоимок по оброку, обеднения значительной части крестьянских дворов.

Вотчина пытается заставить рынок служить себе, пытается наложить путы своего контроля на рыночные отношения крестьян, пытается перейти от оброка к барщине. В результате создается полное противоречий сплетение натуральнохозяйственных и денежных элементов хозяйства, внеэкономического принуждения с экономическим понуждением. С крестьянина требуют непосильный оброк и вместе с тем препятствуют или даже запрещают продажу продуктов его хозяйства; запрещают крестьянский отход и вводят отдачу на работы крепостных; крепостных берут на строительные работы «по положенной отдельно каждому цене», но $^4/_5$ зарплаты удерживают в погашение недоимок и т. д.

Удивительно ли, что вся эта противоречивая организация хозяйства требовала установления осадного положения в деревне.

И можно ли сомневаться в том, что никакого хозяйственного прока не могло получиться от широкого строительства вотчины? Крепостная вотчина, по существу, находилась в тупике. Оброк стал невыгодным, но и обычная барщина уже была невозможна при отрыве значительной части крестьян от сельского хозяйства.

Л. Мамет

ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

(В. Гурко-Кряжин и Восток)

Я рассматриваю свой доклад о Гурко-Кряжине только как один из докладов в целой серии выступлений, которые должны разоблачить оппортунистические, мелкобуржуазные и буржуазные течения в вопросах востоковедения. Мне кажется, что без такой работы мы не сможем, действительно, консолидировать марксистские силы на востоковедном фронте.

Я разбиваю литературное творчество Гурко-Кряжина на три основных периода. Начну с его работы, писанной в 1914 г., с «Белой опасности». Я возвращаюсь к этой работе, потому что, по существу, те методологические установки, которые были даны в «Белой опасности», в основном без изменения перенесены через все годы революции к настоящим дням. В таких условиях «Белая опасность» получает, конечно, особый смысл, потому что она показывает нам источники, корни тех точек зрения, с которыми мы имеем дело сейчас.

В работе революционного периода—в «Сумерках Востока»—«Белая опасность» занимает довольно большое место и в виде частых ссылок на нее, и в виде целых страниц, которые целиком перенесены из нее [1].

Сам Гурко-Кряжин в целом ряде своих статей, имеющих характер декларативный, в первую очередь в статье «10 лет востоковедной мысли», помещенной в «Новом Востоке» № 19, писанной в 1927 г. к десятилетию Октябрьской революции, а затем в статье «Востоковедение», помещенной в «Большой советской энциклопедии» (т. XIII), подводя итоги тому, какие этапы пережило востоковедение за эти годы, особенно выдвигает «Сумерки Востока» как одно из первых произведений марксистского востоковедения. Правда, в одном месте он оговаривается, что «Сумерки Востока» сейчас несколько устарели. Но если бы Гурко-Кряжин заявил, что «Сумерки Востока» и методологически, и политически не только устарели, но неправильны, ошибочны,—у меня не было бы оснований к этой работе сейчас возвращаться. Но он говорит совсем другое.

Характеризуя, по его периодизации, первый период востоковедения, когда делались только отдельные, слабые попытки осознать, что такое востоковедение, Гурко-Кряжин пишет:

«Вслед за этим периодом вылазок, нащупываний и собирания чернового материала, наступает «героическая эпоха», когда ряд писателей пытается в одном труде осветить все проблемы Востока, нарисовать

[1] Ср. «Белая опасность», с. 4, 13 и «Сумерки Востока», с. 54, 57 и др.

синтетическую картину его борьбы с империализмом и наметить перспективы происходящего национально-освободительного движения».

Дальше идет перечисление работ, которые выполняли эту задачу. В числе этих работ находятся и «Сумерки Востока». Как же он характеризует их?

«Как мы видим даже из заглавий, все эти работы отличались необычайной широтой территориального охвата и не меньшей экстенсивностью в смысле анализируемых проблем. Как правило, рассматривался весь Восток, взятый целиком (и Ближний и Дальний, и Средний), причем со всех точек зрения: экономической, исторической, социальной, политической, революционной, и т. д. Вполне понятно, что при такой экстенсивности работы, вдобавок при недостатке конкретного материала, все эти попытки оказались не совсем удачными, грешащими схематизмом, натяжками и чрезмерным упрощенством. Однако, нельзя отрицать, что все эти опыты были вполне закономерными и в высшей степени полезными» [1].

«Сумерки Востока», как я вам дальше покажу, представляют собой произведение определенного порядка, имеющее определенные методологические и идеологические установки. И здесь дело идет совсем не о том, достаточно ли было материала или мало, получилась ли схема или нет, а о том, какая схема получилась, о том, что получилась неправильная схема. Отказа от этой схемы мы здесь не видим, наоборот, вся схема признается «в высшей степени полезной». Говорится только о том, что эта схема не была обоснована достаточным фактическим материалом. Все это дает мне право говорить об исторической преемственности трех основных этапов в творчестве Гурко-Кряжина: дореволюционного, в первые годы революции и в последующие. Перейдем к первому этапу, к «Белой опасности» [2].

Если в период революции пришлось воспринять марксистскую фразеологию, пришлось принять определенные тона, определенную маскировку, то, конечно, для 14-го года это было совершенно излишне. Поэтому в этой работе антимарксистские, антипролетарские тенденции достаточно обнажены и не требуют большого труда, чтобы быть вскрытыми. «Белая опасность» характерна тем, что Восток и Запад противопоставлены друг другу как две совершенно непримиримых величины, между которыми не может быть никакого сотрудничества, никакой связи, никакой увязки. Характеризуя Восток в противовес Западу, Гурко-Кряжин дает следующее примечательное определение социализма: «Здесь (на Востоке—*Л. М.*) никогда не может развиваться учение или чисто практическая доктрина, основанная на среднем, дюжинном разуме, вроде социализма, имеющая идеалом общее, безличное благо и наконец, действующая на практике путем коллективных, организованных выступлений» (с. 43).

Это определение социализма как учения, движения, «основанного на дюжинном разуме», очень характерно, и мне кажется, что тот «марксизм», которым Гурко-Кряжин впоследствии стал манипулировать, оправдывает такое понимание «социализма». «Чрезвычайно поучительно,— пишет он,—проследить, какую переработку, какой своеобразный характер принимали социалистические и коммунистические тенденции на Востоке,

---

[1] «10 лет востоковедной мысли», журн. «Новый Восток» № 19, 1927, с. XLIV.

[2] В. А. Гурко, Белая опасность. Восток и Запад. М., тип. т-ва Н. И. Пастухова. 1914.

Благодарю т. С. Сегалевич за помощь при составлении библиографии Гурко-Кряжина.

в тех редких случаях, когда мы их там встречаем». И в качестве образца он берет маздакизм. Целью Маздака, по Гурко-Кряжину, «было излечить общество от тех язв, которые тысячелетиями пожирали его, путем удаления их первопричин. Так как все столкновения и вражда людей коренятся в частной собственности, то Маздак и предлагал совершенно уничтожить эту последнюю. Все земли, вещи, вообще все жизненные блага должны быть равным образом поделены между всеми членами общества; реформатор шел так далеко, что требовал общности даже жен».

Говоря о восстании сипаев в Индии, Гурко-Кряжин утверждает: «Мы напрасно думали бы, что поводом к этому мятежу послужили какие-нибудь меры англичан, глубоко затрагивающие жизнь, личность или имущество туземцев». Все дело было в том, что была введена новая система винтовок, имевших «патроны, смазанные свиным и коровьим салом, которые надо было... откусывать». И это было основной причиной, которая «привела в содрогание и движение всю огромную страну» (с. 12).

Я не останавливаюсь на целом ряде других фактов. К сведению китаистов, изучающих революцию 11 года: по мнению Гурко-Кряжина итоги китайской революции были такие: «Мы знаем, чем кончилась китайская революция—реставрацией культа предков и восстановлением поклонения Конфуцию» (с. 77).

Красной нитью через всю работу проходит резкое противопоставление Востока Западу, культуры Востока культуре Запада, причем христианство всюду фигурирует как последнее слово западной культуры. Следовательно, западная культура олицетворяется в христианстве. Он пишет, например, следующее: «Рассмотрим вкратце на нескольких примерах, какое влияние оказала на Восток вся цельная духовная культура Запада, иными словами, христианство» (с. 15). То есть проводится знак равенства между всей культурой Запада и христианством.

Я не буду останавливаться на характеристике, даваемой Западу. Но, противопоставляя Запад Востоку и указывая на то, что попытки проникновения христианства на Восток ни к каким результатам не привели, Гурко делает определенный вывод, что это происходит потому, что Восток имеет свою культуру, более высокую, чем христианство, и поэтому в христианстве не нуждается.

Что касается проблемы империализма, то она для Гурко-Кряжина вообще не существует, он отмахивается от нее. И, говоря о завоевании Востока, о той грабительской политике, которую европейские державы вели по отношению к Востоку, он пишет:

«Мы привыкли, употребляя современный политический жаргон, говорить о колониальной политике отдельных держав» (с. 3). Колониальная политика сама по себе это только «политический жаргон», а на самом деле под этим понятием скрыто нечто гораздо более глубокое и важное. Что же именно?

Анализируя, какие громадные территории захватывает империализм, Гурко-Кряжин приходит к выводу: «Уже из этой огромной площади, захваченной влиянием Запада (напоминаю, что вся работа написана на противоположении Востоку Запада—*Л. М.*) видно, что мы имеем здесь дело не с политическими захватами отдельных держав, а скорее, с цельным «расовым» движением» (с. 3).

«Запад,—пишет он,—можно по праву назвать духовной родиной религий, возникающих на почве слепой, нелогической веры, или, чаще всего, суеверия, в то время как Восток дает картину бесконечного

творческого кипения мысли, поставившей себе целью достижение высшего, делающего равным богам, знания» (с. 22).

И в качестве примера этой высокой культуры Востока фигурирует не кто иной, как султан Абдул-Гамид.

На первый взгляд может показаться несколько странным, что когда речь идет о Западе, то Запад выступает в качестве большой силы, а когда речь идет о Востоке, то тут начинается апология Востока. Но это нужно Гурко-Кряжину для окончательного вывода, чтобы показать, что существуют два антагониста—Запад и Восток, которые примирить никак нельзя. Вопрос—Запад или Восток—должен решаться не сотрудничеством, не сожительством, а каким-то другим путем.

Впоследствии апология Востока примет у Гурко-Кряжина форму политического пантюркизма, панисламизма, но зародыши этого имеются уже в «Белой опасности».

Итак, имеются две культуры, две линии духовного развития, линии, которые между собою никак не связаны. «Восток представляет вполне законченный тип развития человеческого духа, замкнутый в самом себе и полный творческих сил. Он настолько отличается от западного типа, что их так же нельзя сопоставить, совместить, как измерить квадратом круг или прямой линией дугу» (с. 53).

Но все-таки какие-то попытки сближения были, взаимодействие было. Восток не жил изолированно от Запада, и Запад не жил изолированно от Востока. Но... «Мы видели,—пишет Гурко в «Белой опасности»,—выше полную неудачу всех сближений, сочетаний Востока с западной культурой на основе одной только территориальной близости или передачи материальных благ. Но вот была сделана попытка воздействовать на Восток тем путем, каким он вообще развивается и эволюционирует: «изнутри кнаружи», сообщая ему духовную культуру Запада—христианство. На примерах Индии, Персии, Китая мы наблюдаем полное крушение и этой попытки синтеза, растворения двух культур.

Существуют две опасности: «белая» опасность, которая движется с Запада на Восток, и «желтая» опасность, которая движется с Востока на Запад. Ни о каком примирении речи быть не может. Где же разрешение проблемы? Об этом говорят следующие строки «Белой опасности», где «проблема Востока» характеризуется как «проблема, которую мы разрешаем и хотим разрешить с помощью пушек, броненосцев и не менее победоносной мануфактуры?» (с. 17).

Все это было до революции. Первая работа Гурко-Кряжина по Востоку за революционный период это—«Сумерки Востока», которые в виде отдельных отрывков печатались в журналах до того, как они вышли отдельной брошюрой [1].

Что характерно для «Сумерек Востока»? По существу, никакой методологической принципиальной разницы между «Белой опасностью» и «Сумерками Востока» нет. Но зато в «Сумерках Востока» имеется обильная марксистская фразеология.

Под углом зрения этой «марксистской» фразеологии делается попытка пересмотреть фактический материал из «Белой опасности». Так например в характеристике причин восстания сипаев от «Белой опасности» к «Сумеркам Востока» уже имеется «шаг вперед»: «Окончательно прекратилась аренда Индии лондонскими купцами в 1858 году, после

[1] В. Кряжин, Сумерки Востока (Империализм на Востоке), изд. «Денница», М. 1919 (на обложке 1920).

кровавого восстания сипаев, вызванного главным образом злоупотреблениями агентов Компании» (с. 8). Вот эти «злоупотребления агентов Компании» есть очевидно тот «экономический базис», который подведен под «идеологическую надстройку». В «Сумерках Востока» делается попытка «марксистского» объяснения, попытка найти экономический базис, который, как и полагается с точки зрения вульгарного экономического материализма, непосредственно определяет идеологию. «Что касается культурных образований, наблюдаемых нами на Востоке, то сразу же бросается в глаза связь их с окружающим хозяйственным строем. В Индии процесс образования новых каст прямо-таки обусловлен явлением чисто экономического порядка. Например, на юге Бенгалии горшечники, вертящие гончарное колесо стоя, не роднятся с горшечниками, проделывающими это сидя; в одной местности Индии рыбаки, которые вяжут неводы, делая петли справа налево, и те, которые проделывают это слева направо, образуют две отличных касты и т. д.» (с. 59).

Но эта «марксистская» фразеология является только ширмой, за которой сохранено прежнее содержание «Белой опасности». Мы видели, что в «Белой опасности» центральным был вопрос о противопоставлении Востока и Запада, о непримиримости восточной и западной культуры. Эта точка зрения, эта установка сохранена и в «Сумерках Востока». «Восток,—пишет Кряжин,—просто не нуждается в христианстве, так как... он обладает гораздо более высокими системами морали и мышления» (с. 82). И дальше идет анализ всех этих систем. Буддизм и ислам «в лучшие эпохи своего развития вполне успешно выполняли свою роль—организации моральной, научной и государственно-правовой деятельности тех обществ, в которых они достигли своего расцвета» (с. 63—64). Дается характеристика и отдельных идеологий. Буддизм характеризуется как «внеклассовое, в основе своей широко демократическое движение» (с. 61). Далее в «Сумерках Востока» в развернутом виде мы имеем апологию пантюркизма, панисламизма, которые возводятся чуть ли не в нечто такое, что должно возглавлять революцию на Востоке. Начинается, конечно, с защиты ислама, с показа того, что все лучшее, что создано человеческим умом, все лучшие идеи, равенство и проч.,—все это есть в исламе. «Магомет выступил как защитник всех обездоленных и эксплоатируемых богачами. Он обличал своих соотечественников купцов, «обмеривающих» бедных людей, грозил им страшным судом, собирал около себя толпы рабов и т. д. Последние считали Магомета за своего освободителя» и проч. и проч. (с. 71).

В заключение, боясь, что авось он не будет правильно понят, Кряжин заключает, что Восток создал особый тип культурных образований, которых Запад может и не знать, но которые имеют громадное прогрессивное значение. «К числу таких культурных образований относятся панисламизм и пантюркизм, которые мы привыкли слишком сурово расценивать как безусловно реакционные или же узко националистические идеологии. Здоровым зерном в них является осознанная необходимость сплочения всего мира ислама на почве общих культурных ценностей» (с. 106).

Если вы сравните с этим известную теорию о Туранском государстве Султан-Галиева, вы увидите тут известное родство. Гурко-Кряжин даже может претендовать на право первенства в этом вопросе.

Так обстоит дело с вопросом о культуре Востока, который, как видите, по существу без изменений перешел в «Сумерки Востока» из

«Белой опасности». Но дело происходит как-никак в 1920 году—не говорить об империализме, говорить, что это просто «политический жаргон», конечно, нельзя. Приходится говорить об империализме. Но империализм в руках Гурко-Кряжина получает совершенно особенное лицо.

Я обращаю ваше внимание на замечание Ленина на книгу Бухарина, опубликованное в «XI Ленинском сборнике». Бухарин писал: «Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют методы непосредственного силового давления. Поэтому система мирового финансового капитала неизбежно влечет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма». Здесь Ленин пишет следующее замечание: «Не «поэтому» и не «здесь». Колонии были и до империализма, и даже до промышленного капитализма» [1]. Таким образом, наличие колоний еще не характеризует эпохи империализма.

Посмотрим, как на этот счет думает Гурко-Кряжин в этой своей работе, писанной уже в революционное время.

«В сущности,—пишет он,—империализмом можно назвать всякую внешнюю завоевательную политику, которая преследует цель создания imperium'а, т. е. государства, состоящего из разнородных и политически, и территориально, и, наконец, национально частей» (с. 3). И еще ярче: «Империализм как захватная политика европейского капитала вовсе не представляет собой продукт совершенно созревшего финансового капитала. В своих наиболее существенных чертах эта политика уже давно сложилась на почве колониального Востока, являясь здесь оригинальным плодом ряда условий и движущих сил. Современный империализм в значительной степени лишь продолжает поэтому те традиции, которые были унаследованы им от старинной колониальной политики европейцев на Востоке». Таким образом, империализма как последней стадии капитализма, как периода загнивания капитализма, у Гурко-Кряжина нет. Наоборот, империализм у Гурко-Кряжина на Востоке играет довольно положительную передовую роль. «Совершенно несомненно,—пишет он,—что империализм, в особенности на первых порах, вызывает сильнейшее оживление в промышленности и торговле благодаря открытию новых потребляющих рынков» (с. 38). «Империализм своим бурным натиском необычайно форсирует хозяйственный строй Востока, ставит его на уровень потребностей, предъявляемых передовыми капиталистическими странами» (с. 30) и т. д.

Я указывал, что у Гурко-Кряжина нет понимания империализма как последней стадии, как периода загнивания капитализма. Гурко-Кряжин стоит на противоположной точке зрения—на точке зрения сверхимпериализма, ибо он говорит о «дружеском слиянии европейских капиталов», причем это слияние, «осуществляемое империализмом, может постепенно повлечь за собой и консолидацию этого последнего. Так же как европейский капитализм превращается в одно согласованное хозяйственное предприятие, заменяющее конкуренцию отдельных национальных фирм, точно так же и мировой империализм постепенно стремится отлиться в форму одной общей военно-политической организации, которая заместила бы существующие сейчас соперничающие государственные организации» (с. 45). Причем у Гурко-Кряжина этот тезис имеет не только характер предвидения возможного, что было бы тоже неверно, в фактической политике империализма на Востоке, но он уже находит доказательство этого единого империализма, выступающего согласованно.

[1] «XI Ленинский сборник», с. 351.

«Элемент сотрудничества выступает при всякого рода империалистических дележках (в настоящее время в свете Лондонской, напр., конференции этот «элемент сотрудничества при дележке» получает особо пикантный характер—*Л. М.*), при разграничении зон влияния, определении сфер специальных интересов и т. п. Лишь при наличии подобного консолидированного империализма стало возможным для европейских держав полюбовно договориться о разделе Турции» (с. 47). Естественно, что из всей литературы об империализме, которая могла быть в то время в руках Гурко-Кряжина, наибольшее его восхищение и сочувствие вызывает Гильфердинг. Он пишет о том, что «наиболее замечательным произведением марксистской литературы, посвященным империализму», является «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга; Бухарин, Каменев, Каутский и... Ленин—«к нему примыкают» (с. 111).

Итак, империализм на Востоке играет положительную роль, империализм поднимает хозяйственно, оживляет Восток. Ну, а как же быть с двумя культурами, с Востоком и Западом? Марксистская фразеология в «Сумерках Востока» обязывает, и вместо двух «опасностей» появляются два «империализма»: вместо белой опасности—европейский империализм, а вместо желтой опасности—восточный империализм. «Как бы ни были запутаны сейчас международные отношения, все же все более и более начинает обнаруживаться, что совершившееся объединение (под гегемонией Англии и Соед. штатов) западного империализма вызывает в Азии естественную «реакцию в виде стремления объединить и противопоставить ему империализм восточный» (с. 16). Далее указывается, что в качестве возглавляющей этот восточный империализм силы выступает Япония, которая стремится милитаризовать Восток, спаять различные части его, порабощенные европейцами «кровью и железом», с тем, чтобы противопоставить империализм туземный, азиатский—империализму европейско-американскому» (с. 17).

Писалось это в 1919—1920 гг., в период бурных революционных столкновений, когда дрожали устои империализма. Эти столкновения Кряжин изображает следующим образом: «Впервые в грандиозном масштабе готовится столкновение на этот раз между объединяющимся Востоком и наседающим на него со всех сторон Западом» (с. 17), т. е. между империализмом Востока и империализмом Запада.

Империализм, играя положительную экономическую роль, вызвал к жизни на Востоке восточный империализм, но он каким-то образом должен был повлиять на население, на отдельные классовые прослойки. И здесь опять-таки характерно то понимание классовых отношений, которое дает Кряжин в «Сумерках Востока». Он пишет:

«Результатом политического рабства,... явился необычайный рост революционного движения, охватывающего сейчас почти все страны Востока, но оно же способствовало отвычке от всякой общественной жизни, привычке к деспотическим замашкам» (с. 34).

Но у кого же появились революционные настроения и у кого получилась «отвычка от всякой общественной жизни»? Вот, что говорит Кряжин: «Результаты гражданского рабства также были двоякими. С одной стороны, они воспитывали чувство принижения и способствовали потере чувства собственного достоинства у широких слоев, главным образом сельского населения» (с. 34). У крестьянства произошло принижение достоинства, отсутствие интересов общественных и политических. Но вот что пишет Кряжин дальше: «Но в то же время, в виде естественной реакции, они содействовали обычно сильному, болезненному национализму,

а там, где это было возможно, и патриотизму» (с. 34). Речь идет об интеллигентской верхушке и т. п...

Во всей этой работе Кряжина чувствуется определенное противоречие, вытекающее, с одной стороны, из положения о положительной роли империализма на Востоке, которое красной нитью проходит через всю книгу, и с другой стороны, из попытки показать, что Восток должен бунтовать и выступать против европейского империализма, хотя бы под лозунгом восточного империализма. Известная попытка выхода из этого противоречия имеется в том положении автора, где он указывает на то, что политика европейцев (имеется в виду европейский капитализм, а впоследствии империализм) на Востоке не была такой же жестокой, какой она была в других местах.

«На Востоке,—пишет Гурко,—европейцы были лишены возможности придерживаться этой своеобразной национальной политики (физического уничтожения—*Л. М.*), благодаря тому, что они сталкивались с представителями старинных культур, объединенных в большие государственные союзы. В XVIII веке этому мешала кроме того относительная малочисленность и слабость европейцев, в настоящее же время ряд «предрассудков», вроде: гумманности, «природного» права человека, даже цветного, на личную свободу, право наций на самоопределение и проч. и проч.» (с. 19).

По мнению Кряжина в XX веке империализм проводит не очень жестокую политику на Востоке и считается с «правом наций на самоопределение» и прочими «предрассудками».

Книга «Сумерки Востока», по мнению самого Кряжина, принесла большую пользу. Она по его мнению делает попытку дать перспективы революционной борьбы на Востоке. Анализ ее говорит о другом. Анализ «Сумерек Востока» говорит о том, что в более или менее скрытой форме мы имеем апологию империализма на Востоке.

Перехожу к последнему этапу в творчестве Гурко-Кряжина, к периоду, когда марксистская фразеология фигурирует в его произведениях не так топорно, как это имело место в «Сумерках Востока».

Прежде всего нужно подчеркнуть, что основная методологическая установка всех произведений Гурко-Кряжина этого периода все же остается неизменной. В этом отношении показательны те авторитеты, на которые он неоднократно ссылается, авторитеты и в смысле фактическом, и в смысле методологическом.

Небезынтересно также отношение Гурко-Кряжина к Бартольду. Говоря о работе Бартольда, Гурко-Кряжин пишет:

«Прекрасным введением к изучению культуры ислама могут служить произведения В. В. Бартольда—«Ислам» и «Культура мусульманства», свободные от всякой тенденции и содержащие надежную библиографию» [1].

Итак, Гурко-Кряжин считает Бартольда свободным от всякой тенденции. Приведу еще один отзыв о Бартольде:

«В. В. Бартольд в одной из своих недавних статей, которая, как всегда, имеет руководящее значение...» [2].

Разумеется, наше отношение к Бартольду, наша оценка культурного значения Бартольда для всех ясна. Но было бы смешно, если бы мы подходили некритически к Бартольду. А в данном случае мы имеем не только

[1] «Сумерки Востока», с. 121.

[2] В. А. Гурко-Кряжин, Исторические судьбы Афганистана. Оттиск из сб. статей «Афганистан», изд. ВНАВ, 1923, с. 3—4.

образец некритического, а вредного подхода, когда неправильные, неверные методологически и политически установки Бартольда всячески превозносятся.

Если для первых двух периодов я брал за основу определенные работы Гурко-Кряжина, для первого периода—«Белую опасность», а для второго—«Сумерки Востока», то для третьего периода нет возможности рассматривать каждую его работу, которых довольно много. Поэтому я решил остановиться на некоторых общих чертах этих работ. Что характерно для всех этих работ? Основное это то, что у него исторический материализм заменяется буржуазным географическим материализмом. Я несколько отвлекусь в сторону для того, чтобы показать источники этого своеобразного «марксизма» последнего периода. Гурко-Кряжин в целом ряде работ очень часто употребляет термин—«геополитика», причем употребляет этот термин в смысле определенного учения. Геополитика—это последнее слово географического материализма—возникла в Германии во время войны и имеет под собой определенную политическую почву. При помощи этой теории выдвигается требование о возврате колоний и т. д. Для германской буржуазии геополитика имеет определенный политический смысл и содержание. Вот основная методологическая установка геополитики,—я беру основной тезис из манифеста «Bausteine zur Geopolitik, Berlin 1928»: «Геополитика есть учение о связанности политических событий земными пространствами... Установленные географией особенности земельных пространств являются для геополитики теми рамками, внутри которых должно происходить развертывание политических событий, чтобы они могли иметь прочный успех. Носители политической жизни будут, разумеется, временами выходить за эти рамки, но раньше или позже связанность с земными пространствами непременно даст себя знать» [1].

Тут мы имеем определенную четкую постановку. Применительно к потребностям «марксизма» эту геополитику переработал левый социал-демократ Граф. Он пишет: «Ошибка Карла Маркса и многих его учеников состоит в том, что они перенесли весь центр тяжести на экономические и социальные факты и упустили из виду первичные факты природы» [2]. В другом месте он пишет: «Географические проблемы, вопросы об отношении между земельными пространствами и развитием культуры явно не входили в кругозор Маркса.. Географическое наблюдение и мышление было ему чуждо; он являл собою в гораздо большей степени синтез философа, экономиста и революционного политика» [3].

Таким образом геополитика через Графа вносит «поправку» в марксизм. И эту установку принимает Гурко-Кряжин в целом в важнейших своих работах. Возьмем работу Хоррабина «Экономическая география мира»—книжка сама по себе интересная и полезная. Но Хоррабин в целом ряде вопросов отходит от марксизма на точку зрения геополитики. Казалось бы, что задачей марксиста является взять в этой книжке то, что в ней есть полезного, но подойти к ней критически, как ко всякой невыдержанной работе. Гурко-Кряжин пишет предисловие к русскому изданию книги Хоррабина и в этом предисловии дает такую оценку: «Мастерски написанная, изобилующая меткими мыслями и выводами и,

---

[1] Цит. по ст. Виттфогеля, Геополитика, географический материализм и марксизм, «Под знаменем марксизма» № 2—3, 1929, с. 17.

[2] «Die Landkarte Europas Gestern und Morgen» цит. по Виттфогелю, с. 16.

[3] «Geografhie und materialistische Geschichtsauffassung», цит. по Виттфогелю, с. 16.

главное, проводящая всю строго марксистскую точку зрения, настоящая книга явится незаменимой для всех, изучающих современную экономику, историю, международные отношения» [1]. И вот, считая хоррабинский метод «строго марксистским», считая его книгу «незаменимой для всех изучающих экономику, историю, международные отношения», Гурко-Кряжин сам, приступая к этому изучению экономики, истории и международных отношений, твердо идет путями геополитики и географического материализма. Пишет ли он о Сирии, он подчеркивает геополитическое ее значение, разъясняя, что «геополитическое значение обусловливается географическим положением, путями сообщения и т. д.» [2]. Пишет ли он об Египте—опять-таки на первый план выдвигается геополитическое значение [3]. Заходит ли речь о Мессопотамии, подчеркивается, что хозяйственная жизнь в Мессопотамии предопределена прежде всего ее географической структурой [4]. Именно эта установка, этот примат географической структуры, примат природы у него проходит красной нитью через все основные его работы. Он пишет исторический очерк об Азербайджане для «Большой советской энциклопедии», и мы читаем, что «История Азербайджана в течение двух тысячелетий определяется... естественными богатствами страны и наличностью на его территории великого торгового пути, идущего на север вдоль Каспийского моря в южно-русские степи» [5]. Географический момент как основной. Заходит ли речь об Абхазии— перечисляется целый ряд моментов, от которых зависят конструктивные, по его выражению, черты истории Абхазии. Опять-таки тут и природная физико-географическая замкнутость и пересекающие торговые пути и проч. [6]. Общественные отношения и классовая борьба роковым образом постоянно выпадают из поля зрения Гурко-Кряжина.

Эта установка, конечно, не случайна. Анализ основных работ Гурко-Кряжина показывает, что в них мы имеем что угодно, только не марксизм.

Перейдем к гурко-кряжинскому пониманию империализма. Мы уже видели, что проблема империализма пережила определенные стадии у Гурко-Кряжина: на первом этапе в «Белой опасности» империализма вообще не существует, и сам термин «империализм», «колониальная политика» является не чем иным, как «политическим жаргоном»; в «Сумерках Востока» империализм уже появляется, но в своеобразной интерпретации, с которой мы выше уже ознакомились; но и в настоящее время никаких улучшений не произошло. Первым делом Гурко-Кряжин так и не уяснил себе, что мы имеем определенную марксистско-ленинскую теорию империализма, с которой нужно соглашаться или не соглашаться. По его мнению проблема империализма—это вопрос, о котором можно еще спорить. «В русской марксистской литературе,—пишет Гурко-Кряжин,— имеется несколько серьезных попыток вывести причины мировой войны из общих тенденций империализма, под знаком которого проходила вся политико-экономическая жизнь Европы и Америки, начиная с последней четверти XIX века. Однако самая структура империализма

---

[1] Предисловие к кн. Хоррабина, Экономическая география мира, изд. «Соврем. проблемы», М. 1925, с. 6.
[2] В. А. Кряжин, Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке, ч. I, М. 1923, с. 15.
[3] Там же, с. 112.
[4] Там же, с. 72, подчеркнуто мной.
[5] «Азербайджан», исторический очерк, БСЭ, т. I, с. 659.
[6] В. А. Гурко-Кряжин, Абхазия, изд. ВНАВ, М. 1926, с. 2—5.

далеко еще не вполне выяснена»[1]. Исходя из того, что структура империализма еще не выяснена, он сам делает попытку этого выяснения, причем он тут путается в целом ряде противоречий. Он не представляет себе, что, скажем, наблюдающиеся противоречия между отдельными империалистическими группами естественны для империализма. Он начинает искать «виновника» и в качестве виновника выдвигает то Германию, то Францию и т. д.[2].

Я не буду подробно останавливаться на этих моментах. Я только хочу вам показать, как уже на этом этапе понимает Гурко роль империализма и его структуру на Востоке и как живется Востоку под пятой империализма. В работе «Арабский Восток и империализм», изданной в 1926 г., автор говорит о странах арабского Востока, которые, будучи в течение 400 лет под властью Турции, не имели никакой самостоятельности, ни политической, ни экономической. Наконец «мировая война... вновь вызвала к самостоятельной политической жизни арабские области». Тут же он оговаривается: «Правда, в данный момент государственное самоопределение большинства их носит чисто фиктивный характер, и они в сущности являются колониями или полуколониями Англии и Франции». Ясно кажется? Однако оказывается, что: «Даже в такой ущербленной форме арабские области в настоящее время получают свои государственные границы, вводят в правительственный механизм родной язык, начинают интенсивно развивать свою культуру, обзаводятся собственной буржуазией, интеллигенцией и таким образом приобретают те политико-экономические предпосылки, которые необходимы, чтобы в будущем начать действительно самостоятельное национально-политическое существование»[3].

Итак, устанавливается господство империализма, как нечто вроде инкубатора, в котором выводится и складывается все необходимое для будущего самостоятельного национально-политического существования. Я думаю, мне не надо долго доказывать, что это—политически вредная точка зрения, находящаяся в кричащем противоречии с ленинизмом, программой партии и Коминтерна.

Восток и до сих пор продолжает оставаться для Гурко-Кряжина лишь объектом империалистической политики. Классовая и социально-экономическая структура Востока либо совершенно выпадает, либо играет незначительную третьестепенную роль. Вся эпоха танзимата в Турции, подъем и крах движения объясняется почти исключительно происками Англии, Франции, Австрии и др.[4]. Никаких внутренних движущих сил Гурко-Кряжин почти не замечает. Если же он иногда и пытается показать те внутренние силы, которые участвуют в движении, то дальше «всего, что было честного»[5], его «анализ» не идет. Отсюда полнейшая беспомощность при попытке дать «анализ социальной структуры» той или иной страны. Если мы сопоставим две страны—Турцию и Персию—в понимании Гурко-Кряжина, то тут получится такая картина: в Турции,

[1] В. Кряжин, О мировой войне и германской революции, «Красная новь» № 5 (15), 1923, с. 243 (подчеркнуто мной).

[2] См., напр., ст. «За советским рубежом» в журн. «Военная мысль и революция» № 6 за 1923, с. 38.

[3] В. А. Гурко-Кряжин, Арабский Восток и империализм, изд. «Плановое хозяйство» Госплана СССР, М. 1926, с. 5.

[4] «История революции в Турции», изд. т-ва «Мир», М. 1923, с. 5—11. См. также статьи об Афганистане и Ближнем Востоке.

[5] Там же, с. 16.

оказывается, вообще никаких классов нет, в противовес Персии, где имеется очень большое количество классов.

Давая анализ турецкой революции и тем классовым отношениям, которые имели место в этой революции, Гурко-Кряжин утверждает, что «в Турции нет буржуазии в западном смысле этого слова» [1]. В Турции нет промышленной буржуазии. Согласимся с этим и последуем дальше за нашим автором:

«Но если в Турции, при указанных обстоятельствах. не могла народиться промышленная буржуазия, то любопытно, что в ней не смогла возникнуть даже буржуазия торговая» [2].

Выходит, что промышленной буржуазии в Турции нет, торговой тоже нет. Согласимся пока с этим. Читаем дальше:

«При отсутствии промышленной и торговой буржуазии, в Турции, в силу ряда исторических причин, не смогла образоваться и сельская «дворянская» буржуазия» [3]. Итак, дворянства тоже нет. Пойдем опять дальше. «Не разбирая здесь сколько-нибудь подробно сложной проблемы турецкого феодализма. отмечу лишь, что в отличие от феодализма западного, он не эволюционировал. а был радикально искоренен Махмудом II и его предшественниками» [4].

Как видите, феодалов тоже нет. Промышленной буржуазии нет, торговой буржуазии нет, дворянства нет, феодалов тоже нет. Что же есть? Происходит революция. Идет борьба. Кто же с кем борется? Ответ Гурко-Кряжина гласит: «Политическая борьба, как мы видим, носила не классовый, а внутриклассовый характер» [5].

Тут встает вопрос—если классов не было, то внутри каких же классов происходила борьба и вокруг каких лозунгов? На это Гурко-Кряжин отвечает: «Боролись не за какую-либо политическую программу, а за власть, как таковую» [6]. Кто боролся, когда классов не было—это остается известным одному Гурко-Кряжину...

Так обстоит дело в Турции. Я вспоминаю, что когда на Харьковском съезде выступил представитель Турции. кемалист Решид-Сафет-бей. он говорил. адресуясь к марксистам: «Ваша точка зрения. ваша установка может быть верна для России. но она неверна для Турции. потому что вы исходите из точки зрения классовой борьбы. а в Турции классовой борьбы нет. ибо нет классов». Гурко-Кряжин считает. что классовая борьба возможна. но классов. которые борются. он не находит. Чем отличается его теория от теории Решид-Сафет-бея?

Совершенно другая картина получается по Гурко-Кряжину в Персии. И, если в Турции, как мы видели, вообще классов нет, то в Персии получается нечто невообразимое. Я хочу привести, говоря словами самого Гурко-Кряжина, «краткий анализ социальной структуры Персии». Гурко насчитал в Персии 5 классов. Я приведу их по очереди, следуя за автором.

Первый класс—«помещичьий класс», «вторым влиятельным классом является купечество». Третий—«гораздо менее влиятельный класс составляют ремесленники». Далее заходит речь о рабочих. Выясняется, что «рабочее движение, благодаря отсутствию в Персии сколько-нибудь значительной промышленности, было очень слабо».—«В социальном отношении

---

[1] «История революции в Турции», изд. т-ва «Мир». М. 1923, с. 35.
[2] Там же, с. 38.
[3] Там же, с. 40.
[4] Там же, с. 40.
[5] Там же, с. 59.
[6] Там же, с. 59.

они мало чем отличаются от ремесленников». Рабочие это—четвертый класс. И, наконец, пятым классом, «последним классом... является духовенство: а) крупное, б) мелкое» [1]. Я обращаю ваше внимание на то, что из этого «краткого анализа социальной структуры», крестьянство совершенно выпадает. Случайно это или нет? Я думаю, что не случайно. Если вы вспомните, как в «Сумерках Востока» Гурко-Кряжин характеризует влияние империализма на Восток, вы вспомните, что он указывает на то, что империализм вызывает революционное движение среди интеллигенции, но он подавляет всякие политические интересы у массы, главным образом у сельского населения. Отсюда все ясно. Общеметодологическая установка «Сумерек Востока» сказывается на конкретном примере с Персией. Крестьянство, «отвыкшее от всякой общественной жизни», просто скидывается со счетов. Вот еще один небольшой пример. Оказывается, что в Сирии французские империалисты вели большую просветительную работу, занимались школьным строительством и т. д. Этой просветительной работой французских империалистов «в Сирии была вполне создана почва для нарождения туземной интеллигенции. Действительно, в Сирии очень скоро появляется многочисленный класс: адвокатов, врачей, учителей и журналистов» [2]. Вот вам понимание классовых отношений.

Все эти моменты говорят о том, что, конечно, ни о каком марксизме в работах Гурко-Кряжина говорить не приходится. Гурко-Кряжин эклектик, объективно представляющий буржуазное востоковедение, объективно занимающийся апологией империализма, который свой эклектизм и часто непонимание целого ряда проблем прикрывает звонкой марксистской фразой.

Перейдем к последнему разделу—о Советском Востоке. О Советском Востоке Гурко-Кряжин писал меньше, чем о зарубежном, но и здесь он достаточно ярко показал свою антимарксистскую сущность. Гурко-Кряжин всюду на Востоке, первым делом находит родовой строй. Эта мысль у него особенно сильно подчеркивается. «В Хевсурии никогда не было, да и до сих пор нет, какой-либо объединяющей, централизованной власти» [3]. «Хевсуры, благодаря значительной сохранности родового строя, необычайно гостеприимны» [4]. «Если... рассмотрим общественный строй хевсур в его самых основных чертах, мы убедимся, что он весь проникнут патриархальными родовыми началами» [5]. То же самое и в Курдистане: «Несмотря на решительное отрицание всеми лицами, посещавшими Курдистан, патриархально-родовых отношений, мы обнаружили как их наличие, так и большую живучесть» [6].

Мы не собираемся возражать против того, что у нас в целом ряде наших районов имеются остатки родовых отношений. У Гурко-Кряжина вопрос ставится совершенно иначе. У него проблема родового строя на Советском Востоке и в связи с этим проблема перспектив в экономическом, политическом, хозяйственном развитии Советского Востока включены

[1] «Краткая история Персии», М., 1925, изд. «Прометей», с. 42—45.

[2] «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке», ч. I, М. 1923, с. 22 (подчеркнуто мной).

[3] «Хевсуры», ст. в журн. «Хочу все знать» № 12, 1927, с. 527.

[4] «Хевсуры», изд. ВНАВ, М. 1928, с. 10.

[5] Там же, с. 17.

[6] Краткий научный отчет по экспедиции в Курдистан и Тушетию. Благодарю товарищей из Музея восточных культур, давших мне возможность ознакомиться с этим отчетом.

в определенную схему. Гурко-Кряжин замечает, что на Советском Востоке происходит разложение родовых отношений там, где они есть. «Ряд фактов доказывает, однако, что родовой строй мы находим здесь (т. е. в Хевсурии—*Л. М.*) не в состоянии расцвета, а падения, разложения и замены его иными общественными формами» [1]. Что это за иные общественные формы—мы с вами сейчас увидим.

Оказывается, что в наших советских условиях там, где имеются родовые отношения, в результате разложения этих родовых отношений неизбежно происходит процесс создания, зарождения, развития феодальных отношений. Я хочу вам это продемонстрировать на некоторых примерах. В результате дискуссии, которая была у меня с Гурко-Кряжиным в Харькове, он указал, что мы его неправильно поняли, и в качестве примера, где он правильно ставит вопрос о родовых отношениях, он указал на свою брошюру «Хевсуры». Поэтому я беру главным образом его «Хевсур». В Хевсурии, пишет он, «мы видим другой любопытный социальный процесс, а именно: полное сращение хевсурской скотоводческой верхушки с жреческой аристократией... Как мы видим, здесь наблюдается явление необычайно характерное для процесса зарождения раннего феодализма, а именно: совмещение в лице первобытного феодала функций светских и религиозных» [2]. В другом месте о тех же хевсурах: «Как мы видим, здесь происходил своеобразный процесс ранней феодализации, на базе разложившегося родового строя, под влиянием торгового скотоводства» [3]. Тут тезис в достаточной степени отчеканен.

Для того, чтобы было ясно, что это не случайность, что мы имеем, можно сказать, типичный образец, по мнению Гурко-Кряжина, перерастания родовых отношений в феодальные, я сошлюсь на следующее. Гурко-Кряжин дает беглый очерк исторических судеб Хевсурии: мы узнаем, что «в эпоху меньшевиков Хевсурия вернула полную автономию... Наконец, в настоящее время, относясь вполне лойяльно к советской власти, хевсуры продолжают сохранять полную автономию во внутреннем управлении, вернее, самоуправлении. Пожалуй, будет точнее сказать, что у хевсуров вообще отсутствует центральная власть, хотя бы в смысле объединения всего населенного ими района. Власть здесь в необычайной степени децентрализована, раздроблена. Самоуправляющимися, суверенными единицами здесь фактически являются деревни, вырабатывающие свои формы власти, варьирующиеся и представляющие ряд переходных типов о т п а т р и а р х а л ь н о г о с т р о я д о е д и н о л и ч н о й в л а с т и. Не даром, когда мы обследовали хевсурские деревни, то часто вспоминалась блестящая книга французского этнолога Дави и египтолога Морэ «От кланов к империям» (Des clans aux empires), в которой сделана смелая попытка проследить эволюцию государственной власти от первобытных человеческих ячеек и до древних империй Египта и Вавилона [4]. В с о в е т с к о й Хевсурии Гурко-Кряжин заметил только переходные типы от патриархального строя до единоличной власти, а «эволюционирует» она, эта многострадальная Хевсурия, по принципам Морэ и Дави. Причем же здесь, спрашивается, советская власть и соцстроительство? Да, очевидно, не причем.

Какие же перспективы стоят перед советскими районами, областями, республиками по Гурко-Кряжину? На первый взгляд формулировки,

[1] «Хевсуры», с. 22.
[2] Там же, с. 40.
[3] Там же, с. 37.
[4] Там же, с. 34—35 (подчеркнуто мной).

даваемые Гурко-Кряжиным, довольно невинны, потому что они бессодержательны. Но в свете других высказываний они получают определенно не только научный, но и политический смысл. Какие перспективы стоят перед Хевсурией? «Для глубокого политического индиферентизма хевсур чрезвычайно характерно, что во время гражданской войны на их территории поочередно укрывались то грузинские большевики, то белые банды пресловутого кн. Чолокашвили и др. Это обстоятельство, так же как и ряд других, настоятельно ставит вопрос о подлинной советизации Хевсурии, о превращении ее в Швейцарию туристов, а не политических эмигрантов» [1]. Я повторяю, если взять изолированно это определение—страшного в нем еще ничего нет. Можно было бы сказать, что это неудачная формулировка. Но я вам покажу, что это не случайная формулировка.

Заходит речь о Курдистане. В Курдистан Гурко-Кряжин ездил с определенной целевой установкой: «Изучение социально-экономической структуры Курдистана... в учете изменений, внесенных революцией и социалистическим строительством» [2]. Какие изменения внесли в эту социально-экономическую структуру революция и социалистическое строительство? Конечно, как всюду, Гурко-Кряжин устанавливает изолированность курдов, наличие родовых отношений у курдов, «сохранивших до сих пор примитивы социально-экономических отношений», которые «ярко отражаются и в материальной культуре курдов. Благодаря этому именно среди них наиболее удобно наблюдать переход от необычайно архаических к более сложным и, наконец, к современным формам материальной культуры». К каким же современным формам? «К кустарному производству» [3]. Вот те изменения, которые внесла революция в социалистическое строительство в Курдистане..

Изучая Курдистан, Гурко-Кряжин приходит к выводу, что собственно Курдистан исчезает, он ассимилируется тюрками. Причем одна из основных причин—это то, что на курдов происходит «всестороннее воздействие тюркской торговой буржуазии (это в 1929 году!), монопольно хозяйничающей среди курдов, благодаря отсутствию у последних национальной буржуазии» [4]. Мотивировка дана не такая, что там, может быть, извращение политики, может быть, не укрепились социалистические элементы и т. д. А что тюркская буржуазия хозяйничает там потому, что у курдов нет своей буржуазии. Значит, если бы у них была своя буржуазия, она бы хозяйничала в Курдистане. Хозяйничать должна буржуазия, потому что другой путь, социалистический путь, по Гурко-Кряжину, совершенно исключен. Формулировки, аналогичные этим, встречаются по отношению к целому ряду других советских районов (Армения, Абхазия, Аджаристан, Азербайджан, Осетия).

Я не буду останавливаться на всех этих районах. Возьму только некоторые образцы. Гурко-Кряжин, говоря о советизации Абхазии, пишет: «Идеи советской культуры, экономического прогресса и правопорядка постепенно пропитывают и преображают еще недавно совершенно отсталую абхазскую деревню» [5]. Экономический прогресс и правопорядок!

Заходит ли речь об Азербайджане, мы опять читаем: «После этого (после советизации—*Л. М.*) начинается период мирного культурно-экономического развития Азербайджана в условиях полной ликвидации всякой

---

[1] «Хевсуры», с. 4.
[2] «Отчет об экспедиции в Курдистан».
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] «Абхазия», изд. ВНАВ, М. 1926 с. 24.

национальной розни» [1]. Вот о чем идет речь,—о ликвидации национальной розни. Конечно, это верно. Но ведь в Азербайджане произошла социальная революция. Это как-то исчезает из поля зрения Гурко-Кряжина. Можно было бы привести аналогичные высказывания относительно целого ряда других советских районов.

Случайно ли это или сознательно? Я считаю, что он совершенно сознательно именно таким образом, туманно формулирует проблему перспектив советских районов, проблему того, куда они растут. Там, где Гурко-Кряжин говорит о перспективах развития Советского Востока, о разложении родовых отношений, он приходит к выводу, что происходит процесс создания феодальных отношений. Конечно мы не отрицаем, что у нас имеются в СССР остатки феодальных отношений. Ленин, перечисляя пять укладов нашего хозяйства, в том числе отметил и наличие у нас феодальных отношений и наличие у нас патриархальщины и т. д. Гурко-Кряжин ставит вопрос иначе. Оказывается, что у нас не только имеются феодальные отношения, которые нужно ликвидировать, но в советских условиях, в СССР эти феодальные отношения возникают, растут и развиваются. На примере Хевсурии вы видели, что там, по его мнению, происходит процесс, напоминающий ему создание древних империй. На целом ряде других примеров это можно проследить. Таким образом его основной взгляд сводится к тому, что у нас в СССР мы можем наблюдать процесс создания, возникновения и развития феодализма. Эти взгляды он защищал не только в тех работах, которые я здесь цитировал, но и в тех тезисах, которые были написаны им для доклада на тему «Феодализм на Ближнем Востоке» на Харьковском съезде. Я хочу дать маленькую справку по этому поводу.

Этот доклад был поставлен на съезде, и делегатам были розданы тезисы. Однако, на самом съезде Гурко-Кряжин эти тезисы аннулировал и предложил другие, по которым и делал доклад, которые назывались «Основными тезисами доклада». Об этих последних у меня и идет речь. В п. 3-м этих тезисов мы читаем следующее:

«Процессы образования раннего феодализма можно наблюдать в настоящее время в наиболее хозяйственно отсталых, географически замкнутых районах (например в Курдистане, зарубежном и закавказском, у горцев Грузии, проживающих по склону главного Кавказского хребта, и др.)».

Этим тезисом Гурко-Кряжин утверждает не то, что у нас имеются рудименты, остатки феодальных отношений, а то, что у нас происходит процесс их зарождения и развития. Эта концепция еще ярче сказывается в следующем 4-м пункте тезисов: «Картина возникновения раннего феодализма на базе распада родо-патриархального строя в конкретных условиях современного зарубежного и Советского Востока».

Тот фактический материал, который был собран в работах о Тушетии, о Хевсурии и т. д., по мнению Гурко-Кряжина, дает картину развития раннего феодализма, которую мы и наблюдаем в условиях нашего Советского Востока.

Не говоря уже о том, что этот тезис не верен сам по себе, он превращается, по моему мнению, в положение, представляющее большую политическую опасность. Если мы сходимся с Гурко-Кряжиным в том, что у нас в СССР можно наблюдать остатки феодализма, если мы сходимся с ним в том, что эти феодальные отношения мы получили в наследство от прошлого, то мы радикально расходимся с ним в его

[1] «Азербайджанская ССР», исторический очерк, БСЭ, т. I, с. 664.

утверждении, что они у нас продолжают зарождаться и развиваться. Во всяком случае вполне уместен вопрос—что же будет с этим феодализмом, куда растут эти феодальные отношения? Как мы отвечаем на этот вопрос? Мы говорим о борьбе социалистических элементов со старыми силами, остатками капитализма, феодализма и т. д. Товарищи из Казакстана, проведшие у себя революционную ликвидацию полуфеодалов и баев, знают определенный путь, определенную перспективу, которая ждет феодализм на всем Советском Востоке. Мы знаем о существовании у нас феодальных остатков, мы с этими остатками, так же как и с кулачеством, ведем ожесточенную борьбу. Мы боремся и с капитализмом и с докапиталистическими укладами, у нас происходит классовая борьба, революционная борьба. Именно в обстановке классовой борьбы, в обстановке революционной борьбы будут ликвидироваться, преодолеваться остатки феодализма. Разрушая их, мы тем состроим социалистическое общество. Гурко-Кряжин стоит на совершенно другой точке зрения.

Гурко-Кряжин в последнем (5-м) тезисе говорит о двух путях развития раннего феодализма. Один путь он дает только для заграницы:

«1) Дальнейшее осложнение, регламентация, превращение в данный «исторический тип» (напр. персидский, турецкий и проч.)». Другой путь неизбежен и для Советского Востока:

«2) Недоразвитие, упадок, загнивание, переход в иную социально-экономическую организацию (ранний феодализм в СССР, курдский феодализм в условиях послевоенной Турции и т. п. и др.)».

Таким образом за одну скобку берутся остатки феодализма в СССР и феодализм в Турции, феодализм в стране победившей пролетарской революции и феодализм в Турции. Что это совершенно разные вещи, что их нельзя брать за одну общую скобку, что у них не может быть одной общей судьбы—это совершенно ясно. Мы прекрасно понимаем, что тут и там феодализм разный. Мы видим, что феодализм революционным путем л и к в и д и р у е т с я, выкорчевывается в СССР. Гурко-Кряжин этого не понимает.

Основной ошибкой этих тезисов, ошибкой, переходящей в политическую опасность, является утверждение, что феодализм мирно врастает в социализм (переходит в иную социально-экономическую формацию) в то время, как мы боремся с остатками феодализма, в революционной борьбе их преодолеваем. Феодализм никуда не «переходит», никуда не «врастает», так же как не «врастает» в социализм кулак и другие классовые враги, которых мы уничтожаем в классовой борьбе. Тезис Гурко-Кряжина полезен только нашему классовому врагу. Любой казакстанский бай, любой якутский тойен с удовольствием подпишутся под этой установкой.

Мне кажется, что по этому тезису, органически вытекающему из всех работ Гурко-Кряжина по Советскому Востоку, нужно не только академически бить, с ним не только нужно научно спорить. По этому тезису, представляющему политическую опасность, нам нужно ударить, твердо, по-большевистски ударить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

(Гурко-Кряжин и Восток)

Тезисы доклада Л. П. Мамета

1. Усиление и обострение классовой борьбы в стране вызывает оживление буржуазных, мелкобуржуазных, меньшевистских и оппортунистических течений в области идеологии во всех областях научной работы, в том числе и в востоковедении. Это положение требует особого внимания в разоблачении буржуазных течений, зачастую прикрывающихся марксистской фразеологией. «Только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма» (Сталин).

2. Ярким образцом прикрывающейся марксистской фразеологией буржуазной идеологии является востоковедческая концепция проф. Гурко-Кряжина, которая, как будет ниже показано, является лишь отражением марксизма в буржуазном востоковедении.

3. Работы Гурко-Кряжина по Востоку можно разделить на три основных этапа, внешне связанных с его литературной фамилией в каждый данный период. I этап—«Белая опасность» Гурко (1914 г.), II этап—«Сумерки Востока»—Кряжина (1919/1920 г.) и III этап—ряд работ Гурко-Кряжина (1923—1929 гг.).

4. Эти три этапа характерны общностью основных принципиальных и методологических установок, которые красной нитью проходят через все работы и Гурко, и Кряжина и Гурко-Кряжина. Разница заключается в том, что откровенно-буржуазный характер «Белой опасности» на последующих этапах все более и более вуалируется марксистской фразеологией, оставаясь по существу без изменений.

5. Преемственность этих трех этапов, впрочем, формально устанавливается самим Гурко-Кряжиным. В «Сумерках Востока» помимо ряда прямых ссылок на «Белую опасность», имеются целые страницы, почти без всяких изменений перепечатанные из «Белой опасности». Что же касается «Сумерек Востока», то Гурко-Кряжин и в 1922 г. (в рецензии на «Проблемы Востока» Сафарова) и в 1927 г. (в ст. «10 лет востоковедной мысли» в «Новом Востоке») и в 1929 г. (в ст. «Востоковедение» в БСЭ) считал их вполне закономерными и в высшей степени полезными.

I этап—«Белая опасность»

6. Отрицательное отношение к социализму и к историческому материализму. «Социализм»—доктрина, основанная на среднем дюжинном разуме.

7. Чисто идеалистический подход к объяснению исторических явлений. Один из многих примеров. «Жизнь всех индусов определяется не политико-социальными учреждениями, а чисто отвлеченными принципами, унаследованными от седой старины».

8. Отожествление «Культура Запада» с христианством, характеризуемым «как цельная духовная культура», как «единая и притом точная наука».

9. На данном этапе понятие империализма в концепции Гурко-Кряжина полностью отсутствует. Колониальная политика отдельных держав для него всего лишь «политический жаргон». Захватническая политика капиталистических государств для Гурко-Кряжина—«цельное расовое движение».

10. «Культура Запада» противопоставлена «Культуре Востока» в качестве двух несоизмеримых и непримиримых величин. Это противопоставление сопровождается апологией пантюркизма и панисламизма.

11. Противопоставление Востока и Запада, мысль об органической невозможности для Востока воспринять западную цивилизацию, идея о своеобразии восточного мира, противопоставление «желтой опасности», надвигающейся с Востока на Запад,—«белой опасности», надвигающейся с Запада на Восток, мысль о Востоке, который «настолько отличается от западного типа, что их так же нельзя сопоставить, совместить, как измерить квадратом круг или прямой линией дугу», все это логически обосновывает империалистический вывод о том, что проблема Востока, это «та роблема, которую мы разрешаем и хотим разрешить с помощью пушек, броненосцев и не менее победоносной мануфактуры».

II этап—«Сумерки Востока»

12. В «Сумерках Востока», писанных в революционные годы, обильно появляется марксистская фразеология, в свете которой делается попытка пересмотреть фактический материал из «Белой опасности». Однако эта марксистская фразеология употребляется еще крайне топорно и неумело.

13. Противопоставление Востока и Запада неизменным перенесено из «Белой опасности», причем восхваление пантюркизма и панисламизма становится настолько откровенным, что во многих чертах предвосхитило идеологию султан-галиевщины.

14. Империализм рассматривается как политика территориальных захватов. Г.-К. не делает никакого различия между чисто империалистической и колониальной политикой капитализма. Империализм как последняя стадия капитализма выпадает из поля зрения Г.-К.

15. Ленина, наряду с Бухариным, Каменевым, Павловичем и... Каутским, Г.-К. считает «примыкающим к Гильфердингу», «Финансовый капитал» которого оценивается как «наиболее замечательное произведение марксистской литературы» (в 1919 году при наличии ленинского «Империализма»).

16. Г.-К. роль империализма на Востоке считает исключительно полезной, так как он «необычайно форсирует хозяйственный строй Востока, ставит его на уровень потребностей, предъявляемых передовыми капиталистическими странами».

17. Империализму западному во главе с Англией и САСШ противопоставляется империализм восточный во главе с Японией, которая «стремится спаять различные части востока, порабощенные европейцами».

18. Г.-К. находится на точке зрения сверх империализма. По его мнению происходит «слияние» и «консолидация» мирового империализма в одну общую военно-политическую организацию, которая заместила бы существующие сейчас соперничающие государственные организации.

19. Из приведенных выше тезисов ясна империалистическая тенденция автора, выпирающая из марксистской фразеологии. Не даром книга, долженствующая трактовать о «возрождении Востока», носит знаменательное название—«Сумерки Востока».

III этап—работы 1923—1929 гг.

20. Основными авторитетами для Г.-К. являются: а) Абдул-Гамид, концепция которого характеризуется как «политически очень практичная», б) академик Бузескул, заслуживающий всякого внимания, в) академик Бартольд, статьи которого, «как всегда, имеют руководящее значение», и Л. Д. Троцкий, дающий «великолепный образец историко-биографического подхода».

21. В работах Г.-К. последнего периода исторический материализм заменяется буржуазным географическим материализмом.

22. Последнее слово географического материализма—геополитика, вышедшая из недр германской буржуазной науки, нашла своего адепта в Г.-К. Вслед за Графом он переносит центр тяжести с экономических и социальных факторов на природные и географические.

23. Отсюда некритический и восторженный отзыв о Хоррабине, который по мнению Г.-К. «проводит всюду строго марксистскую точку зрения».

24. В целом ряде работ (о Сирии, Египте, Мессопотамии, Азербайджане, Абхазии и др.) Г.-К. проводит взгляд о преобладающем и решающем значении географического фактора.

25. Движение народонаселения, являющееся у Маркса зависимой величиной, превращается у Г.-К. в определяющую величину, а производительность труда—в производную.

26. Г.-К. считает, что «самая структура империализма далеко еще не вполне выяснена», и отсюда допускает ряд грубейших политических ошибок при трактовке отдельных проблем (Франция, Германия, Восток).

27. Буржуазная концепция империализма сказывается также в трактовке Востока лишь как объекта империалистической политики. Классовая и социально-экономическая структура Востока либо совершенно выпадает, либо играет незначительную третьестепенную роль.

28. Буржуазная концепция сказывается также в понимании классов и классовой борьбы. На Востоке либо нет никаких классов, и борьба становится «внутриклассовой», за «власть, как таковую» (Турция), либо, смешивая понятие «класс» и «сословие», появляется громадное количество «классов» (Персия, Киликия, Сирия). Характерно, что и в том и в другом случае крестьянство скидывается со счетов при «анализе социальной структуры».

Востоковедение

29. Развитие марксистского востоковедения Г.-К. объясняет «участием ряда наших социалистов в революционных событиях в Турции, Персии, на Балканах и пр.».

30. Задачи марксистского востоковедения Г.-К. выводит лишь из военной борьбы советской власти за свое существование и разрешения необычайно важного национального вопроса, от которого зависело все внутреннее социалистическое строительство. Проблема колониального и полуколониального Востока, проблема некапиталистического пути развития, проблема рабочего и национально-освободительного движения на Востоке не случайно выпадают из концепции Гурко-Кряжина.

31. Непонимание целей и задач советского востоковедения, диаметрально противоположных целям и задачам империалистического востоковедения, приводит Гурко-Кряжина к теории стадийности востоковедения. См. теорию трех стадий («Новый Восток» № 19 и БСЭ, т. XIII).

Советский Восток

32. Обращает на себя внимание туманность, неясность, отсутствие четкой и определенной постановки вопроса в проблеме перспектив развития стран Советского Востока (Армения, Абхазия, Аджаристан, Азербайджан, Осетия, Курдистан, Хевсурия).

33. Эта туманность выясняется, когда Г.-К. переходит к анализу процессов, происходящих на Советском Востоке. По Г.-К. в результате разложения патриархально-родового строя происходит образование раннего феодализма (Хевсурия, Курдистан, тезисы на Украинском съезде.

34. Эти положения находятся в непримиримом противоречии с ленинским положением о возможности некапиталистического пути развития для отсталых стран при поддержке пролетариата советских республик.

35. Концепция Г.-К. становится политически вредной, когда он утверждает, что феодализм в СССР переходит в иную социально-экономическую организацию — социализм. Вместо тезиса о революционном преодолении остатков феодализма, об их ликвидации и строительстве социализма, выдвигается тезис о врастании (переходе) феодализма в социализм, политически родственный тезису о врастании кулака в социализм.

II

В СЕКЦИЮ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Заявление

Прошу огласить на заседании, назначенном на 20 марта и перенесенном на 13 апреля с. г., нижеследующее заявление:

Тяжелая болезнь (гиперемия мозга) делает для меня невозможным личное присутствие на заседании. Оставляя подробный ответ на доклад т. Мамета и могущие произойти прения до выздоровления и ознакомления со стенограммой заседания, считаю вместе с тем необходимым сейчас же дать следующие краткие замечания по тезисам доклада.

1. Я никогда не отрицал и не отрицаю, что у меня имелись и имеются ошибки в области марксистской методологии и что последняя была мною усвоена не по какому-то наитию, а бралась с бою, в результате многих лет упорной научной работы. Многие из этих ошибок являются к тому же не индивидуальными, а «групповыми», общими и другим востоковедам, находя себе объяснение в крайне недостаточном изучении даже основных проблем Востока под углом зрения марксистской методологии. Последним в значительной степени и объясняется бесконечное количество разногласий и споров в марксистском востоковедении по основным вопросам Востока.

2. В условиях подобного состояния марксистского востоковедения необычайно нужна серьезная и здоровая критика, способная помочь уяснению и изживанию возможных ошибок.

3. К сожалению, тезисы т. Мамета не отвечают обязательному условию всякой нормальной критики, в особенности методологической, а именно правильному оперированию с материалом. Тезисы Мамета, во-первых, искусственно ограничивают мою литературную продукцию, продолжающуюся 17 лет и выразившуюся в 60 научных и научно-популярных книгах, брошюрах и статьях, лишь немногими работами, главным образом, устарелыми и даже написанными до мировой войны, когда я не был марксистом, а толстовствующим востокофилом («Белая опастность»). Мамет почему-то опустил целую группу моих работ, связанных с Октябрьской революцией («2 красных года», «Шесть съездов советов»—написано совместно с Б. Н. Козьминым—«Английская интервенция 1919/20 гг.», «Бакинский процесс и история 26 комиссаров», «М. Н. Покровский и изучение истории Востока», «Литература о Ленине» и проч.). Точно так же игнорируются, кроме глухого и голословного указания в тезисах 26 и 27, мои работы по империалистической политике, несмотря на то, что они составляют мою основную литературную продукцию (44% всех названий и 55% листажа). Замечу, кстати, что резолюция совещания историков Востока (ОИМ) как раз постановила «перенести центр тяжести на разработку колониальной политики как России, так и остальных европейских стран» (§ «в» резолюции, см. журнал «Историк-марксист», т. XII, с. 333).

4. Основной работой, раз навсегда определяющей для Мамета мою методологию, является «Белая опасность», брошюра, вышедшая в январе 1914 г. и целиком проникнутая влиянием толстовства (идея внутреннего самоусовершенствования—с. 11,—отрицание технического прогресса и науки—с. 14, 42 и 43,—отрицание войны и

прочее, вплоть до защиты вегетарианства—с. 77). Как известно, в то время толстовство вовсе не было синонимом буржуазной реакции; политическая установка брошюры вызвала против меня черносотенную травлю, а именно, возмутившись моей защитой Востока от империалистических держав, хищническую политику которых я заклеймил в ряде мест, какая-то группа «братьев-славян» организовала попытку избиения меня и сорвала назначенную лекцию (см. прил. заметку «Русского слова» от 1 февраля 1914 г.). Вообще понять усиленное внимание Мамета к моей юношеской работе, написанной 17 лет тому назад, до мировой войны, когда я, повторяю, не был еще марксистом, а переживал «болезнь толстовства», можно лишь при помощи своеобразной диалектики Мамета, которая побуждает его несколько комически требовать от меня в 1913 г. «на данном (очевидно, толстовском) этапе», точного анализа понятия империализма и заставляет его замещать историко-критический подход какими-то мало понятными для меня манипуляциями с моей литературной фамилией (см. тезисы 3, 4, 5 и 9).

5. Второй работой, определяющей следующий этап моей методологии, Мамет считает «Сумерки Востока»—агитационную брошюру, написанную в 1918 г. Вопреки категорическим утверждениям Мамета (тезисы 5 и 12), в этой работе, наряду с некоторыми остатками влияния толстовства и вообще идеализма, имеется уже определенная марксистская установка по основным вопросам Востока и роли в нем империализма. Характеризуя этот второй этап, Мамет, не раскрывая основного содержания брошюры, прибегает, как и далее, к методу использования отдельных фраз без контекста и даже приписывания мне несуществующих утверждений.

Дам немногие иллюстрации этой «критики». В тезисе 13 Мамет находит у меня «предвосхищения султан-галиевщины» (13 лет тому назад). На самом деле, на с. 106—107 брошюры, пантюркизм и панисламизм, м. б. ошибочно, но характеризуются как идеологические движения восточной националистической буржуазии, враждебные империализму; этим движениям (на с. 109) противопоставляется социалистическая революция, основывающаяся на положении, что «мировой империализм можно преодолеть в той или иной стране Востока лишь после того, как будет изжит и отброшен туземный капитализм, со всеми коренящимися в нем политико-социальными надстройками». Прямое искажение смысла получается в тезисе 15. Сверка со с. 111 брошюры неопровержимо доказывает, что я вовсе не утверждал будто Ленин «наряду с другими примыкает к Гильфердингу». Мамет, при получении искомого вывода, делает здесь ошибку, опуская в моем тексте лишь точку, отгораживающую книгу Каутского от «Империализма» Ленина; точно так же Мамет берет мою фразу «наиболее замечательными произведениями марксистской литературы и пр.» по ошибке в единственном числе, таким образом и получается противопоставление Ленина, Гильфердингу. В т. 16, вопреки всему содержанию книги, Мамет приписывает мне положительную оценку империализма, так же как и точку зрения сверхимпериализма, несмотря на критику этой теории на с. 97 и 98 брошюры и особенно в предисловии к моей работе «Послевоенные мировые конфликты» (1924 г.). Целиком неправильны тезисы 21, 24, приписывающие мне взгляд о преобладающем и решающем значении географического фактора. Все это полностью относится и к рубрике «Востоковедение», где кривотолкуется моя статья в «Новом Востоке» (№ 19) и я обвиняюсь в какой-то «теории трех стадий» (иначе говоря теории «стадийности» востоковедения). Отмечу тут же, что в тезисе 32 мне приписывается абсолютно отсутствующая у меня статья об Осетии, что является малопонятным приемом литературной борьбы.

Немногие беглые поправки, которые я принужден внести в тезисы, вовсе не преследуют задачи защитить во что бы то ни стало те статьи, отдельные положения или взгляды, которые высказывались мною в ряде работ и в особенности в таких явно устаревших и отдаленных от нас многими годами, как «Сумерки Востока», «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке» (повидимому, имеющееся главным образом в виду в тезисах 21—24), что было, кстати, мною самим

неоднократно констатировано в печати. Данное заявление имеет лишь своей целью выявить крайне легковесный характер критики Мамета, доходящей местами до предельных точек, напр. «империалистический вывод» в тезисе II, «империалистическая тенденция, выпирающая из марксистской фразеологии», в тезисе 19 и особенно—20, где при помощи случайных цитат из моих разновременных рецензий выделяются в качестве моих основных аргументов: султан Абдул-Гамид, академики Бузескул и Бартольд и Л. Д. Троцкий. Таким же сомнительным остроумием отличаются уже отмеченные манипуляции с моей литературной фамилией, с названием брошюры «Сумерки Востока» и пр.

6. При указанном характере тезисов, обнаруживающем явно недостаточно серьезный подход к моей научной работе, остались, к сожалению, вне поля зрения как раз те теоретические ошибки, которые действительно были допущены мной, напр. в вопросе о характере классовой борьбы в Персии, взгляды на которую в настоящее время я радикально пересмотрел в подготовляемой к печати работе.

7. Особняком стоят тезисы (32—35) о Советском Востоке, где мне инкриминируется концепция «врастания феодализма в социализм». С этим обвинением вообще связан целый ряд малопонятых для меня действий. Обвинение базируется исключительно на тезизисах моего доклада о раннем феодализме, прочтенном на украинском востоковедном съезде 4 ноября 1929 г. Уже на прениях по докладу я заявил, что тезисы сформулированы неудачно, что доказывается тем, что самый доклад был построен вне их и не вызвал сам по себе крупных возражений. Далее 25 ноября, во избежание недоразумений, я обратился с письменным объяснением в Общество историков-марксистов с мотивированным отказом от тезисов. 19 февраля 1930 г. я уведомил Общество историков-марксистов, что мною закончена работа о проблеме раннего феодализма на Востоке, представленная в журнал «Под знаменем марксизма» и подвергшаяся предварительному просмотру ряда авторитетных марксистов. Упорно опираться при этих условиях на трижды аннулированные мною тезисы является не критическим подходом к моей методологии, а чем-то, могущим к сожалению, показаться личной травлей. Повторяю в настоящем заявлении лишний раз, что, вопрос о пережитках и остатках феодализма на Советском Востоке является проблемой огромной практической возможности (см. постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)) и требует в высшей степени серьезного теоретического разбора.

В заключение считаю необходимым отметить, что безапелляционные выводы тезисов Мамета находятся в резком противоречии со следующими фактами моей общественной, научной и научно-организационной работы:

В 1920 г. я работал в Баку, в Совете пропаганды и действия народов Востока на ответственных должностях; в 1922 г. телеграммой т. Сталина я был срочно вызван в Москву для работы по организации Ассоциации востоковедения; с 1922 г. и в последующие годы я принимал, под руководством т. Павловича, непосредственное участие в организации НАВ и Института востоковедения; с 1924 года постановлением Верховного суда СССР был привлечен в качестве ученого эксперта-востоковеда по делу Фунтикова (26 комиссаров); с 1920 года началась моя работа в Красной армии, сперва в комиссии по истории Красной армии, с 1925 года в качестве преподавателя Военной академии имени т. Фрунзе, а с 1928 г. и посейчас—в качестве председателя ее учебно-методической комиссии по страноведению; параллельно с этим шла моя работа преподавательская, научно-исследовательская и литературная по заданиям центральных и краевых органов (в том числе ЦК партии) в вузах и в ряде других учреждений.

Для того, чтобы объяснить это непонятное расхождение между фактами и теорией, как она, конечно, дана у Мамета, приходится, к сожалению, сделать неизбежное допущение, а именно, что в данном случае мы имеем не серьезный разбор моей методологии, а ряд явных перегибов, достаточно характеризованных в настоящем письме.

В. Гурко-Кряжин

«БЕЛАЯ ОПАСНОСТЬ»

Под таким названием В. А. Гурко прочел вчера в аудитории Политехнического музея лекцию, оказавшуюся дифирамбом Востоку.

Лектор обрушился на европейскую цивилизацию и доказывал превосходство восточной культуры над дряхлой, прогнившей культурой Запада.

Только культура Востока достойна восхищения.

— Еще недавно у нас,—говорит лектор,—кричали о «желтой опасности».

Что же мы видим?

Почти с каждым годом все большие и большие территории Востока переходят в руки западноевропейцев, насаждающих там свою культуру при помощи пушек, броненосцев и не менее победоносной мануфактуры.

Вместо «желтой опасности» имеется налицо «белая опасность».

Запад стремится поработить Восток, уничтожить ту жизненную артерию, при помощи которой он, «дряхлый и прогнивший», мог бы приобщиться к новой жизни.

Вот сущность лекции В. А. Гурко.

Красота изложения и юношеский пафос, с которым лекция была прочитана, до некоторой степени искупают парадоксальность основной точки зрения молодого лектора.

Любопытная деталь.

Лектор предполагал выступить со своей проповедью еще в прошлом году.

Был назначен день лекции.

Но почти накануне, за подписью каких-то «братьев-славян», было получено письмо с предупреждением, что В. А. Гурко будет избит.

Это так напугало то учреждение, в зале которого должна была состояться лекция, что лектору было отказано в помещении.

Лекция не состоялась.

(Газета «Русское слово» от 1/II 1914 года)

III

О «МАРКСИЗМЕ», УСВОЕННОМ В БОЮ С МАРКСИЗМОМ

(По поводу «заявления» Гурко-Кряжина)

В своих тезисах и в докладе я предъявил Гурко-Кряжину ряд политических и методологических обвинений. Что должен был сделать Гурко-Кряжин?—Либо доказать, что я его неправильно интерпретирую, что я ему приписываю то, что он никогда не писал, тогда он должен был бы перейти в наступление и, выражаясь его терминологией, «травить» меня. Либо открыто и честно признать свои ошибки и выявить свое к ним отношение. Третьего пути, по-моему, у Гурко-Кряжина не было.

Он встал, однако, на иной путь. Глухо ссылаясь на наличие у себя каких-то ошибок, он отклоняется от того, чтобы членораздельно их сформулировать, объяснить и высказаться по их поводу. Вместо же того, чтобы ответить на конкретные обвинения, выдвинутые мной, он разменивается на мелочи, стремится свести спор с принципиальной высоты к «малопонятным манипуляциям» и «личной травле».

Гурко-Кряжин, очевидно, органически не способен представить себе никаких других мотивов для самой жестокой принципиальной критики, кроме личных отношений и личной травли. «Личная травля» могла бы иметь место, если бы можно было указать хоть какие бы то ни было факты личной неприязни или личной вражды между нами. С Гурко-Кряжиным я впервые столкнулся на Харьковском съезде. Против его тезисов выступал не я один. Выступали еще тт. Мухарджи, Френкен и Иолк. В своем заключительном слове Гурко-Кряжин очень резко обрушился как раз

на всех своих оппонентов, кроме меня. И становится непонятным, почему «личной травлей» должен был заняться именно я. Никакой личной травли, конечно, нет. Я «травлю» и буду бешено «травить» не Гурко-Кряжина, а его вредные теории.

* * *

Дабы рассеять напущенный Гурко-Кряжиным туман, постараемся по пунктам разобраться в его «кратких замечаниях по тезисам доклада».

1. Свою довольно законченную немарксистскую и зачастую антимарксистскую концепцию Гурко-Кряжин пытается свести лишь к отдельным «ошибкам в области марксистской методологии». Однако уже одно их перечисление и в моих тезисах и в докладе показывает, что они представляют собой систему взглядов, которая ничуть не станет лучше от отдельных поправок, даже «взятых с бою».

Гурко-Кряжин, судя по его «заявлению», «брал марксизм с бою». Мы задаемся вопросом—в боях с кем брал Гурко-Кряжин свою методологию? С кем боролся Гурко-Кряжин, выдвигая тезис о сверхимпериализме (1919 г.—«Сумерки Востока»); с кем он боролся, восхищенно присоединяясь к тезису акад. Бартольда о капиталистическом пути развития Туркестана (1923 г.—рец. на «Историю Туркестана»); в боях с кем Гурко-Кряжин утверждал, что «самая структура империализма еще не вполне выяснена» (1923 г.—«О мировой войне и германской революции»); с кем и за что боролся Гурко-Кряжин, утверждая отсутствие классовой диференциации в Турции (1923 г.—«История революции в Турции»); с кем боролся наш храбрый вояка, утверждая, что под гнетом английского империализма арабский Восток «приобретает те политико-экономические предпосылки, которые необходимы, чтобы в будущем начать действительно самостоятельное национально-политическое существование» (1926 г.—«Арабский Восток и империализм»); с кем, наконец, воюет Гурко-Кряжин утверждая, что хевсуры «вырабатывают свои формы власти, варьирующиеся и представляющие ряд переходных типов от патриархального строя до единоличной власти» (1928 г.—«Хевсуры», или выдвигая тезис о врастании феодализма в социализм (1929 г.—Харьковский съезд). В каких боях «усвоил» Гурко-Кряжин те установки, которые он рьяно защищает на всем протяжении своего литературного творчества от 1914 до 1930 г. и которые подвергались разбору в моем докладе. Стоит так поставить вопрос, чтобы стал до очевидности ясен классовый и социальный эквивалент Гурко-Кряжина, «бравшего с бою» марксизм.

И, конечно, покушением с негодными средствами является попытка спрятаться за спину «других востоковедов». В одном Гурко-Кряжин прав, он не один. Приспосабливающихся к марксизму много, и они, несомненно, будут разоблачены востоковедами-марксистами. Об этом я говорил в своем докладе.

2. Этот тезис Гурко-Кряжина не полон. Наряду с серьезной критикой ошибок, от которых не гарантирован никто из нас, необходима бешеная борьба и самое решительное разоблачение буржуазного востоковедения, и прикрывающегося и не прикрывающегося марксистской фразеологией. Эта задача стояла и передо мной, когда я готовил и читал свой доклад.

3. Смешными кажутся мне претензии Гурко-Кряжина продиктовать мне какими из его работ пользоваться и какими не пользоваться в своем докладе. Он обвиняет меня в том, что я не прочел всех его работ. Большинство тех работ, которые он в своем «заявлении» перечисляет, мною не только прочитаны, но даже в докладе цитировались. Некоторых, как напр. «Шесть съездов советов», я не читал, ибо не знал об их существовании. Но это дела не меняет. Основные его работы, характеризующие его основные позиции, мною были проанализированы.

Тот, кто внимательно прочитает не только доклад, но даже тезисы, убедится, что критике подвергаются все основные работы Гурко-Кряжина от 1914 года вплоть до 1929 включительно, в том числе и работы по империалистической политике.

По меньшей мере странной кажется попытка оправдать наличие немарксистских своих работ по империализму ссылкой на резолюцию совещания историков Востока. Вот лишний и яркий образец приспособленчества к марксизму.

4. Гурко-Кряжин пытается реабилитировать себя тем, что, когда писалась «Белая опасность», он был толстовцем. Но это ничего не меняет в его политической характеристике. Мы хорошо помним ту характеристику, которую давал Ленин толстовству как политическому течению. Но ведь я брал «Белую опасность» как раз потому, что она, как это я показал в своем докладе, им не преодолена и не может потому иметь для нас чисто исторический интерес. Ведь я обвиняю Гурко-Кряжина в том, что он и сейчас в основном остается на позициях 1914 года. Что же доказывает ссылка на Толстого, кроме того, что Гурко-Кряжин не марксист?

5. Гурко-Кряжин и в настоящем своем заявлении, как и в других своих работах, продолжает настаивать на том, что в «Сумерках Востока» «имеется уже определенная, марксистская установка по основным вопросам Востока и роли в нем империализма». Он называет эту работу «агитационной брошюрой, писанной в 1928 г.». Отметим, что раньше он относил ее к 1920 г. (см. пункт 5 моих тезисов). В докладе я показал, как и за что агитировала эта невинная «агитационная брошюра».

Вместо того чтобы принять или опровергнуть мою оценку «Сумерек Востока», Гурко-Кряжин тщится создать впечатление, что я его и неправильно цитирую, и приписываю несуществующие утверждения. Обычным приемом при этом является попытка укрыться за дежурные формулы, которые у него, как у всякого эклектика, имеются про запас. Эти попытки, однако, кроме лишнего доказательства эклектизма, чуждого марксистско-ленинской теории, ничего не представляют.

Относительно Ленина и Гильфердинга привожу целиком то место, о котором пишет Гурко-Кряжин:

«Сводка и критика теорий о сущности империализма дана М. П. Павловичем (Мих. Вельтманом) в его книге «Что такое империализм», П. 1918, гл. I и II. Наиболее замечательными произведениями марксистской литературы, посвященными империализму, являются: «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга (русск. пер. под ред. И Степанова, П. 1918); примыкающие к нему: «Мировое хозяйство и империализм» Н. Бухарина, П. 1918, и «Экономическая система империализма» Ю. Каменева, П. 1918, «Nationalstaat, Imperialistischer Staat und Staatenbund» von K. Kautsky.

«Империализм как новейший этап капитализма» Н. Ленина (В. Ильина), П. 1917; «Империализм и борьба за великие ж.-д. пути будущего» М. Павловича, а также, разумеется, указанное сочинение» «Сумерки Востока», с. III».

Мне кажется, что я это место правильно понял. По Гурко-Кряжину получается, что самым замечательным произведением является не работа Ленина, а Гильфердинга и примыкающие к нему произведения Бухарина и других. Мне кажется, что я дал совершенно правильную интерпретацию этого пункта.

Но если бы даже Гурко-Кряжин оказался прав, то его возражение бьет по нему еще больнее. Ведь он еще раз расписывается в том, что все же Гильфердинг, а не Ленин, дал самое «замечательное произведение марксистской литературы». Сам Кряжин в своей работе, как мы видели, солидаризуется не только с Бухариным, но и самим Гильфердингом, против Ленина. Что же остается от его поправки?

Не менее характерно возражение на мой тезис о теоретическом предвосхищении султан-галиевщины. Разве положение о буржуазном характере пантюркизма, признаваемом передовым и прогрессивным культурным образованием, противоречит султан-галиевщине? Это только подчеркивает идеологическое родство между Гурко-Кряжиным и Султан-Галиевым.

Очень пикантно выглядит категорическое утверждение Гурко-Кряжина о том, что он ничего не писал об Осетии.

Если Мамет не знает всех работ Гурко-Кряжина, то это еще можно как-то простить. Но если сам Гурко-Кряжин «забывает», что и где он писал, то я не знаю, как это называется. Дело обстоит так. В 1925 г. в журнале «Новый Восток» № 7, на с. 365 Гурко-Кряжин пишет отчет о поездке в Закавказье и Среднюю Азию. Описывая посещение Владикавказа, он рассказывает, как познакомился с деятельностью Осетинского историко-филологического общества. И вот что он сообщает: «По словам одного из деятельных членов общества—Г. Бекоева—революция заставила осетин искать какой-то твердой почвы для возможности национального существования». «Эта почва была нащупана почти инстинктивно,—сочувственно и без каких-либо оговорок приводит Гурко-Кряжин слова Бекоева,—это наша народная мысль и все ценности, созданные ею: язык народа, его поэтическое творчество история, быт».

Я считаю, что здесь налицо неправильное представление о путях развития, «о твердой почве для возможности национального существования» Осетии. Об этом я и написал в своих тезисах.

Гурко-Кряжин не берет на себя смелости открыто защищать свои старые работы. Он готов признать их устаревшими. Но в чем они устарели, об этом нам предоставляется только догадываться. Надо полагать, что основные методологические установки не устарели, иначе зачем было бы их повторять в основных позднейших работах? Ведь именно на эту прямую преемственную связь в ранних и позднейших работах Гурко-Кряжина я указывал и в докладе и в тезисах.

Правда, Гурко-Кряжин ссылается на то, что отказ от своих старых работ он «неоднократно констатировал в печати». Так старательно выписывающий названия своих работ в п. 3 своего заявления, Гурко-Кряжин в п. 5, стал одержим странной забывчивостью. Мы были бы очень благодарны Гурко-Кряжину за конкретные указания, где и когда он печатно методологически и политически осудил эти работы.

Насколько случайны для Гурко-Кряжина указанные мной «авторитеты», предоставляю судить всякому, кто прочитает мой доклад.

Что касается литературной фамилии, то Гурко-Кряжин вряд ли может отрицать простое констатирование факта, имеющееся в моих тезисах.

6. Своеобразное гурко-кряжинское понимание классовой борьбы вообще и классовых отношений, в частности в Персии, отмечено и в моих тезисах и в моем докладе. Гурко-Кряжин ссылается на «подготовляемую к печати работу», пока что никому, кроме его самого, неизвестную. Странный, чтобы не сказать больше, метод возражений и доказательства.

7. Стараясь замести следы относительно своего тезиса о врастании феодализма в социализм, Гурко-Кряжин опять ссылается на работу, неопубликованную и никому пока что неизвестную. Плохи, очевидно, дела у нашего оппонента, если при наличии «60 научных и научно-популярных книг, брошюр и статей» приходится каждый раз ссылаться не на них, а... кормить завтраками.

Я очень буду рад, если в результате моей критики Гурко-Кряжин откажется от этого тезиса и осудит его. Я не могу, однако, не указать, что речь идет не о тех тезисах, которые были Гурко-Кряжиным сняты на Харьковском съезде, а о тех, которыми они были заменены и которые фигурировали под названием «основных тезисов».

Дальше, если даже согласиться с Гурко-Кряжиным и снять эти тезисы с обсуждения, то ведь анализ работ Гурко-Кряжина по Советскому Востоку, и не ранних, а последних (1926—1929 гг.), данный в докладе, показывает, что пресловутый тезис о врастании у Гурко-Кряжина не случаен и не в Харькове только впервые появился.

Я совершенно согласен, что «вопрос о пережитках и остатках феодализма на Советском Востоке является проблемой огромной практической возможности (важности?—Л. М.) и требует в высшей степени серьезного теоретического разбора».

Именно потому в полном согласии с решениями партии и обрушился я на политически вредные положения Гурко-Кряжина.

Его же ссылка на решения ноябрьского пленума ЦК является лишней иллюстрацией того приспособленчества и примазывания к марксизму и даже к партийным решениям, на которое я и обрушился в своем докладе.

Последнее замечание. Гурко-Кряжин ссылается на свою работу в 1920, 1922 гг. и т. д. Я не занимался и не собираюсь заниматься биографией Гурко-Кряжина. Именно потому, что я подхожу к Гурко-Кряжину не с меркой «личной травли», а как к представителю определенных взглядов, я борюсь только с его взглядами, против этих взглядов выступаю.

Я не знаю политической биографии Гурко-Кряжина. Если кто-нибудь докажет, что он был нам все время политически чужим, это только лишний раз подтвердит мои тезисы. Если, наоборот, будет доказано, что он политически нам очень близок, с нами всегда работал, это будет лишний раз говорить о том, как много существует того материала, которым мостят ад: «Благими пожеланиями,—говорят,—весь ад вымощен».

Гурко-Кряжин должен был или опровергнуть те положения, которые мною выдвинуты, или согласиться со мною и бить отбой. Он не сделал ни того, ни другого. По-моему, это признак бессилия и капитуляции[1].

---

[1] Редакцией получено письмо В. Гурко-Кряжина, в котором последний признает ряд ошибочных положений в своих работах. Письмо с примечанием редакции будет помещено в ближайшем № журнала.—*Ред.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Ц. Фридлянд

КЛАССОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И РЕАКЦИОННАЯ УТОПИЯ

(K. Mannheim—«Ideologie und Utopie»)

Книга К. Маннгейма,—«Идеология и утопия»,—событие в современной европейской литературе. Автор привлек к себе всеобщее внимание; он становится одной из самых популярных фигур современной социологической мысли Запада. О книге К. Маннгейма и о нем пишут все журналы, спорят представители различных направлений от консерваторов до «Гезельшафт» и «Архива Грюнберга» включительно. И не без основания: К. Маннгейм затронул в свой книге центральную проблему современности,—вопрос о ходе и исходе современного кризиса капиталистического мира, вопрос о кризисе буржуазной культуры. «Идеология и утопия» служит некоторым дополнением к дебатам на цюрихском конгрессе социологов, дебатам вокруг доклада В. Зомбарта. Но в то время как В. Зомбарт и его сторонники превратили вопрос о ходе и исходе европейского кризиса в «теорию туманностей», в своеобразную философию бесперспективности, К. Маннгейм ищет определенного и выполнимого: он из бесперспективности делает политическую теорию, конструирует свою систему научной политики. Да, не более и не менее! К. Маннгейм в книге «Идеология и утопия» дает методологию построения политики как науки, направленной прежде всего против классовой политики пролетариата и, как ему кажется, буржуазии. Субъектом этой новой науки, конечно, является интеллигенция...

Если бы признаком жизненности культуры служило *количество* философских и социологических трактатов, пестрота теорий и направлений,—то немецкая культура последних лет могла бы служить образцом молодого, полного сил и бодрости народа. Но история прекрасно знает, что пароксизм псевдотворчества нередко является показателем упадка сил и распада культуры господствующих классов. III век, «век смут» не был началом, а концом старого мира. И теоретическая утонченность, философские дебри мысли и стиля немецкой литературы наших дней—отражение своеобразных конвульсий уходящего общества. Десятки и сотни книг при всем своем разнообразии в основном или повторяют зады прошлого или живут крохами мысли нового класса, плохо переваривая их своим старческим желудком. Вот почему то, что кажется своеобразным и новым при беглом чтении, окажется при внимательном разборе этих книг повторением опровергнутых классовой борьбой положений. К. Маннгейм, пытаясь вырваться из теории «бесперспективности», желая построить новую систему действенной философии, в конце концов возвращается к буржуазным концепциям послевоенного времени, восполняя их реакционной утопией «мира и порядка».

Не помогает и то, что К. Маннгейм строит свои рассуждения на широкой исторической и социологической основе. Не помогает потому, что Маннгейм, подобно М. Шеллеру и многим, многим другим, исходит в своих рассуждениях из

преодоления марксизма. Это—то новое (?!), что характерно для всей «передовой» мысли буржуазной интеллигенции Запада последнего десятилетия. Философы эти не отвергают марксизма, они не отрицают его исторического значения, его методологической ценности. они только «идут дальше» марксизма, оставляют его позади. Новый путь, путь ожесточенной борьбы с революционным марксизмом, на который вступили буржуазные теоретики последней эпохи, роднит их со старым ревизионизмом и современной социал-демократией. И только простачки могут удивляться при этом, что часть этих идейных союзников открыто пришла к фашизму, а другая,—через демократическую фразеологию,—идет или пришла к социал-фашизму.

Конечно, книгу К. Маннгейма можно подвергнуть и «имманентной», философской критике (см. статью в последнем номере «Архива» Грюнберга, где убедительно доказано, что наш автор—идеалист...), но стоит ли «политический трактат» разбирать под этим углом зрения? Попробуем взглянуть на книгу «Идеология и утопия» несколько иначе: чей классовый заказ выполняет автор новой реакционной утопии?

К. Маннгейм обходит в своей книге молчанием всю массу реальных социальных проблем, выдвинутых послевоенным десятилетием. Для него центр тяжести не в них, а в той сумме проблем *культуры* и *идеологии*, которые поставлены в порядок дня социальным кризисом наших дней. «Те жизненные затруднения,—пишет К. Маннгейм,—которые порождают все наши вопросы, могут быть сведены к одному единственному вопросу—«как может человек вообще еще мыслить и существовать в эпоху, когда радикально поставлен и разрешается вопрос об идеологии и утопии?» Это эпоха глубочайшего кризиса мысли; не тех или иных представлений человека, а всей суммы наших представлений, всего строя и системы наших взглядов, того, что Маннгейм называет «идеологией». Но что такое идеология? Мы должны различать «частную» идеологию от «всеобщей» (d. partikularen und d. totalen Ideologiebeqrieff). В то время, как в первом случае мы имеем дело лишь с частью утверждений и взглядов наших противников, во втором, при totalen Ideologiebedrieff, мы имеем в виду «все мировоззрение противника (включая и структуру его мышления), стремясь даже структуру его мышления объяснить, исходя из особенностей самого коллектива, носителя этих воззрений». В этом смысле может итти речь о пролетариате и буржуазии как о двух полюсах не только хозяйственной и социальной системы, но как о двух противоположных по стилю типах познания. Этими категориями полярности и мыслит современный человек; он являетея в этом случае продуктом длительной исторической эволюции. Эпоха, когда на место средневеково-христианского представления о мире как объективном единстве человечество пришло к представлению об единстве субъекта, к «разуму вообще» эпохи просвещения—таков первый этап. Завершением второго этапа в развитии современного человеческого сознания была попытка превратить то, что до сих пор было «идеологизированным», в «историзированное». Носителем разума стал «народ», «нация». И, наконец, наступила последняя и наиважнейшая ступень исторического развития современного сознания,—маннгеймовского понятия об идеологии,—когда носителем ее стала не нация, а класс. На этой ступени «частное» содержание идеологии совпадает с его «всеобщим» содержанием, и восприятие мира,—через его идеологизирование,—становится всеобщим и исключительным. Но тогда-то и появляется одна из характерных особенностей подобного восприятия мира,—не только его прошлого, но и настоящего, того, что определяет действенность человека,—это глубочайшее убеждение о лживости взглядов своего противника. Речь идет не о частичных расхождениях, а об «истине» и «неистине», о двух мирах представлений, прямо противоположных друг другу в теории и практике. Это учение о классовой идеологии получило свое полное завершение в марксизме. Но было-бы ложью утверждать, что подобное мнение принадлежит только марксистам. «Отнюдь не привилегией социалистических мыслителей является утверждение о «буржуазности»., во всех лагерях применяется тот же метод, и этим мы попадаем в новую стадию», пишет

Маннгейм—стадию, которую человечество переживает теперь. Таким образом учение об идеологии (Ideologienlehre), естественно должно превратиться в новое учение о познании вообще (Wissenssozilogie). И поскольку речь идет специально об истории человеческого сознания, эта новая «социологически ориентированная духовная история призвана будет подвергнуть исторические события ревизии в новом направлении»... В каком направлении? Само собой разумеется, в направлении той классовой полярности, которая в наши дни «до дна» обнаружена реальной действительностью.

Но сказать это и только это означало бы для К. Маннгейма сдаться на «милость победителя», признать торжество марксизма и его коллективного представителя,—пролетариата, означало бы подлинную ревизию всей суммы его философских и историко-социалогических представлений. Это означало бы для буржуазного интеллигента разрыв с буржуазией. На этот героический поступок способны, однако, только одиночки, в своей массе интеллигенция капиталистического Запада эпохи империализма предпочитает приспособление к господствующим классам. Подчиняясь своему классу-господину, она, как раз здесь, в этом пункте своих логических рассуждений, делает скачок из царства свободы мысли в царство классовой необходимости своего Ideologiebegrieff и устанавливает не одну, а д в е в о з м о ж н о с т и: человеческое сознание в будущем пойдет или по пути р е л а т и в и з м а или р е л а т и о н и з м а, т. е. или по пути конструирования новой системы понятий, органически увязанных со старой системой взглядов («по которому $2 \times 2 = 4$»), или путем разрыва с прошлым, его преодоления. К. Маннгейм хочет итти по последнему пути. Любопытна в книге эта беспощадная борьба между «логикой мысли» и ее классовой природой. Преодолеть классовую полярность современной идеологии означает преодолеть социальные противоречия буржуазного общества, т. е. означает его гибель в революции. Но К. Маннгейм,—и это в природе трусливой интеллигентской мысли,—выражается осторожнее—«...в прошлом, как и в настоящем,—пишет он,—господствующие формы сознания только тогда сменяются новыми категориями познания, когда социальный базис представителей старого мышления в каком-либо отношении ставится под сомнение и начинает меняться»... К. Маннгейм не чувствует, как он сам все время возвращается к положению Ранке, столь решительно им отвергаемому—«любые крайности не могут дать тебе представление об истине. Истина, вообще говоря, лежит вне пределов заблуждения. Из всех заблуждений, вместе взятых, ты не можешь абстрагировать ее: истина хочет быть найдена и наблюдаема сама по себе, в собственном кругу». Но Маннгейм в отличие от Ранке считает все же возможным построить новую систему мышления благодаря тому, что в настоящем обнажилась д о п о с л е д н и х г л у б и н полярность познания, полярность заблуждений классового общества. И в то же время:—марксисты забывают, утверждает он, что идеология пролетариата только о д н а и з с т о р о н фальши современной мысли: ее д р у г а я с т о р о н а—буржуазное мировоззрение. Кризис современной мысли это не кризис одного из классовых полюсов мышления, это кризис познания человечества нашей эпохи вообще; преодолеть его можно, не становясь на почву одной из крайностей, а выходя из их круга, т. е. вслед за Ранке—«из всех ересей мира ты не сможешь установить, как возникло христианство: читай евангелие, чтобы выяснить его происхождение».

В первой главе, в введении к «Идеологии и утопии» К. Маннгейм занят выяснением сущности современного кризиса культуры, в последующих главах («Ist Politik als Wissenscnaft möglch» и «Das Utopische Bewustsein») он пытается выяснить «истину в ее собственном круге», пытается наметить выход из заколдованного круга реальной борьбы классовых идеологий... Последуем за ним в царство утопий.

Утопизм исходного положения, поиски надклассовой идеологии, не становится более реальным от того, что К. Маннгейм ищет критерия для своего идеала в практике и научно-обоснованной политике. Само понятие политического он находит не

в закономерном, а в творческом, и, следовательно,—по его мнению, в *иррациональных* элементах социальной практики.

«Вопрос,—замечает он,—в том: существует ли знание меняющейся жизни, жизни в ее становлении, знание о творческом акте?». К. Маннгейм отвечает на этот вопрос положительно, пытаясь таким образом обосновать политику как науку об иррациональном. Заметим при этом, что наш философ прекрасно понимает ту очевидную мысль наших дней, что теория и практика теснейшим образом связаны друг с другом. В этом центральный вопрос построения системы научной политики. Но как доказывает свои положения К. Маннгейм? Как всякий эклектик—путем воссоединения всего положительного содержания разнообразных идеологий. Он анализирует в современном мышлении пять стилей: 1) бюрократический консерватизм; 2) исторический консерватизм; 3) либерально-демократическое буржуазное мышление; 4) социалистически-коммунистическую концепцию; 5) фашизм.

Характерная особенность каждого из этих стилей мышления не только в своеобразии их субъекта, но и в способе сочетания теории и практики, рационального и иррационального в политике. Если исторический консерватизм приемлет только то, что вырастает из прошлого, что не «сделано», т. е. делает путеводителем политики не знание, а инстинкт, то либерально-буржуазное мышление изгоняет все иррациональное из политики, требует «научной политики». Но последний стиль мышления в своем историческом развитии приводит к полному разрыву теории и практики и тем самым, собственно, к разграничению интеллектуальной и эмоциональной сфер. И даже социалистическая теория (как мы видели, Маннгейм ее объединяет с коммунизмом) знает эту двойственность. Для марксизма очевидно, утверждает наш автор, что при оценке политических явлений не может быть и речи о чистой теории. Но марксисты и прежде всего ленинцы дают свое новое обоснование взаимоотношения теории и практики, и здесь К. Маннгейм готов одним дыханием цитировать Ленина и... Лукача. Особое у ленинцев—это представление об историческом процессе как о реально-диалектическом процессе развития. «On s'engage et puis on voit»,—так гласит девиз не только Наполеона, но и Ленина, Сталина. Теория—функция реального мира; реальная жизнь исправляет теорию, которая в свою очередь меняет эту жизнь. «Таким образом,—суммирует К. Маннгейм,—социалистическо-коммунистическая теория есть синтез интуитивного и крайне-рационального» или иначе «марксизм—это рациональное мышление об иррациональном факте». И в этом социализм-коммунизм противостоит фашизму как учению об исключительно иррациональном в политике, как учению о «мифе».

Действенность всякой политической системы соответствует природе самой политики, учению о творческих путях изменения настоящего. Вот почему для Маннгейма, идущего по пути эклектики, важно установить, что всякая политическая система не может быть характеризована только односторонне, со стороны рационального *или* иррационального, а того *и* другого. Политика перестает только таким образом быть партийной политикой; она становится учением об общественном целом. Этим для К. Маннгейма преодолевается ограниченность марксизма, его полярность. «Все полититеские взгляды—частичные взгляды, потому что историческая всеобщность чересчур всеобъемлюща, чтобы каждая, из нее возникающая политическая теория сумела бы охватить своим умственным взором целое». Любопытно, что эклектик Маннгейм в погоне за утопией единства и примирения полярностей не заметил, как он вырывает фундамент из-под своего учения об идеологии, мыслимой только при представлении об этом историческом целом как результате борьбы классово-противоположных идеологий. Либерал Ранке ищет истины вне полярностей реальной жизни, идеолог К. Маннгейм готов ее воссоздать из этих полярностей, но последнему не приходит в голову та простая мысль, что искомое единство человеческого сознания рождается из уничтожения буржуазного общества в революционной борьбе вооруженных классов. К. Маннгейм готов филистерски изобразить саму

историю формирования марксистской мысли таким образом: «Марксизм,—говорит он,—объединил либерально-буржуазное, закономерности ищущее мышление, с историзмом Гегеля, которое само было результатом консервативных импульсов». Наш философ подменяет таким образом эклектическим пустячком серьезнейший вопрос о росте пролетарской идеологии, о чем он так убедительно говорил в своем введении, чтобы затем торжественно заявить: «Поисками подлинного синтеза заняты только средние классы, которые чувствуют угрозу своему существованию снизу и сверху и с верным социальным инстинктом ищут посредничества между полярными крайностями». Речь идет в этом случае не о политике «juste milieu», о политике буржуазии эпохи Луи-Филиппа, речь идет о подлинно-действенной политике новой бесклассовой группы. Этой группой является «sorieu freischwebende Intelligenz»: не интеллигенция, живущая рентой, не та, которая связана с капиталом, а та, которая строит свое настоящее и будущее на знании. Знание гарантирует ей роль посредника полярностей, и интеллигенция становится таким образом творцом новой системы научной политики, носителем нового стиля мышления. К. Маннгейму важно подчеркнуть, что эта интеллигенция стоит не меж классами, а над классами... Для этого эта группа спасителей человечества должна осознать свое положение, должна понять свою роль и должна вести активную борьбу за осуществление своих исторических задач. Интеллигенция должна прежде всего отбросить аполитизм. «То, что ты хочешь иметь,—говорит наш пророк интеллигенции,—ты можешь хотеть только как политик, но если ты хочешь то или другое, ты должен для этого действовать и в этом твое место в целом». Представители этой freischwebende Intelligenz покончат с противопоставлением теории и практики, создадут синтез там, где раньше схематизм мышления противостоял историческому мышлению. Так будет создан новый тип человека, одновременно *мыслящего* и *действующего*. Школой подобного «идеального» человека будут не партийные школы, не клубы политиков, а реальная жизнь. «Разве,—патетически спрашивает К. Маннгейм,—существует только революционное и контрреволюционное действие?.. Разве только подготовка восстания—политика? А постоянная работа по изменению общественных отношений и самого человека,—разве это не является делом?». Итак, великий сенат мировой культуры, жрецы науки, спасают общество от кризиса... реформами буржуазного строя.

Утопия о философах во главе общества у Сен-Симона была гениальным предвидением планово-регулируемого общества, у Конта эта же утопия превратилась в реакционное учение, направленное против пролетарского движения; после войны В. Ратенау повторил некоторые мысли Сен-Симона,—это уже была пародия на гениальную утопию, но в этом было нечто симптоматическое для кризиса буржуазного общества; в устах К. Маннгейма великая мысль превращена в разменную монету испуганного мелкого буржуа. Разве не удивительно, что К. Маннгейм, зовущий нас к изучению реальных отношений, признающий полярность идеологий как отражение полярности в социальных отношениях, предлагает нам в обстановке послевоенного кризиса капитализма, глубочайшего обострения классовой борьбы, в дни нарастания революционной волны, поручить интеллигенции сформулировать новую систему политики, которая сможет уничтожить реальные противоречия реальной жизни, сохранив буржуазное общество? Поистине «филистер—это пустая кишка, наполненная страхом и надеждой на господа бога».

Но нас ждет утешение: последовав за К. Маннгеймом, мы построим общественную жизнь на основах, на базе этики ответственности (Verantwortungsethik). Эту положительную задачу автор разрешает в последней главе своей книги, где он критику всеобщего идеологического сознания и свою систему научной политики дополняет учением об утопии, об «утопическом сознании».

Читатель ждет новой «икарии», картины того, что будет через «сто лет»... Читатель ошибается: «Der Freiheit letzter Sieg wird trocken sein». Стиль утопического

сознания буржуазного интеллигента эпохи социальной революции, интеллигента-вождя человечества—в отрицании всякого идеала и программы будущего общества, в отказе от утопий, как пережитка прошлого, как продукта современного общества с его социальной и интеллектуальной полярностью. Это—реакционная утопия оппортунизма, в его чистом виде, это—практицизм американцев сдобренный туманными фразами гейдельбергского философа. От признания факта идеологической полярности через построение системы научной политики, отрицая реальные отношеня действительности, к пресмыкательству перед этой действительностью,—таков путь буржуазного интеллигента в наши дни, таков путь Маннгейма! Присмотримся ближе к его аргументации.

Что такое утопическое сознание?—«Утопическим мы называем сознание, которое не может быть отождествлено с окружающим его «бытием». Оно отличается от идеологии тем, что противопоставляет существующему порядку вещей противоположный ему строй отношений, проявляя активное желание реализовать его в действительности: утопии сегодняшнего дня хотят стать действительностью завтра. «Бытие создает,—пишет К. Маннгейм,—утопии, которые уничтожают это бытие, имея в виду создание нового бытия». В этом смысле вся история человечества наполнена утопическими мечтаниями хилиастов. Мечты о тысячелетнем царстве на земле и есть первые исторические данные формы утопического сознания. Хилиасты мечтают о немедленном осуществлении своего идеала, для них речь идет об Auf—dem—Sprung—sein, и поэтому они не знают, не замечают категории времени. Второй формой утопического сознания К. Маннгейм считает либерально-гуманитарную идею. «Идея» и ее осуществление в этом сознании и есть «утопия». Для хилиазма дух, вне нас находящийся, для либерализма наше собственное сознание,—путеводитель в общественной жизни. Либерализм стремится к счастью человека, но он не видит возможным его осуществление сегодня, он не врывается со своей утопией в исторический процесс, а помещает его внутри его самого, но и либерализм строит все на свободной воле, на Unbedingtheitserlebnis, т. е. на учении об исторической необусловленности своих идеалов. В этом отношении К. Маннгейм противопоставляет и отдает предпочтение консервативной утопии. Консервативная утопия не противопоставляет себе жизни, она растворяется в ней. С полным сочувствием наш философ цитирует прусского статс-мыслителя Сталя—«каким радостным является открытие «Es ist!». Одно только омрачает чистоту консервативного идеала,—внутренняя устремленность ослабляет силу его действия. В этом и прежде всего в этом—темная сторона исторически обусловленного идеала консерваторов.

Четвертый вид утопий,—это социалистически-коммунистическая утопия. В ней много общего с утопизмом либералов и консерваторов. Превращение «идеи» в нечто абсолютное сближает социалистическую утопию с либерализмом, учение об исторической обусловленности идеала роднит его с консерватизмом. Но социализм с трудом освобождается от присущего ему хилиазма. Здесь «оригинальный философ» повторяет только то, что говорит с. д.: изгнанный из социализма дух бакунинизма перекочевал к большевикам, которые и являются носителями хилиазма. Но социализм свободнее от элементов утопизма, чем коммунизм.

Таков итог, вернее каталог исторических утопий. К. Маннгейм пробует, наконец, выяснить, что положительного в этих утопиях, и, присоединив к консервативной утопии кое-что от всех остальных, знакомит нас, после долгих блужданий в дебрях изысканных построений и умозаключений, со своими окончательными выводами: оказывается, что, несмотря на полярность идеологий, они, сосуществуют, взаимно проникают друг друга и тем самым подрывают возможность существования утопии вообще. «Чем более широкие слои населения вступают на путь самосознания, чем более вероятной становится победа на путях эволюции современного общества, тем яснее становится, что для этих масс единственным идеалом является консерватизм». Так исчезнет, по мнению К. Маннгейма,—туман утопического сознания и

наступит царство «практического разума», время спокойной реформы существующего общества против мечтателей справа и анархистов слева. Исчезнет не только утопическое сознание, но идеологическое, поскольку человек, познав внутреннюю бессмыслицу утопий, познает и социальную ограниченность своего собственного мировоззрения. Где в реальной социальной жизни гарантия осуществления этой утопии К. Маннгейма? Автор дает нам ответ и на этот вопрос, точно и ясно вскрывая этим ответом свою социально-политическую физиономию, свое место в рядах «классовых полярностей» буржуазного общества. «Удастся путем мирной эволюции найти новую, более совершенную форму индустриализма, который будет достаточно эластичен, удастся низшие слои населения поставить в относительно лучшие условия существования», и тогда у низших слоев населения естественно отпадут объективные предпосылки для «утопического сознания», для «идеологизирования». Капитализм должен допустить в свой мир рабочих потому, что «на низах» они естественно и неизбежно подвержены революционной заразе. Кроме того, К. Маннгейм готов заявить, что ему при этом безразлично, будет ли этот «индустриализм» капитализмом или коммунизмом. Основное: общество должно избежать революции. «Но если мы достигнем последующей ступени индустриализма только, путем революции, тогда на всех полюсах вновь вспыхнут пламенем утопические и идеологические элементы сознания». Тушителем этого пламени должна выступить интеллигенция. Ее нужно спасти от революционной заразы; она сама должна спасти себя и современное общество от грядущей катастрофы. Во имя какой цели? О будущем мы ничего не знаем, заканчивает К. Маннгейм свои рассуждения, ничего сказать не можем: «что-либо предсказывать—было бы пророчеством», а пророчество мешает повседневной, трезвой практике, ослабляет волю и действие.

Так К. Маннгейм после долгого, бесконечно-утомительного пути по философской пустыне вскрыл содержание зомбартовской теории бесперспективности, но речь идет все о том же буржуазном обществе. К. Маннгейм призывает человечество во имя этого «ничто» действовать, хотеть и бороться. Эту партию «реакционных фантастов» будут возглавлять философы и социологи...

К. Маннгейм зовет интеллигенцию от аполитичности к действию во имя охраны буржуазного общества от революции. «Идеологии» и «утопии» заменены системой «научной политики» контрреволюции Именно к фашизму т. е. к защите реакционной диктатуры буржуазии против диктатуры пролетариата и ведет нас в конечном счете К. Маннгейм, как бы не выражал он своего отрицательного отношения к Муссолини.

Молодой, идущий к власти класс умеет мечтать, его утопии есть осознание грядущей победы, подчинения и преобразования мира по своему образу и подобию; классы умирающие перестают мечтать, они «спасают себя», возводят в идеал теорию «малых дел», измышляют реакционные утопии спасения идущего ко дну корабля... Такова философия наиболее популярных книг немецкой литературы наших дней. «Идеология и утопия»—любопытная попытка теоретически оформить блок буржуазной и мелко-буржуазной контр-революции против коммунизма.

РЕЦЕНЗИИ

Ц. ФРИДЛЯНД.—История Западной Европы 1789—1914, часть 2, изд. «Пролетарий», 1928, с. 710, ц. 4 р. 25 к.

Вторая часть «книги» Ц. Фридлянда представляет собою по сути дела первую более или менее систематически разработанную революционно-марксистскую историю эпохи довоенного империализма в главнейших странах Западной Европы. Едва ли стоит много распространяться на тему о важности такой работы и колоссальных трудностях ее выполнения. Всесоюзная конференция историков-марксистов, специально обсуждавшая, по докладу Н. Лукина, проблему изучения эпохи империализма, отметив неразработанность коренных вопросов истории этой эпохи и вопиющую непропорциональность внимания, оказываемого ей, подчеркнула, что лишь коллективная работа в состоянии преодолеть огромные трудности, стоящие перед историками эпохи империализма. Совершенно очевидно, что исчерпывающая научно-исследовательская история этой эпохи—музыка будущего, что она явится следствием ряда монографических иследований. Однако, было бы нелепым в предвидении такого следствия отказываться от объединения того материала и очень богатого, который собран и частями разработан уже сейчас. Это сделал в своей книге т. Фридлянд, и в этом огромная его заслуга.

Намерения автора выражены им самим: «Автор хотел только дать сводную научно-популярную марксистскую историю эпохи империализма... на конкретном историческом материале выяснить особенности этой эпохи как эпохи загнивания капиталистического общества».

Вот это «выяснение эпохи империализма, как эпохи загнивания капиталистического общества», четко проведенное на основе конкретного и очень яркого исторического материала, представляет другую еще более значительную заслугу т. Фридлянда.

Либеральному сюсюканию буржуазно-реформистских историков, восхищающихся экономическим расцветом, развитием демократии и пр. «благами» эпохи империализма, т. Фридлянд противопоставляет коммунистическую оценку живой исторически-конкретной действительности. Говоря об экономическом расцвете Зап. Европы, мы ищем в нем причины грандиозного краха 1914 г; говоря о росте демократии, мы под оболочкой демократии вскрываем углубление социальных противоречий, обострение классовой борьбы и утверждение диктатуры финансового капитала; отмечая рост рабочего движения, мы внимательно следим за борьбою Горы и Жиронды в его рядах.

В этом постоянном и умелом вскрывании противоречий «мирной» органической эпохи развития капитализма, ярком выявлении классовых противоречий под оболочкой «демократии» и кажущегося бургфридена, в этом всепроникающем революционном подходе к оценке исторических фактов—особая ценность книги Фридлянда. Это боевая революционная марксистская, коммунистическая работа, насыщенная богатейшим и умело подобранным историческим материалом.

Но именно поэтому товарищеская критика должна вскрыть ее недостатки, неизбежность которых при крайней трудности и сложности работы сознает и сам автор. Такая критика должна способствовать совершенствованию этой первой попытки создания общего курса по эпохе империализма с коммунистической точки зрения.

Мы не будем поэтому останавливаться дальше специально на достоинствах книги Фридлянда—они очевидны сами по себе. Отметим здесь только то, что впервые советский студент нашел в систематизированном виде освещение политического строя зап.-европ. государств, освещение аграрно-крестьянского вопроса, ряд сведений по экономической истории, очерк истории II Интернационала.

Переходя к недостаткам книги, начнем с моментов внешнего характера.

Прежде всего, ее нельзя ни в коей мере назвать популярной, как ее называет автор. Автор говорит (книга представляет собою, очевидно, обработку лекций) «высоким штилем». Так, напр., Гамбетта, по выражению автора, во имя «практического разума» сохранял монархическую администрацию. Это само по себе верно, но далеко не популярно. Примеры можно было бы умножить. И то, что книга по существу «наговорена», а не написана, сказывается в громоздком построении предложений, повторениях. Книгу читать трудно, утомительно. Она перегружена материалом. Книга Фридлянда не учебник. Целью было дать не только учебное

пособие, но и «такую книгу по истории эпохи империализма, которая выходила бы за рамки учебного пособия». Автор явно захотел «объять необъятное», в итоге чего получилась сама по себе интересная, ценная работа, но пестрая по форме. В последующем издании книгу следует с этой точки зрения основательно переработать. Надо дать ей единую установку или учебника, или учебного пособия или научной монографии. Надо книгу подвергнуть отделке. Только в этом случае наше студенчество охотно и вполне использует первый марксистский общий курс по истории эпохи империализма.

Методологическая установка всей работы дана в первой главе, посвященной социально-экономической характеристике эпохи империализма. Выдержанная, в общем и целом, в духе ленинского понимания империализма, эта характеристика страдает однако в ряде мест нечеткими формулировками, чрезмерной общностью определений, стирающей грани конкретной действительности, превращением тенденции развития в совершившееся развитие.

Автор дает чересчур общую, чересчур сплошную характеристику всей эпохи довоенного империализма, охватывающей такой огромный промежуток времени как 1870—1914 годы. И если верно, что революция 1905 г. является переломным моментом, непосредственно вводящим в период войны, а затем и пролетарской революции, если верно, что именно в годы 1905—1914 происходит решающая расстановка международных империалистических сил, начинается более резкое выявление диференциации в международном рабочем и социалистическом движении, то не менее верно и то, что нельзя весь предыдущий период с 1870 по 1905 годы с точки зрения социально-политической рисовать единой краской. Мы подчеркиваем именно сплошную социально-политическую характеристику, ибо с точки зрения экономической автор подчеркивает резкий перелом в 90-ых годах.

Касаясь роли отдельных классов в эпоху империализма, автор дает оценку за весь период, не отмечая эволюции классов. Такая оценка представляет мелкую буржуазию для всего периода в единую реакционную массу. Безнадежной для пролетариата оказывается не только городская мелкая буржуазия, но и все середняцкое крестьянство. «Прямым союзником пролетариата была армия сельскохоз. рабочих, пролетариату предстояло завоевать на свою сторону бедняцкие слои деревни» (с. 30). Об основной массе крестьянства— ни слова. В конкретном анализе классов в отдельных странах и аграрных программ социалистич. партий автор, однако, не следует за своей собственной абстрактной картиной и решает вопрос диалектически. То же при характеристике государства. «Государство стало крупнейшим пайщиком капиталистического треста», но и процесса «становления», однако, автор не показывает.

То же и в экономических характеристиках. «Свободная конкуренция уступает место монополии». Следовало бы сказать о противоречии, которое особенно подчеркивал Ленин, противоречии «между монополией и существующей рядом с ней свободной конкуренцией». Недостаточно четкая диференциация понятия «массы» приводит к также противоречиям. На с. 11 автор подчеркивает, что «социальные противоречия не ослабели, а углубились, несмотря на то, что с конца XIX века жизненный уровень масс безусловно поднялся (Разрядка моя — *И. Ф.*).

На с. 26 не совсем то же, вернее совсем не то же. «С улучшением условий существования этих групп населений (имущих слоев—*И. Ф.*) во много раз ухудшились жизненные условия многомиллионной массы вовлеченных в капиталистическое производство рабочих, незначительно повысился уровень жизни широких слоев фабрично-заводского пролетариата и маломощного крестьянства».

В конечном итоге намечается такая оценка, которая выделяет весь фабрично-заводской пролетариат в сравнительно привилегированный слой, т. е. делает его базой оппортунизма. Опять слишком сплошная характеристика.

Первая глава нуждается в особенно тщательной переработке в направлении большей четкости формулировок, большей диференцированности характеристик, отказа от сплошных красок.

Дальнейшие исторические главы, повторяем, свободны от недостатков первой, по преимуществу социологической главы. В них революционно-марксистская, диалектическая установка, приложенная к живым историческим фактам, в общем все же преодолевает схематизм вводной главы.

Особенно рельефно сказывается эта установка на сложнейшем вопросе об исторической оценке II Интернационала вообще и германской социал-демократии в частности. Здесь приходится бороться на два фронта, против двух механистических крайностей. Одна из этих крайностей состоит в том, что в более или менее откровенной форме вся довоенная социал-демократия на всем протяжении развития объявляется сплошь оппортунистической, не заключающей в себе ни грана «настоящего», революционного марксизма. Другая, продолжая меринговскую линию, по сути дела смазывает роль оппортунизма в довоенном II Интернационале. Среди советских историков-марксистов мы не имеем представителей таких крайностей. Но

имеются невольные приближения к этим крайностям, особенно в сторону недооценки революционных элементов в деятельности довоенной социал-демократии. Огромной заслугой историков-марксистов является пересмотр ставшей традиционной меринговской схемы истории герм. с-д. Лукин, Фридлянд, Ривлин и Фейгельсон, Горловский и др. товарищи положили начало подлинно.-марксистской историографии герм. с.-д. Беспощадным скальпелем марксистского анализа они вскрыли развитие оппортунистической язвы на теле герм. с.-д., приведшей к краху 4 августа. Но в последнее время стали раздаваться голоса, утрирующие эту правильную линию, доводящую ее до сплошной характеристики, до совершенно неисторической точки зрения, точки зрения прямой пересадки современных отношений и понятий на прошлое. Современные Цергибели могут на основании такого толкования рисовать себя верными учениками Бебеля, Каутского в лучшие годы их развития, продолжателями традиционной политики герм. с.-д. 4 августа, как логически вытекает из этой точки зрения, собственно говоря, не произошло измены, предательства.

Ультралевизна, «черезперекрайство», как это часто бывает, подает руку самой оголтелой правизне.

Ц. Фридлянд, благодаря диалектической установке в изображении истории II Интернационала и герм. с.-д. как борьбы течений, сумел в общем и целом дать правильную историчискую оценку довоен. соц. демократии. Но все же кое-какие нотки несколько срывают правильность оценки.

Совершенно правильно, что «путь развития германского социалистического движения эпохи империализма, это путь от решительной классовой политики к оппортунизму».

В этой формуле подразумевается, что герм. с.-д. имела в своей истории такие моменты, когда она вела «решительную классовую политику». Это соответствует истории действительности, но недостаточно декларировать истину, надо ее показать. А краски в книге т. Фридлянда расположены так, что эта истина тонет в океане оппортунистических фактов. Автор не постарался более отчетливо ее выявить. Борьба течений изображена ярко, но эволюция этой борьбы, нарастание оппортунизма вышли тускло, ибо элементы «решительной классовой политики» показаны явно недостаточно.

В конце концов, вследствие такого непропорционального распределения красок может получиться впечатление, что герм. с.-д. и в лучшие ее времена была не больше, чем хорошая радикально-«трудовая» партия a lá франц. радикал-социалистическая и т. п.

С другой стороны, представляется преувеличенной оценка «молодых». Они подчас неплохо и поделом критиковали «стариков», но в конечном счете (это показывает и эволюция большей части руководителей этого движения) это была критика не с пролетарской позиции, а с позиции мелкобуржуазной, анархической.

Подводя итоги оценки книги Фридлянда в целом (мы ограничились пока общими заключениями, ибо считаем, что вопросы, поднятые в книге, все еще недостаточно разработаны и подлежат коллективной разработке и коллективному обсуждению), приходится повторить, что мы имеем налицо боевую коммунистическую работу, недостатки которой—вполне исправимые,—вытекают из огромной сложности задачи, которую взял на себя и в пределах сил одного человека вполне удовлетворительно выполнил автор.

И. Фендель

А. БИМБА.—История американского рабочего класса. Перевод с английского Г. М. Зив под редакцией Л. Мартенса. Изд. Комакадемии, 1930, с. 284, цена 2 руб.

Книга А. Бимба, вышедшая в Америке в 1927 г., появилась, наконец, в русском переводе.

Автор книги — член американской коммунистической партии. История американского рабочего класса дана им с точки зрения революционного марксизма. В предисловии (опущенном в советском издании) к своей книге Бимба заявляет, что его книга не претендует на «беспристрастие», которое якобы присуще другим работам на ту же тему, и что она открыто становится на сторону пролетариата против буржуазии. Этим обстоятельством и объясняется та враждебность, с которою книга Бимба была в Америке встречена со стороны профсоюзных бюрократов и социалистов. Последние пытались между прочим опорочить Бимба утверждением, будто его книга является сплошным плагиатом. Обвинение Бимба в плагиате вздорно. Работа эта — компилятивна, но автор все время тщательно указывает источники использованных им материалов.

Хронологический охват работы огромный: с заселения Америки и до 1927 г. Пока-что это единственная коммунистическая работа, охватывающая почти всю историю американского рабочего движения.

Коммунистические взгляды автора наложили яркий отпечаток на его книгу, которая преследует не безжизненно-академические цели, а конкретные задачи классового воспитания американского пролетариата. Эту задачу автор умело осуществляет с первых же глав своей книги. Анализируя, например, американскую революцию XVIII в., Бимба

использует ее для борьбы с легально-демократическими иллюзиями, привитыми буржуазией американским рабочим. Он показывает рабочим необходимость использования легальных и нелегальных методов борьбы, разрушения старого государственного аппарата и применения революционного террора. Многое может советскому читателю показаться наивным, и иногда кажется, что Бимба зря стучится в открытую дверь, пространно доказывая, например, что освобождение негров Линкольном было вызвано не гуманными мотивами последнего, а классовыми интересами буржуазии. Но не надо забывать, что Бимба писал свою книгу для американских рабочих, в массе своей политически весьма отсталых; они-то найдут в книге много для себя нового.

Прекрасно показана (а не только декларирована) в книге Бимба предательская роль профсоюзных бюрократов и социалистических вождей и отрыв их от масс.

Упрек редактора русского издания, Л. Мартенса, в том, что Бимба не связывает историю рабочего движения с экономическим и политическим развитием страны, по моему, неоснователен. Бимба это делает, но делает это чисто описательно и схематично.

Вообще надо сказать, что Бимба не всегда дает достаточно глубокий анализ явлений. Поверхностным, например, является его объяснение причины участия Америки в мировой войне. Указание на то, что это участие было вызвано деятельностью германского подводного флота, мешавшего американской буржуазии наживаться на поставках странам Антанты, верно, но далеко не достаточно. Причина была глубже и коренилась в столкновении двух растущих империалистических гигантов. Антагонизм между этими двумя странами возник и нарастал задолго до мировой войны; последняя лишь обострила этот антагонизм и ускорила развязку.

Много спорного у Бимба в разделе, посвященном истории довоенного социалистического движения. В этой области Бимба находится по существу в плену у крайне тенденциозной информации, которую он черпал из книги вождя американского реформизма, М. Хилквита.

Бимба явно недооценивает положительной стороны социалистической деятельности Даниэля де-Лиона. Началом оппортунистического перерождения социалистической партии автор считает 1912 г. Это не верно. В 1912 г. оппортунизм получил в социалистической партии официальное признание и был усыновлен в резолюциях по вопросам политической и профсоюзной тактики, но разъедал он партию задолго до этого года. Но вот в заключительной главе своей книги Бимба декларирует тезис, находящийся в противоречии не только с фактами, но и с его собственными утверждениями, приведенными им в предыдущих главах. Он пишет— «Социалистическая рабочая партия выросла в социалистическую партию, которая вплоть до 1919 г. действовала как выразитель революционных идей пролетариата» (с. 281).

Бимба спутал здесь деятельность и роль левого меньшинства социалистической партии (превратившегося в большинство лишь к концу мировой войны) с ролью партии в целом и ее аппарата, находившегося в руках реформистов.

Кстати, приходится пожалеть, что Бимба уделил так мало внимания Юджину Дебсу, который был украшением социалистической партии и отнюдь не отражал ее официального курса. Особенно заслуживает быть отмеченной мужественно-интернационалистская позиция Дебса во время войны. Правда, иной раз Дебс сбивался на социал-пацифизм, заявляя, что он против «пролития человеческой крови», но чаще из его уст раздавались революционные протесты против империалистической бойни. Когда в статье от 28 августа 1915 г. Дебс бросил рабочим лозунг: «Не будь солдатом и не воюй», этот старый пролетарский борец стал получать многочисленные запросы от рабочих и социалистов, является ли он противником всякой войны и отказывается ли он сражаться при всяких обстоятельствах. Дебс ответил, что если бы он занимал такую позицию, его следовало бы дисквалифицировать как революционера. «Я не капиталистический солдат,— ответил он на страницах «Appeal to Reason» 11 сент. 1915 г.,—я пролетарский революционер. Я не принадлежу к регулярной армии плутократии, но я принадлежу к иррегулярной армии народа. Я отказываюсь подчиниться приказу господствующего класса воевать, но я не хочу ждать, пока получу приказ сражаться в пользу рабочего класса. Я противник всех войн, кроме одной, за которую я стою сердцем и душою, это — всемирная война за социальную революцию. В этой войне против господствующего класса я готов участвовать всеми средствами, вплоть до баррикад». (Speeches of Eugene U. Debs, New Vork, 1928, p. 63—65). Дебс принадлежал к той группе американских социалистов, которые в удушливой и отравленной атмосфере всеобщего шовинизма открыто солидаризировались с большевиками и Октябрьской революцией. Тем не менее Дебс не занимал последовательной большевистской позиции. Бимба сделал упущение, не уделив славному американскому революционеру достаточного внимания. Это тем более необходимо, что память о Дебсе поныне жива — и долго еще будет жить—в памяти передовых

рабочих Соединенных штатов. Коммунистической партии необходимо критически разобраться в идейном наследстве Дебса.

Книга Бимба написана в 1927 г. Редакция советского издания этого не оговорила. Это может породить массу недоразумений. Бимба неустанно на протяжении всей книги борется против организации независимых революционных поофсоюзов. Несколько лет тому назад эта позиция отражала тактику партии, теперь же, после того как Коминтерн и Профинтерн выработали новую тактику в профсоюзном движении, позиция Бимба явно устарела и может сослужить службу лишь правым (Кстати, т. Бимба, насколько мне известно, в свое время принадлежал к группе Ловстона). Заявление Бимба о том, что пролетарская революция в Соединенных штатах немыслима, покуда не будет создана лэйбор-парти, также отражает вчерашний день американского коммунизма. Отсутствие соответствующих оговорок редакции способно дезориентировать читателя.

Отметим несколько фактических неточностей у Бимба.

Неверно, будто Орден рыцарей труда протестовал в 1881 г. против названия «Федерация организованных профессий» потому, что, не будучи профсоюзной организацией. Орден очутился бы вне рядов Федерации; в действительности он протестовал против этого названия потому, что термином «профессиональные союзы» в Соединенных штатах обычно обозначают организации квалифицированных рабочих; организации же неквалифицированных рабочих обычно носят название рабочих союзов. Представители Ордена, который являлся массовой организацией необученных рабочих, требовали, чтобы Федерация включила в свои ряды и этих рабочих, что должно получить отражение и в названии Федерации. Неверно также, будто Федерация предлагала Ордену сотрудничество, которое последний якобы упорно отвергал. Нежелание договориться на условиях, приемлемых для Ордена, проявляла и Федерация: слишком глубокие разногласия разъединяли эти обе организации.

И, наконец, отметим, что не с 1895 г. Гомперс начал борьбу с социалистами в профдвижении. Он начал ее значительно раньше; в средине же 90-х годов Гомперс перешел в открытое и решительное наступление против социалистов. он лишь видоизменил формы борьбы.

Особо — и при том подробно — следует поговорить о советском издании книги Бимба.

Прежде всего, перевод — сокращенный. Издательство обязано было это оговорить, но этого не сделало. Местами сделаны значительные купюры. Позиции рабочих организаций в отношении войны Бимба посвятил 17—18 страниц (глава XXVI посвящена профдвижению и войне, глава XXVII — социалистам и войне). Издательство Комакадемии свело эти две главы в одну (XXVI) под общим заголовком: «Трэд-юнионы, социалисты и мировая война» и сократило материалы Бимба до... 7 страниц. Это очень досадный ляпсус, потому что у нас имеется весьма смутное представлении о том, что делалось в рабочем движение Америки во время войны.

Купюры нередко делались небрежно и неосмотрительно, что местами привело к недоразумениям. Например, на 252 странице говорится следующее:

«Коминтерн одобрил позицию меньшинства в этом вопросе, объявив, что:

«Меншинство Центрального исполнительного комитета рабочей партии право, веря в жизнеспособность и будущность движения за трудовую партию».

«Четвертая национальная конференция отмечает окончание периода борьбы против превращения партии в пропагандистское общество»... и т. д. Следует семь абзацов. На самом же деле, эти абзацы, начиная со слов: «четвертая национальная конференция», принадлежат не Коминтерну, а Чарльзу Рутенбергу. Переводчик (или редактор) пропустил следующие слова Бимба:

— «Конференция единодушно объявила войну оппортунистическим тенденциям так называемой группы Лора и официально исключила последнего из партии. Анализируя развитие партии со времени третьей партийной конференции, Рутенберг, генеральный секретарь партии, сделал следующее заключение»... (The History of the American Working Class, by Anthony Bimba. New Vork, 1927, p. 320).

На 95 с. приводится табличка, иллюстрирующая категории рабовладельцев, но из-за купюры выпала дата. Табличка относится к 1850 году (вне времени эта табличка ничего не говорит).

Вольности позволил себе переводчик и в отношении цитат из Ленина. Вместо того, чтобы найти соответствующие места в сочинениях Ленина и дословно их списать, переводчик предпочел сделать неточный перевод с приблизительного английского перевода.

У переводчика:

«Выдумывают новенькие чистенькие профсоюзы» (с. 261).

У Ленина:

«...Выдумывают, новенький, чистенький неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, непогрешный цеховыми и узко-профессиональными грехами «рабочий Союз»... (Сочинения, изд. 2-е, т. XXV, с. 198).

Вся цитата из Ленина приведена с сокращениями и, вместо того чтобы указать это, проставив общепринятые многоточия

в местах пропусков, переводчик режет фразы Ленина и ставит точку. (Кстати, у Бимба Ленин приведен полнее, чем у переводчика).

Перевод в целом сделан небрежно. Часто опускались ссылки Бимба на источники, (причем никакой закономерности или системы здесь не проследишь). Цитаты иной раз приводятся, как слова Бимба (сравни, напр., с. 11—12 пер. и с. 14 ориг.). Книги, на которые ссылается Бимба, приводятся в русском переводе, не совпадающем с названиями в оригинале (напр., книга Майерса называется: «История крупных американских состояний», а в русском переводе вышла под названием: «История американских миллиардеров»). Страницы же приводятся по американскому оригиналу (многие книги, цитируемые Бимба, имеются в русском переводе, а именно: Саймонса, Хилквита, Перельмана, Майерса и др.).

В книге дан неточный перевод общепринятых терминов. Говорят «наемные рабочие», а не «платные рабочие»; «рабочая аристократия», а не «трудовая аристократия»; цеховые профсоюзы, а не «ремесленные союзы». В одних случаях переводчик переводит «фермерско-трудовая партия», в других — «фермерско — рабочая партия», причем эти два разные обозначения иногда встречаются почти рядом, напр., на с. 257.

Порою переводчик совершенно отвлекался от подлинника и пускался в область игривых отсебятин, проявляя иной раз недюжинную фантазию. Например:

У Бимба:

1) «Со временем будет изобиловать» (will in time abound), p. 58.

2) «Наши предки—рабочие и работницы» (our forfathers, workingmen and women), p. 12.

3) «Отцы» нашей страны (the «fathers» of our country), p. 13.

У переводчика:

... «изобилует» (с. 48).

... «предки многих нынешних гордых граждан Соединенных штатов» (с. 10).

«Эти новые землевладельцы» (с. 11).

Добросовестно списаны из подлинника опечатки, хотя они перечислены у Бимба с просьбой их исправить. Так например, цитата, приведенная на 41 странице, взята не из Мак-Лафлина: «Конфедерация и конституция», а из W. J. Ghent: the Forum August, 1901.

Не обошлось, разумеется, и без благоприобретенных «досадных опечаток». Количество чиновников, указанное на 166 с., относится к 1912 г., а не к 1918 г. Речь Гомперса (с. 150) произнесена не в 1886 г., а в апреле 1898 г.; на с. 218 речь идет не о Бергене, а о Бергере.

Книга Бимба сильно потускнела в издании Комакадемии.

Л. Райский

К. ШЕЛАВИН.—Авангардные бои западно-европейского пролетариата. Очерки Германской революции 1918—1919 гг. Часть первая, 1929. Часть вторая, 1930. Ленинград, Изд-во «Красная Газета».

Научное достоинство исторического исследования заключается в его определенно-классовой, политической направленности. С этой стороны книга т. Шелавина имеет большое достоинство. В ней есть здоровая классово-политическая установка, а это является научным достоинством работы.

Однако, наряду с этим, необходимо отметить, что это достоинство не развернуто до конца, ибо недостаточно стать на правильную точку зрения, необходимо суметь применить ее на конкретном историческом материале. Между тем у т. Шелавина не дано достаточно глубокого и развернутого анализа всех моментов ноябрьской революции. Рецензируемая работа содержит детальное описание событий. Некоторые важнейшие моменты прослежены чуть ли не день за днем, но все это связано чисто внешней связью и не увязано некоей общей концепцией. Поэтому в сознании читателя остаются отдельные интересные главы, любопытные эпизоды, но не больше.

Достаточно сказать, что т. Шелавин не попытался даже дать периодизации ноябрьской революции с точки зрения внутренней закономерности, борьбы социальных сил. А между тем, это не только вопрос внешней структуры и даже не только вопрос педагогический, но и вопрос научного порядка. Это—проблема динамики классовой борьбы, ее внутренней закономерности, прилива и отлива классовых сил. Марксистско-ленинский анализ не может ограничиться одним изложением событий, даже самым пространным, он должен уловить их имманентную связь. Он должен не только фотографически отобразить цепь событий, но и понять связь ее звеньев.

Можно также заметить, что каждый раз, когда автор излагает ход событий во всей Германии, он механически рассказывает о том, что делалось в Саксонии, Баварии, Гамбурге, Вюртемберге и т. д., но не связывает этого в одно целое. Нет впечатления цельной законченной картины, а получаются отдельные разрозненные, не связанные единством мысли отрывки.

Автор на протяжении всей работы уличает в ошибках то Розу Люксембург, то Карла Либкнехта, то «Роте Фане» и т. д. Он во многом прав. Нельзя не согласиться с его изложением, когда он показывает известную незрелость «Спартака» на более ранних ступенях его развития, но ведь недостаточно констатировать ошибки: надо их, кроме того, объяснить. Наконец,

необходимо показать возможность другого образа действий в данных условиях, чем тот, который имел место в действительности, ибо в противном случае не доказано, что мы в данном случае имеем дело с ошибкой руководства. Вообще, вопрос об ошибках не решается так просто, в особенности, когда речь идет о действиях вождей такого масштаба, как Либкнехт и Люксембург. Например, автор считает ошибкой «Спартака» первоначальное вхождение в независимую социал-демократию, но он совершенно не показывает, почему это следует считать ошибкой. Он просто ограничивается указанием на социал-демократические традиции Розы Люксембург, но ведь эта же социал-демократическая традиция не помешала впоследствии Розе пересмотреть свою точку зрения.

Или вот другой пример. Во время декабрьского кризиса в связи с выступлением матросов здание «Форвертса» оказалось неожиданно занятым революционными рабочими. Автор приходит к тому выводу, что «Роте Фане» не должно было поддержать этого акта рабочих и уже во всяком случае своими статьями и лозунгами не должно было их наводить на мысль о необходимости вторичного занятия «Форвертса». «Эта ошибка,—добавляет т. Шелавин,—была повторена в январские дни 1919 года» (ч. 2, с. 23). Не говоря уже о том, что вопрос является весьма и весьма спорным по существу, автор здесь допустил свою обычную методологическую ошибку. Задача историка вовсе не заключается в том, чтобы спокойно регистрировать ошибки, не давая даже себе труда доказать, почему тот или иной акт является ошибочным. Революция во всех ее проявлениях, во всех ее фазах представляет собой необычайно сложное переплетение социальных сил, сталкивающихся или сочетающихся между собой в процессе классовой борьбы. Революционные партии и вожди, возглавляющие и оформляющие действия масс, даже в том случае, если они владеют таким тонким и гибким оружием анализа, как марксизм, в очень редких случаях могут сказать с абсолютной уверенностью, что то или иное выступление приведет неизбежно к такому-то результату. Наоборот, чаще всего только по результату можно судить о правильности или ошибочности того или иного политического действия. Но историку, обсуждающему вопрос a posteriori, не достаточно декретировать, что была совершена ошибка. Ему надо показать, что в данной ситуации, при данном соотношении классовых сил, при таких-то настроениях революционных масс и вооруженных сил контрреволюции был возможен ряд решений и что революционная партия выбрала ошибочное решение, но именно этого т. Шелавин и не делает.

В декабре 1918 г. «Роте Фане» призывало занять здание «Форвертса», и это было ошибкой. В январе 1919 г. Либкнехт не призвал массы к немедленному свержению правительства Эберта-Шейдемана, и это тоже было ошибкой. Но для того, чтобы эти ошибки стали уроками для тактики компартии в будущем, надо было показать, с одной стороны, те причины, по которым были выброшены именно такие лозунги, а не другие, и, с другой стороны, доказать, что были возможны и другие решения, чем те, которые предлагались Либкнехтом или «Роте Фане».

Автор часто вступает в дискуссию с «Форвертсом», «Фрейхет» или с буржуазной прессой по поводу той или иной версии события: например, по поводу декабрьского путча, декабрьского выступления матросов, январских дней, убийства Карла и Розы. Все это весьма важно для реставрации точной картины событий, искаженной буржуазией и еще больше предательской социал-демократией. Но наряду с этим еще важнее дать ясную и определенную оценку той или иной фазы революции. Выводы т. Шелавина не всегда определенны. Вопрос об общей оценке тактики коммунистической партии в январские дни, например (см. напр. ч. 2, с. 122) дан в очень неопределенных формулировках.

Одной из самых сложных проблем германской революции является вопрос о причинах ее поражения. Можно считать бесспорно установленным в нашей литературе, что объективно с точки зрения своего экономического развития Германия была подготовлена к социалистической революции, но ведь помимо этого остается еще сложный комплекс вопросов. Ведь и так называемые субъективные факторы в конечном счете определялись объективными. В какой мере объективный фактор переплетался с субъективным и где провести грань между этими двумя, в конце концов, условными понятиями? В какой пропорции распределяется ответственность за поражение партии между еще незрелой коммунистической партией и еще не закаленным в классовых боях немецким пролетариатом? Наконец, вопрос о влиянии германской социал-демократии на массы. Можно ли просто ограничиться указанием на то, что ее влияние на пролетариат было ничтожно, что массы ненавидели ее (ч. 2, с. 194—198), но что все дело было в том, что рабочий класс не был организован? Не лежит ли здесь причина глубже, в известной незрелости самого пролетариата, и не является ли именно факт неорганизованности рабочих и отсутствия крепкой революционной партии доказательством этого? Все эти общие вопросы большой сложности, но и чрезвычайной важности, затронуты автором мельком. Между тем им стоило бы посвятить особую главу.

Стоило бы специально разобрать различные точки зрения по этому вопросу в буржуазной, социал-демократической и в особенности в коммунистической литературе. В особенности важно выяснить с точностью точку зрения Ленина, сопоставив его более ранние и более поздние высказывания. Очень важно привлечь материалы дикуссии, поднявшейся по этому же вопросу уже в эпоху 1923 г. Именно в этих общих вопросах нужна ясность больше, чем в каких бы то ни было других, а между тем у т. Шелавина все это затронуто самым беглым образом. Изложение неожиданно обрывается на Веймарском собрании и на вотуме доверия, полученном правительством.

Читателю остается совершенно неизвестным: есть ли это конец революции или закончен только один из ее этапов. Никакого общего заключения, никаких выводов, никакой общей оценки революции. Автор даже не указывает той роли, которую ноябрьская революция сыграла во всем великом послевоенном Sturm und Drang периоде. Революция остается как бы насильственно вырванной из всего контекста мировой социалистической революции, одним из фазисов которой она была.

Несмотря на указанные недостатки, связанные преимущественно с методологией вопроса, работа т. Шелавина имеет, при скудости литературы, значительную практическую ценность. Не мудрствуя лукаво, она дает добросовестное изложение событий. Научная база этой работы, правда, не очень велика: в основном автором использована пресса (по преимуществу Форвертс, Фрейхейт, Роте Фане, Фоссише Цейтунг, Берлинер Тагеблатт и др.) и мемуарная и полумемуарная литература (Бернштейн, Носке, Блос, Ган, Радек, Каутский, Штребель, Мюллер, Шеффер и т. д.). Но и при этой небольшой научной базе автор старательно сделал свое дело. Работа т. Шелавина может быть использована в комвузах и вузах.

С. Кунский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.— Центрархив. С предисловием Я. А. Яковлева. Гиз, 1930, XXIV, с. 372, ц. 3 р. 60 к.

«Ввиду исключительности переживаемых событий и в целях объединения государственной власти со всеми организованными силами страны созвать 12—14 августа Государственное совещание в Москве»—так гласило постановление Временного правительства. Однако, совещание это было созвано только формально для того, чтобы дать возможность правительству, обрисовав тяжелое положение страны, добиться со стороны всех общественных классов и групп признания необходимости «порядка, жертв обороны»—основных положений, выдвинутых от имени всего правительства Некрасовым. В действительности же глава правительства, Керенский, созывая совещание, ставил перед собой более серьезные задачи, чем декламацию о необходимости «справедливого» распределения тягот. Эти задачи заключались в том, чтобы обеспечить возможно большую самостоятельность Керенского и расчистить ему путь для более правой политики. Съезд, на котором были бы более или менее равномерно распределены представители цензовых слоев и т. н. демократии, самим фактом предъявления различных и часто противоположных требований, свидетельствовал бы о необходимости известной внеклассовой «средней» такой государственной политики, которая бы «регулировала» и согласовывала различные классовые устремления, т. е. самый съезд должен был перед лицом широких масс показать и доказать необходимость «независимого» от партии и организации правительства. Но совещание нужно было не только созвать, его нужно было так составить, чтобы правое крыло имело перевес и чтобы самый состав совещания говорил о силе буржуазно-помещичьего влияния на массы, о значительном удельном весе имущих слоев в экономике и политике страны и тем самым говорил бы о необходимости искать политическую «равнодействующую» еще более направо. Эта задача прекрасно выполнялась тем, что 100 представителям с.-р. и с.-д. противостояли 150 представителей торгово-промышленных организаций и банков, а на 176 представителей профсоюзов приходилось 182 представителя технических организаций и трудовой интеллигенции, что Совет крестьянских депутатов имел лишь на четверть больше представителей, чем крупное землевладение, что получили представительство многие совершенно невлиятельные и частью искусственно созданные буржуазные организации.

Усилить элементы бонапартизма в правительственной политике, обеспечить резкий поворот руля государственного корабля вправо, ослабить сопротивление масс дальнейшей передвижке советской политики вправо—вот в чем заключался объективный политический смысл Московского совещания.

Решение поставленных Керенским задач осложнилось, однако, конфликтом Керенского—Корнилова. На пост российского Бонапарта предъявили претензии сразу два лица. Здесь, понятно, была не только и не просто борьба двух конкурентов. Здесь была борьба вокруг методов ликвидации революции и вокруг вопроса о том, что ликвидировать; здесь, понятно, можно проследить и серьезные программные и технические расхождения обеих групп, можно установить тяготение различных классовых групп и прослоек к каждой из

этих фигур; можно было бы даже формулировать, с известным приближением к истине, политическое различие, персонифицированное в этих двух деятелях контрреволюции как различие между буржуазной республикой и буржуазной монархией. Но в этом конфликте потому так выпячены личные моменты, что разногласия между Корниловым и Керенским, между различными фракциями буржуазии, имели десятистепенное значение, по сравнению с основным, хотя и снова как будто ушедшим под поверхность политической жизни, конфликтом буржуазной и пролетарской революции. Конфликт внутри буржуазного, или, если угодно, антипролетарского блока, потому и не мог развернуться, потому так затушевывался, что не был разрешен еще основной конфликт революции в тот год — между имущими слоями и народными массами.

Самое постановление Временного правительства о созыве совещания состоялось всего через неделю-полторы после того, как Керенский получил полную самостоятельность в деле формирования кабинета и началась в истории 1917 года короткая, но любопытная эра керенщины. Самый же созыв совещания происходил в те же дни, когда резко проявилась борьба за власть между Керенским и Корниловым, между правительством и ставкой, когда Совет союза казачьих войск, Союз георгиевских кавалеров, Главный комитет союза офицеров прямо угрожали критикой оружием в случае отставки Корнилова, когда Кокошкин ультимативно, под угрозой своей отставки и перспективы министерского кризиса, требовал обсуждения в правительстве программы Корнилова, когда сам Корнилов в откровенном разговоре с Лукомским признавался, что собирается перевешать Совет (а вовсе не только большевиков).

Московское государственное совещание, таким образом, тесно связано как с историей керенщины, так и с предисторией корниловщины, как с историей бонапартистской политики Керенского, так и с подготовкой мятежа Корнилова. В этом и заключается, в основном, интерес совещания.

Явная и тайная подготовка ставкой восстания, захват власти внесли много тревоги в лагерь соглашательского ЦИКа; но несколько неожиданно эта же подготовка сильно помогла мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров в их деятельности в массах. Движение 3—5 июля и поражение на фронте—два бесспорных плода коалиционной политики—были объявлены следствием злонамеренной тактики большевиков—и на большевиков же была взвалена ответственность за капитуляцию Советов перед буржуазией и генералами. Теперь нужно было объяснить массам смысл дальнейших капитуляций,—и здесь подготовка Корниловым мятежа сыграла благодетельную роль. Как предотвратить заговор, нападение врага? Совершенно ясно: нужно, чтобы демократия от своего имени предложила самую что ни на есть «государственную» программу, т. е. чтобы она, идя на максимум уступок, заранее прокламировала минимально приемлемую для «демократии» равнодействующую. Тогда все увидят, что мятеж генералов это не мятеж против «своекорыстия» рабочих и крестьян, а мятеж против государственности. Эта мудрая и своеобразная «теория уступок» была очень ярко формулирована в обоих речах Церетелли на совещании. Мы,—приятно говорил этот мещанский философ,—добровольно принесли величайшую жертву, целиком передали правительству все государственные функции. Это—не менее приятно и с сознанием авторского достоинства—признавал и Милюков: «По содержанию этих мер у нас нет разногласий, ибо теперь и в речи Церетелли, да и во многих речах, теперь произносимых, повторяется то, что мы говорили три месяца тому назад» [1].

На такой платформе «демократии», только три месяца назад бывшей кадетской платформой, нужно было сколотить демократических представителей. Под предлогом борьбы с генеральским заговором, в целях единства революционной демократии, Церетелли провел в ЦИКе решение, согласно которому большевики механически исключались из состава делегации и интернационалисты столь же механически превращались в статистов. А под предлогом предупреждения заговора Чхеидзе в т. н. декларации 14 августа отказался не более не менее как от пункта, где говорилось о подготовке (в будущем, понятно) перехода земли к крестьянам, признал необходимость косвенного обложения населения и пр.

Совет, т. о., поддержал Керенского и правительство, представители которого уже в первых же речах ясно наметили программу наступления на рабочий класс. «Крестьяне желают, чтобы и городской рабочий класс встал на путь жертв, а не

---

[1] Насколько хорошо усвоил Церетелли язык кадетов, показывает выступление представителя ряда помещичьих организаций Капацинского: «И вот когда со свойственной ему чуткостью Церетелли издал распоряжение о земельных захватах, сельское хозяйство на минуту вздохнуло свободно. До этого циркуляры были писаны елейным слогом воззвания... Не было того языка, который крестьянин сразу понял бы и сознал, что это действительно настоящее распоряжение» (см. «Государственное совещание», с. 242).

защиты только своих классовых интересов», «необходимо обеспечение прав владельцев, предприятий в руководстве делом путем надлежащего разъяснения прав рабочих и ограждения интересов, задеваемых анархическими выступлениями, надлежащими мерами власти». Министерство труда относится «резко отрицательно ко всякому вмешательству рабочих в дело управления»,—так заявил от имени правительства в своей речи министр-социалист Прокопович. После проведения наследственного и имущественного налога «у нас с имущих классов будет взято все, что с них можно будет взять» и «без повышения косвенного обложения, повышения серьезного и значительного, мы в настоящее время выйти не можем»—повторял вслед за ним другой министр—Некрасов. Декларация демократии не пыталась оказать даже словесного отпора этим требованиям, более того, по существу она их принимала, как принимала «и требование отказа от борьбы за мир. «Новое время» имело все основания приветствовать отсутствие так бесконечно нам опротивевшей» формулы мира без аннексий и контрибуций.

Под предлогом же предупреждения генеральского заговора шли на широкие уступки генералам. «Комитеты сейчас ведут активную работу поднятия авторитета командного состава. Если вы их ограничите или уничтожите, то и командный состав пострадает»—так отстаивал существование армейских комитетов представитель соглашательских армейских верхушек Кучин. Другой представитель армкомов был еще откровеннее. «Когда в армию проник тяжелый, так называемый «армейский большевизм», именно комитеты с ним боролись и только комитеты сумели этот большевизм у себя победить». Мы уступаем все, что только можно, мы не остановились перед тем, чтобы провести исключительный закон против большевизма, чего же вам еще?—таковы были три наиболее ответственных заявления руководителей меньшевистско-эсеровского ЦИКа—Чхеидзе,Церетелли,Кучина, заявления, которые соглашатели, кстати, решили широко распубликовать.

Мы не будем приводить больше абсолютно никаких доказательств того, что вся политика соглашателей являлась только выражением превращения мелкобуржуазного социализма в одно из звеньев империалистического механизма в России. Это достаточно ясно и из того, что мы приводим выше, это целиком явствует из всего содержания рецензируемой книги, это хорошо в общем показано в предисловии тов. Яковлева.

Последнее, однако, давая правильное освещение и оценку событий, несколько слабее обычных предисловий тов. Яковлева к публикациям этой серии изданий Центрархива и страдает рядом недостатков,—неточными или небрежными формулировками или поспешными обобщениями и т. п. Наиболее заметным недостатком предисловия является несомненно отсутствие анализа партийной практики на Государственном совещании. На пленуме ЦК по этому вопросу проявились кое-какие оттенки. Предложение бойкотировать Совещание собрало только 4 голоса, а предложение: не призывать к бойкоту—большинство (7 голосов). Мы думаем, что решение большинства было ошибочно. Правда, эта ошибка не могла иметь серьезного значения, поскольку ЦК единогласно решил, что большевистская фракция после оглашения декларации немедленно уйдет. Но решение ЦК не дало в полной мере использовать агитационные возможности. Большевикам не дали огласить декларацию (вопреки тому, что написано в примечаниях к новому изданию Ленина и в заметке о Совещании в Большой советской энциклопедии), и в прессу она попала уже после Совещания. В самой декларации нет ни слова об уходе. Наконец, неясно, действительно ли ушли из Большого театра делегаты—большевики. В их числе были довольно авторитетные товарищи (Н. И. Бухарин, И. И. Скворцов, С. Е. Чуцкаев, Н. П. Авилов-Глебов, А. А. Андреев, Лозовский, А. Г. Шляпников, В. В. Шмидт, А. В. Баранов и др.), никто из них не выступал, ни один из членов партии—Д. Б. Рязанов выступил от имени интернационалистского меньшинства профсоюзной делегации. Нужно полагать, что в данном случае либо было от ЦК персональное разрешение выступить Рязанову, либо не все большевики в точности выполнили директиву ЦК.

К сожалению, Ленин, в августе писавший «Государство и революция», не откликнулся ни одной статьей или заметкой о самом Государственном совещании.

Нет также никакого другого материала—опубликованных писем, черновых набросков, относящихся к Совещанию. Об отношении Ленина к Совещанию можно судить лишь косвенно—по статье «Слухи о заговоре», писанной 18—19 августа и впервые напечатанной в 1927 году. Насколько Ленин был прав, бешено ругая москвичей за их поведение, лучше всего показывает как то, что у московских большевиков сейчас же—уже 16 августа—отбирали пропуска в казармы, выданные им в день открытия Государственного совещания, так и поведение крупнейших лидеров соглашательства. «Московское совещание,—писали «Известия» в подпередовице от 16 августа (писанной вернее всего Даном),—в этот чрезвычайный час должно найти в себе силу порвать со сторонниками как правого, так и левого большевизма, и стать в своем большинстве под

знамя спасения страны и революции»[1], а Церетелли еще на заседании совещания 14 августа заявил: «Здесь говорили... самую основу большевизма признайте вредной. Но поскольку опасность анархии проявляется в действиях, поскольку это грозит проявлением в действиях, предохранительные меры не только должны быть приняты, но уже приняты. Уже проведен исключительный закон»[2]. Правда, всякие переговоры московских большевиков перекрывались славной стачкой московских пролетариев, но Ленин был абсолютно прав, так резко борясь с проявившейся у части московских руководящих товарищей политической тенденцией, тенденцией, развитие которой неизбежно приводило к отталкиванию от партии в Октябрьские дни. Но нам кажется, что, исходя уже из этой статьи, не может быть сомнений в том, что Ленин был бы за бойкот. Повидимому, к меньшинству ЦК, прямо отстаивавшему бойкот, принадлежал и Сталин: писанные им передовицы «Пролетария» о Государственном совещании более четки и резки, чем постановления ЦК, и прямо говорят о бойкоте Совещания пролетариями столиц.

Правильны или неправильны наши предположения и наша оценка партийной тактики, но во всяком случае недостатком предисловия является отсутствие детального разбора всех этих спорных и неясных вопросов.

В предисловии есть еще кое-какие не вполне ясные места. На некоторых мы хотим остановиться более подробно. Так, правильно отмечая, что победа 25 июля это только «шаг по пути окончательного оформления всевластия буржуазии», т. Яковлев на той же странице пишет: «При всех личных переменах в правительствах мы видим за ними истинного хозяина—генеральскую диктатуру, которая до поры до времени еще терпит любую комбинацию лиц и которая в то же время достаточно сильна, чтобы любую комбинацию изменить». Первое приведенное нами положение несовместимо со вторым, фактически неверным утверждением. Власть переходила к генералам и полностью еще не перешла—это первое, и другое, что нужно постоянно иметь в виду, анализируя послеиюльский и предкорниловский периоды, в массах происходил хотя и латентный, но довольно быстрый процесс большевизации. Июльское поражение вызвало известную антибольшевистскую реакцию в наиболее отсталых слоях пролетариата и среди известной части солдат,—но эта реакция целиком исчерпывает себя уже к концу июля. Московский совет отклонил стачку протеста против Московск. совещания большинством всего 364 против 304, т. е. соотношение было 6 к 5. Резолюция фракции большевиков, предложенная в Питерском совете после Московского совещания 21 августа, была отвергнута еще менее значительным большинством. Точно такие же процессы происходили и в других крупнейших советах. На фронте и в деревне все чаще прорывались вспышки тех гигантских социальных сил, которые прорвались сквозь кору керенщины после корниловского восстания. Власть даже и до корниловщины имела под собой внизу в подлинном смысле слова вулканическую почву. Нужно было сначала уничтожить, растоптать, разгромить наиболее серьезных «внутренних» врагов и лишь затем можно было менять любую комбинацию. Так, после декабря 1905 года царизм, располагавший полнотой юридической власти, не был однако в состоянии формально аннулировать акт 17 октября и не был в состоянии в течение еще полутора лет радикально изменить виттевский избирательный закон 11 декабря. Так, уже в период реакции, крепостнический царизм, как будто ничем уже не стесненный, не мог убрать Столыпина и должен был не то воспользоваться Богровым, не то прибегнуть к Богрову. Тем более не была бы в состоянии генеральская диктатура, даже если бы она в полной мере и существовала в августе 1917 г., менять любую комбинацию—не случайно, а вынужденно в комбинации Завойко участвовал и Плеханов и Керенский, а ведь сама комбинация была рассчитана на победу в[..]енщины.

С другой стороны, т. Яковлев, абсолютно правильно подчеркивая, что только лишь стачка 400 тыс. московских пролетариев (силы, одинаково отсутствовавшей в расчетах и цензовых и «демократических») сделало невозможным активное выступление корниловцев в середине августа, все же несомненно преувеличивает психологическое воздействие стачки на буржуазные круги, когда пишет: «И дружность стачки, всеобъемлющий характер ее показали наиболее наглядным образом Государственному совещанию, что и в Москве несть спасения, что бежать из Петрограда некуда». Если Гучков и испытывал «щемящую боль предсмертной тоски» (о Гучкове персонально это пожалуй верно), то, конечно, ни о широких буржуазных, ни о военных кругах этого сказать нельзя.

Со стачкой, охватившей весь пролетариат Москвы и некоторых других промышленных центров[3], с настроениями в ра-

---

[1] Подчеркнуто в статье «Национальная программа» в «Известиях» ЦИКа № 145 от 16 августа 1917 г.

[2] «Государственное совещание», вечернее заседание 14 августа, с. 137.

[3] Так, киевский корреспондент «Русских ведомостей» телеграфно сообщал в эти дни, что вопреки решению Совета

бочей массе вообще, буржуазия считалась лишь как с неизбежным злом, которое нужно возможно скорее устранить, но не как с таким политическим фактором, который возвещает «мене, мене, факел, фарес». Не случайно на самом Совещании, за исключением хозяина Москвы, городского головы В. Руднева, извинявшегося за неприятность, о московской стачке никто не вспоминал. Не случайно в день открытия Государственного совещания буржуазно-академические «Русские ведомости» писали: «Большевиков можно было бы не считать. Их прямые угрозы по адресу Совещания не страшны, а надежд на возможность привлечения их к общей работе по государственному строительству все равно ни у кого не могло быть»[4]. Не случайно Керенский, в заключительной речи на Совещании, говорил о происходивших прениях: «Временное правительство получило возможность как бы снять моментальный снимок политических настроений страны. И вся гамма настроений, красок и стремлений раскрылась перед ним». Сей социалистический государственный мужчина подходил к большевистскому и пролетарскому движению только с полицейской точки зрения, и в гамме политических настроений в стране по его мнению не было места для стачки. Не случайно, подводя итоги политические, итоги совещания, меньшевистские дурачки из «Известий» придавали ламуретовскому поцелую русской революции, рукопожатию Бубликова—Церетелли неизмеримо большее значение, чем движению сотен тысяч пролетариев». Надо было видеть зал в этот момент, — захлебывались от удовольствия меньшевистские «Известия», — все поднялись со своих мест; бурные единодушные овации, небывалые апплодисменты на всех скамьях и справа и слева, встретили эту демонстрацию единения, и в этот момент стало совершенно ясно, что революционная демократия победила, что Московское совещание не было созвано напрасно и что соглашение, предложенное демократическими организациями, признано единственным путем, который может и должен спасти Россию и революцию»[5].

профсоюзы в Киеве объявили стачку протеста, поддержанную большинством предприятий.

[4] «Русские ведомости», 12 авг. № 184, 1917, передовица «Час испытания».

[5] Именно в эти несколько дней Моск. совещания парламентский кретинизм соглашателей поднимается на высоту почти-что трагедии. 11 августа в передовице «Накануне Моск. совещания» «Известия» писали: «Московск. совещание собирается в дни, более грозные и трагические, чем все пережитые до сих пор. Никогда еще не была так велика опасность военного разгрома и никогда еще контрреволюция не ковала так уверенно свой черный заговор». Но это было 11 августа, а уже через несколько дней мудрое кунктаторство меньшевиков расстроило все козни, речи Церетелли сломили настроение буржуазных кругов, декларация Чхеидзе успокоила генералов. Уже 16 августа в официальной редакционной статье, так и озаглавленной «Торжество демократии» возвещается: «Демократия выходит из Московского совещания укрепленной — это факт, с которым придется считаться и власти и всем ответственным группам»... То же самое повторяет и передовица от 17 августа «После Совещания»:—«Московское Совещание было победой демократии, которая сумела в переживаемые трагические минуты выступить как подлинная государственная сила, вокруг которой сплотилось все, что есть на Руси живого... Более того: на прямой призыв сотрудничества на почве программы, формулированной демократией как единственный путь спасения революционной страны, представители буржуазии ответили решительным «да», и в последний день Совещания мы уже не слышали из их уст ни... злобных нападок на демократические организации, ни...требования распустить эти организации». Положение самое распрекрасное. Церетелли в интервью с представителями печати, появившемся в тот же день, формулировал его весьма лапидарно: «Я считаю, что с того момента, когда объединившаяся демократия вынесла уже оглашенную резолюцию, мост между нею и буржуазией можно считать переброшенным». Теперь-то, казалось, и наступает пора дружной органической работы всех живых сил страны. Но уже на следующий день после торжества демократии, оказывается, что «Речь» после недолгого колебания начала атаку правительства «А. Ф. Керенского» и что кадеты ведут политику взрыва власти (см. «Известия» № 147 от 18 августа, передовица «Без забрал»), а еще через день оказалось, что «реакционеры всех рангов от Каледина до Милюкова» затаили в себе бессильную злобу, в тайной надежде на другой же день после Совещания начать свою работу разрушения государственной власти русской революции. И вот мы видим, как атака на все позиции революции повелась по всему фронту». «Положение очень опасное. Созданная с такими усилиями, с такими жертвами коалиция подвергается и будет подвергаться теперь еще большим нападкам, еще большему саботажу» (см. «Известия» № 148 от 19 августа, передовица «Задачи дня»). Если вождей этой политики, где на протяжении трех дней торжество демократии оказы-

Ясно, что автор предисловия допускает ошибку, одновременно утверждая, что генеральская диктатура была настолько сильной, чтоб изменить любую комбинацию, и что московская стачка воспринималась как показатель безнадежности положения. В действительности, мы полагаем, не было ни того, ни другого. Соглашательско-демократическая половина Гос. совещания, точно так же как кадетско-черносотенная, в стачечном движении, которое для марксиста-ленинца является основным фактом в Московском совещании, видела не столько грозное предзнаменование октябрьской угрозы, сколько тучи рассеянной третьеиюльской бури.

Не совсем правильно, на наш взгляд, и замечание т. Яковлева, будто «стачка в Москве вскрыла сразу одно из важнейших отличий российской революции от французской революции 1871 г.», а именно связь с провинцией. Но и у Парижа 1871 г. была связь с Лионом, и отличие российской революции, конечно, не в том, что у пролетарского Питера была связь с пролетарской Москвой, а в том, что движение пролетариев столиц прочно опиралось на массовое крестьянское движение на фронте и на всем пространстве огромной страны.

Мы не отмечаем некоторых мелких редакционных погрешностей (так, редакция далеко не всюду придерживается одного основного списка, который имеется в архиве, и в тексте помещает отдельные вставки, цвишенруфы, дополнения. Правильнее все эти материалы без исключения давать в подстрочные примечания) и неточностей в примечаниях. Все это—явления неизбежные в той большой работе, какую проводит Центрархив по изданию документаций 1917 года. Уже сейчас основные документы по истории 1917 года перепечатаны, и перед молодыми исследователями-ленинцами открывается большой простор для научно-исследовательской работы. Уже сейчас можно, почти не обращаясь к архивному материалу, вести серьезную работу по истории Октябрьской революции по источникам. К сожалению, эти возможности используются в наших университетских семинарах лишь в самой незначительной мере. А это изучение нам кажется небесполезным. Поколение, которое проделывает величайшую в истории человечества революцию, имеет право и знать историю этой революции.

М. Югов

вается мыльным пузырем, а бессильная злоба на протяжении одного абзаца приводит к атакам на позиции революции по всему фронту и создает опасное положение, и трудно заподозрить в политической мудрости, то им уже никак нельзя отказать в добреньких чувствах и в святой простоте. Во всяком случае по сравнению с Гоц—Либерданом деятели франкфуртской говорильни выступают чуть ли не титанами революционной героической решительности, боевого реализма.

С. Е. РАБИНОВИЧ. — Борьба за армию в 1917 г. (Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 году) Гиз, М.—Л. 1930, с. 160.

Октябрьская социалистическая революция, разрешая на своем пути «мимоходом» и задачи революции буржуазно-демократической, объединила под своими знаменами широчайшие слои многомиллионного трудящегося крестьянства. Армия, состоящая в огромном большинстве из крестьян, естественно, оказалась на стороне рабочего класса: часть её под руководством пролетариата и его партии дралась в непосредственных октябрьских боях, а большинство ее, не дав использовать себя в качестве орудия подавления октябрьского восстания, облегчило тем самым победу пролетарской революции. Значение армии в стратегии восстания и тактике социалистической революции не исчерпывается, однако, тем, что она состояла в своей массе из трудящихся, оно возрастает в зависимости от того, что эти трудящиеся были сконцентрированы и имели в своих руках оружие—столь действенный элемент в решении классового боя.

Вот поэтому, начиная с 1905 г., партия большевиков одной из основных своих задач считала работу в армии. Потому же самому изучение опыта работы в войсках, как и вообще всего опыта русских революций, имеет огромное значение для всего международного пролетариата, ибо все основные проблемы «русского» Октября стоят и еще встанут перед рабочим классом ряда других, ныне капиталистических, стран.

Среди изрядного количества статей и книг, носящих характер воспоминаний, работы исследовательского типа по армии в 1917 г. можно пересчитать, оперируя лишь пальцами одной руки. После книги Ахуна и Петрова «Большевики и армия в 1905—1917 гг.», попытавшихся взять армию в целом, но отразивших все достоинства и недостатки работ истпартовского типа, в книге т. Рабиновича, подводящей итоги ряду его статей, армия также рассматривается в целом. В этом—достоинство книги, однако имеется в ней и ряд серьезных недостатков, которые нельзя не отметить, но о них ниже.

Содержание книги сводится к выяснению партийно-политической борьбы и работы в армии, взятых в связи «с постановкой общих политических вопросов» и показывающих, что «у всех партий их армейская политика вытекала из их общеполитической позиции». Это правильно и хорошо.

Состоит работа из 12 мелких глав, рисующих армию с периода, предшествующего Февральской революции, по Октябрь и строительство Красной армии включительно. Вначале показывается, что противоречия между классовыми интересами громадного большинства армии и захватническими целями войны, утомление затянувшейся войной, отвратительное материально-бытовое обслуживание солдат и влияние рабоче-крестьянского «тыла» вносят в армию элемент разложения еще до февраля (гл. I). Февральская революция, приведшая буржуазию к власти, не остановила процесса разложения. Крестьянство в шинелях поняло революцию прежде всего как путь к миру и земле. Ослабление дисциплины, организация комитетов и т. п. еще более обострили противоречия между рядовым и командным составом. Несмотря на попытки натравить фронт на тыл, связь тыла с фронтом в результате февральского переворота укреплялась (гл. II). Невзирая на катастрофическое падение боеспособности армии и вопреки предупреждениям большевиков, июньское наступление, санкционированное советами, состоялось. В результате его провала—«дальнейший развал армии; усиление реакции; рост классовых противоречий; полевение и революционизирование солдатских масс» (с. 32). В результате июльских дней и корниловщины, наглядно показавших, что от провокаций буржуазия переходит к открытому контрнаступлению, распад армии усилился—«последняя (солдаты) окончательно перешла на сторону рабочего класса» (с. 44). Таким образом июньское наступление, июльские дни и корниловщина являются теми основными этапами, которые последовательно сыграли решающую роль в деле перехода солдатских масс на сторону пролетариата (гл. III, IV). В следующих главах т. Рабинович сосредоточивает свое внимание на том, как партии всех классов пытались овладеть армией. На основе прессы, циркуляров, инструкций и т. п. автор показывает, какой организационный аппарат строили они для этой цели и какие мероприятия предпринимали. Хорошо описывается армейская печать и политпросветработа. Центр тяжести, естественно, падает на работу и борьбу за армию партии рабочего класса. Анализом соответствующих высказываний Ленина автор очень удачно, с моей точки зрения, вскрывает принципиальную установку большевизма на слом, разрушение с т а р о й армии и показывает истинных п о л и т и ч е с к и х виновников «разложения» ее. В заключение дается беглый обзор возникновения и организации Красной армии.

Вот в общих чертах содержание рецензируемой книги, причем необходимо отметить в ней четыре следующих серьезных недостатка.

Центром исследования являются организационные формы борьбы классов за армию и в армии. Нет сомнения,—без изучения последних нельзя составить правильного представления о значении армии в революции, однако, одни они также не в состоянии обеспечить уяснение вопроса, а между тем после выхода из печати какуринского сборника документов, упомянутой книги Ахуна и Петрова и ряда других, использованных нашим автором печатных материалов, содержание происходящих в армии процессов распада ее на составные классовые элементы можно было бы вскрыть. Правда, т. Рабинович пытается сделать это в четырех первых маленьких главках, но так обще и схематично, что анализ организационных форм, не наполненных достаточным содержанием, чрезвычайно сильно проигрывает. Большую часть книги занимает разбор уставов, инструкций, положений и т. д., определяющих работу той или другой организации в армии, но слишком слабо вскрывающих ее результаты. В результате получается странное положение:—есть формы борьбы за армию, но очень мало чувствуется сама армия, что приводит к бледному показу той борьбы, выясить которую всесторонне должен был автор.

Хуже того, автор недостаточно четко представляет себе классовое содержание происходящих в армии процессов. Из двух обобщающих формулировок, имеющихся на этот счет в книге, одна недостаточна, другая прямо ошибочна. В самом деле. Первая:

> «Чтобы понять п р и ч и н ы обострения классовых противоречий в армии,—пишет на 18—19 с. т. Рабинович,—необходимо учесть следующее. Насколько каждый солдат ж д а л от революции скорейшего заключения м и р а, настолько командный состав из этого же факта делал совершенно обратный вывод. Если солдат-крестьянин с революцией связывал разрешение земельного вопроса и надеялся получить земли помещиков, то офицер-помещик... в той же революции видел угрозу материальному благополучию... всего своего класса» (разрядка моя—*И. К.*).

Недостаточность процитированной формулировки сводится прежде всего к тому, что в ней говорится только о двух классах—крестьянстве и помещиках, тогда как в армии имелись и рабочие и буржуазия, ибо армия есть слепок того классового общества (по Мерингу), в котором она существует. Если же т. Рабинович в слова «каждый солдат» включил и рабочих, то это также неверно, т. к. среди солдат, наряду с крестьянами и добросовестными оборонцами из рабочих, были и сознательные представители пролетариата, видевшие смысл революции (речь идет о

Февральской) не просто в мире, а в превращении империалистической войны в гражданскую. Что же касается командного состава, то последний претерпел тоже значительное классовое превращение. Среди офицеров-помещиков за время войны появились и буржуа, на что определенно указывал в свое время еще Ленин. Наш же автор последнего обстоятельства не замечает.

Вторая формулировка: «Телеграфные распоряжения из центров, газетные сообщения, частные письма, обывательские слухи и сплетни,—все перемешалось».— «Это привело к обострению взаимоотношений солдат и офицерства» (с. 88).

Если в вышерассмотренной цитате за «причину» обострения классовой борьбы в армии были приняты только вопросы о земле и мире, то здесь мешаниной из приказов центров с обывательскими слухами и сплетнями объясняется обострение «взаимоотношений солдат и офицерства». Это никуда не годится. Дело заключалось, конечно, не в сплетнях, а в распаде армии на ее составные классовые элементы, когда рабочие и крестьяне—солдаты противостояли буржуа или помещику командиру. В условиях обострившейся после февраля партийной борьбы за солдатские массы, способствовавшей уяснению классового сознания солдат, иначе и быть не могло.

Неправильное изображение происходящих внутри старой армии процессов классовой диференциации, неумение или нежелание вскрыть нарастание пролетарского влияния (в книжке господствует общий термин «солдаты») приводит автора к неточной, мягко выражаясь, характеристике роли гарнизона в Октябре, граничащей с политической ошибкой (основной порок рецензируемой книги).

Тов. Рабинович, смазывая значимость вооруженного пролетариата, преувеличивает роль солдат в пролетарской революции, причем не спасает его и полемика с Троцким, приписавшим, как известно, решающую роль в октябрьских боях гарнизону. В самом деле, его (Рабиновича) итоговые формулировки гласят: «Таким образом, в решительном штурме Зимнего дворца участвовали и красногвардейцы, и солдаты, и матросы» (это о Питере—*И. К.*). «Таким образом, и в Москве рабочий класс боролся в союзе с крестьянством» (с. 129). «Красногвардейцы и солдаты вместе боролись за власть советов» (с. 131); (разрядка всюду моя—*И. К.*). После этих общих формулировок («в союзе», «вместе», а страницей выше—«плечом к плечу»), с полной очевидностью затушевывающих руководящее значение Красной гвардии и рабочих отрядов, вместо того, чтобы во всю ширь развернуть действительную картину участия солдат в революции с элементами выжидания некоторых частей, нейтралитета, скрывавшего за собой пассивное сопротивление восстанию, присоединения к восставшим в конце борьбы и т. д., автор начинает выявлять «классовую сущность» рабочих и солдат «по их отношению и поведению в этой борьбе» (с. 131). Однако дело заключается здесь не столько в склонности у солдат-крестьян сходить погреться, попить чайку, или в большей устойчивости рабочих во время боев, сколько в анализе классового состава самих солдат; отсюда были бы понятными и формы борьбы.

Без четкого и ясного показа главенствующей и руководящей роли пролетариата в восстании, как вне, так и внутри солдатских частей, без достаточно диференцированной постановки вопроса о гарнизонах из процитированных формулировок следует, что в Октябре мы имели простое сочетание рабочего восстания с крестьянской войной, т. е. буржуазно-демократическую революцию, а между тем у Ленина, как известно, вопрос об отношении пролетариата к крестьянству в пролетарской революции поставлен диференцированно. Правда, местами имеется в книге такая попытка, но упор сделан не там, где надо было.

Недооценка пролетарского и буржуазного элементов в армии влечет за собой третий недостаток книги, сказавшийся в недооценке соглашательской сущности солдатских комитетов. Говоря о корниловских мероприятиях, вроде—разрешения на созыв казачьего съезда, ходатайства ставки перед Корниловым о невозвращении в свои части членов бюро по организации Всероссийского военного союза, т. Рабинович заключает—«Конечно все это вызывало бурный протест армейских комитетов» (с. 37). Во-первых, далеко не бурный протест, во-вторых, немногих комитетов. А на 79 с. даны еще более ошибочные своей категоричностью формулировки: «Комитеты противостояли командованию», или «за комитетами шли солдаты, за спиной офицеров в армии не было никого». Всемерно подчеркивая противостояние комитетов командному составу, автор плохо замечает, во-первых, то, что в послефевральский период в них было довольно много офицеров, во-вторых,— руководимые в подавляющем большинстве эсерами и находясь под идейным влиянием сначала соглашательского Петроградского совета, затем, соглашательского ЦИКа, комитеты стремились сохранить боеспособность армии и устранить разрыв между командным и рядовым составом ее. Следовательно за «спиной офицеров» зачастую стояли сами комитеты против рабочих и крестьян. И прежде чем действительно противопоставить рабоче - крестьянские

солдатские массы помещичье-буржуазному командованию большевикам пришлось провести острейшую борьбу против соглашательства в комитетах, которую описывает сам т. Рабинович и которая далеко еще не закончилась к моменту Октября. В частности, нередкие факты привлечения командованием комитетов к обсуждению оперативных приказов, объясняются не столько страхом перед ответственностью, как думает наш автор, сколько тем, что комитеты зачастую шли на поводу у офицеров, помогая им приводить приказы в исполнение.

Четвертый недостаток. В рецензируемой книге не доучтено все значение февральского переворота для армии как переломного момента в смысле развязывания ее распада, чем, кстати, говоря, грешит не только Рабинович. Правда, на с. 19 имеется указание на то, что революция «начала производить коренной переворот во взаимоотношениях офицерства и солдат», но ведь дело сводилось не только к этим взаимоотношениям, они являлись лишь одной из форм, отображающих ту жгучую классовую борьбу в войсках, которая тлела там и до февраля, но которая особенно разгорелась после него, в период перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Сдавленная казарменным режимом, бездушной муштровочной дисциплиной и относительной изоляцией рабочих и крестьян от непосредственного производства, т. е. известным пресечением классовых связей, классовая борьба в армии в своеобразных формах происходила, выражением чего, кстати, было правильно отмечаемое в книге начавшееся разложение с самого начала войны. Но февральский переворот, начиная с приказа № 1, вопреки воле Гучковых и Керенских, в форме разнообразных войсковых организаций, потоком разноклассовой литературы и периодической печати, созданием или оживлением у партий работы военных организаций и партийных ячеек, приездами агитаторов и пропагандистов, общением солдат со своими классами, в уличной борьбе и разгроме помещичьих латифундий и т. д. и т. п., внес решающий перелом (качественный) в старую армию, после которого никакие восстановления смертной казни не могли прекратить превращения ее из орудия господствовавших классов в активно действующую силу революции. Этого не доучитывают многие исследователи (Авдеев, например) и среди них, повидимому, т. Рабинович, не сумевший в специальной главе своей книги нарисовать картину изменений, внесенных в армию Февралем.

Рецензируемая работа основана на прекрасном знании всей дошедшей до нас периодической печати того времени (приложенный указатель армейской печати весьма ценен) и широком привлечении печатных источников. Использован также ряд архивных дел, но недостаточно. Из обозначенных в списке источников 63 дел в ссылочных подстрочных примечаниях указаны только 7. Это заслуживает быть отмеченным потому, что все печатные циркуляры и инструкции, которыми оперирует автор, часто узаконивали задним числом уже давно оформившиеся процессы, да периодика не всегда своевременно освещала факты, тогда как архивный источник помогает проследить их в самом зародыше.

Не касаясь отдельных незначительных промахов, неизбежных во всякой работе, необходимо отметить, что рецензируемая книга найдет своего читателя. Без нее не обойдется специалист-историк, военно-политический работник, небезынтересна она и широкому кругу читателей. Специалист усмотрит, между прочим, недостаток научной аппаратуры: документации, примечаний и т. п. Простота изложения относится к числу достоинств книги.

Книжка издана аккуратно.

И. Кизрин

В. П. САВВИН.—Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. Гиз., М.-Л. 1930, с. 152, 1 р. 25 к., перепл. 25 к.

Автор рецензируемой работы задался весьма похвальным намерением «дать краткий очерк истории взаимоотношений царской России и СССР с Китаем» (предисловие). Однако, поставленная им перед собой задача выполнена далеко неудовлетворительно. Подобная работа могла бы иметь научную ценность только в том случае, если бы автор сказал в ней что-либо новое и привлек неопубликованный архивный материал и иностранную документацию или бы тщательно проработал все имеющиеся по данному вопросу в литературе материалы (а их более чем достаточно) и дал бы анализ известных уже фактов в новом, марксистском освещении.

Ни того, ни другого в книге не сделано. Автор идет по проторенным уже дорогам, используя без всякой критики написанный более 100 лет тому назад труд (не устаревший, правда, в некоторых отношениях и до сих пор) Н. Бантыш-Каменского—«Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.» (Казань, изд. 1882 г.) и некоторые другие, о которых речь впереди.

Неиспользованными оказались такие работы, как Трусевича—«Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.)», (М. 1882), А. Корсака—«Историко-статистический обзор торговых сношений России с Китаем» (Казань 1857), Покровского—«Статистические сведения о

торговле России с Китаем» и целый ряд других, имеющихся на русском языке[1].

В свою очередь, автор сумел пройти мимо таких иностранных работ как G. Cahen—«Histoire des rèlation de la Russie avec la Chine sous Pierre le grand (1689—1730)», (Paris 1912), «Ze livre de comptes de la caravane russe a Pekin en 1727—1728», (Paris 1911).

Вне поля зрения автора остались и работы, изданные после 1917 г., как напр: проф. Б. Г. Курц—«Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст.» (ГИЗ Украины, 1929), в которой собран большой фактический архивный материал, М. Андреев — «Из истории сношений России с Китаем (XVII—XX в.)» (журнал «Северная Азия» № 5—6 за 1925 г.) и некоторые др. Внимательно ознакомился автор только лишь с трудом акад. В. Бартольда—«История изучения Востока в Европе и России» (изд. 2-е, Л. 1925) и проф. Э. Д. Гримма «Сборник договоров и др. документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925)», М., (1927).

Для того, чтобы судить насколько «старательно» использовал эти труды наш автор, приведем и сопоставим в них ряд мест.

У Саввина на с. 28 мы читаем: «Границей между Россией и Китаем по берегам Тихого океана была признана Удская бухта. Установление точной границы между Горбицей и Удской бухтой признавалось излишним, в виду безлюдности этого края. Граница между Монголией и Россией за Байкалом также не была установлена». У Бартольда на с. 196 мы читаем: «По берегу Великого океана границей русских владений признавалась Удская бухта; точное определение границы между Горбицей и Удской бухтой признавалось излишним в виду безлюдности края. Не была установлена также граница между Монголией и русскими владениями за Байкалом».

У Саввина на 30 с.: «Вопрос о духовной миссии был разрешен более широко впервые в указе Петра Великого от 18 июля 1700 г.» и примечание к этому—«Это первое по времени распоряжение русского правительства об изучении русскими людьми восточных языков».

Почти слово в слово имеется то же на с. 196 у Бартольда. На с. 47 у Саввина мы читаем: «Ген. Игнатьев[2] добился, несмотря на крайнюю незначительность русских войск на Д. Востоке, не только ратификации Айгунского договора, но и распространения на Россию всех торговых и иных прав, какие были выговорены себе Англией и Францией другими договорами».

У Гримма на 25 с. «Этим объясняется успех... ген. Игнатьева, добившегося, несмотря на крайнюю незначительность русских сил на Д. Востоке, утверждения Айгунского договора и распространения на Россию всех торговых и иных прав, какие выговорили себе Англия и Франция в подтверждение и в развитие предшествующих Тяньцзинских договоров»...

Мы не станем утомлять чьего-либо внимания перечислением подобных «случайных» совпадений, хотя число их можно было бы увеличить.

Ценность работы снижает, однако, не только это. Кроме краткого (и весьма краткого), сухого, протокольного перечисления событий, имен, дат заключения договоров и т. д. в книге ничего другого нельзя найти. Совершенно отсутствует какой-либо анализ внутренних пружин, толкавших Россию и Китай к тем или иным шагам в их внешней политике[1]. Не дан также анализ международной обстановки того или иного периода (особенно это относится к эпохе империализма). Не чувствуется почти никакой разницы в характеристике внешних сношений на всем протяжении от XVII до XX вв. Дистанция, как будто, огромного размера!

Дабы не быть голословным, приведем ряд примеров, ярко характеризующих всю беспомощность и неумение автора дать какой-либо удовлетворительный анализ внешней политики. На с. 24 автор пишет: «С 1645 г. вообще замечаются изменения во внешней политике Московского правительства, что на Д. Востоке отразилось в попытке использования военной разведки р. Амура Поярковым в 1643 г.». В чем же

[1] Использованной зато оказалась компилятивная и студенческая работа Г. Ширмана—«Очерки по истории внешних сношений стран Д. Востока» (М. 1924, стеклогр.).

[2] Автор называет его почему-то «дипломатическим посланником»; как будто существуют и недипломатические посланники.

[1] Вообще, вся книга написана с точки зрения русской «колокольни». Трафарет старых учебников и канувших в Лету книг по истории «доброй, старой России» довлеет над автором. Над книгой, хотел или не хотел того автор, явный великодержавный душок.

Не лишним будет привести следующее место, где рисуется «картина» покорения Сибири после похода Ермака. «Дальнейшее покорение Сибири шло уже по заранее (!?) выработанному плану силами Московского правительства. В 1586 г. московский государь посылает в Сибирь воевод с подробным планом действий для прочного закрепления за собой Сибирского государства» (с. 8).

Всех перлов не перечтешь. Одним словом, все это из «оперы»: «Умом Россию не понять»...

собственно выразились эти изменения—ни слова. На 30 с. мы находим следующий шедевр: «В период своего царствования Петр I вопросы расширения и создания великодержавной России ставил выше всего. Политические и коммерческие дела он ставил очень широко (!) и вполне определенно (!!), почему отношения России с Китаем при нем приняли другую форму».

По автору получается, что только для Петра I являлось характерным «ставить очень широко и вполне определенно» политические и коммерческие дела. Автору не мешало бы ознакомиться хотя бы с «Русской историей в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского.

На совести автора остается утверждение, что китайцы добились уступчивости от русского посла Головина при заключении Нерчинского договора в 1689 г. только благодаря тому, «что от имени китайского правительства вели переговоры французские миссионеры Жербильен и Перейра». Совершенно ясно, что дело тут было не только в личных качествах этих двух иезуитов. Уступчивость Головина являлась по существу следствием реального соотношения сил на Д. Востоке в то время.

Неверно утверждение, что «перед русским правительством встал вопрос о пересмотре Нерчинского и Буринского договоров с целью «обновления» их; в этом и заключается значение Кяхтинского трактата». Если это можно говорить по отношению к Нерчинскому договору, то во всяком случае русское правительство не могло ставить вопрос об обновлении Буринского договора, заключенного 20 августа 1727 г., Кяхтинским договором, заключенным 21 октября 1727 г. Инициатива была проявлена только самим русским посланником, как известно, не имевшим возможности тогда сноситься по телеграфу с русским правительством.

Далее, автор ограничивается утверждением, что «духовная миссия явилась базой для создания научных работ о Китае» (с. 34). Все это верно, но нельзя сказать о том, что она являлась фактически агентурой русского правительства, выполняя в сущности роль его постоянной дипломатической миссии.

Почти совершенно не затронут в книге вопрос о русско-китайской торговле и в частности о Кяхтинском торге, без характеристики которых вообще невозможно понять всего комплекса русско-китайских отношений.

Если автор ничего не прибавил нового к тому, что имеется в литературе относительно русско-китайских отношений до эпохи империализма, то не сделал он этого, останавливаясь и на эпохе империализма. Существующие специальные исследования и богатейшие собрания документов остались для него мертвым кладом.

Автор не идет дальше общеизвестных фраз и простого, ничего не говорящего «нанизывания» фактов. Занимаясь, главным образом, перечислением договоров, автор забыл, например, указать на секретную конвенцию, заключенную между Россией и Японией 25 июля 1912 г., касающуюся Манчжурии и Монголии.

Последней уделен, между прочим, почему-то специальный исторический очерк, хотя Монголию надо было, конечно, рассматривать в разрезе только русско-китайских отношений и в порядке хронологическом [2].

Не в плане всей работы также и глава об экспансии России в Средней Азии.

В несколько лучшем положении оказался раздел, посвященный советско-китай-

---

[2] Поскольку автор специально затрагивает в указанном очерке проект Муравьева-Амурского от 1854 г. относительно Монголии (кстати, цитата приводится без указания источника), считаю нелишним привести характерный документ, а именно письмо Муравьева-Амурского к канцлеру Горчакову от 26 февраля 1857 г.: «Нам необходимо думать, что нам делать, если настоящая китайская династия будет низвергнута с престола... (речь идет об этом в связи с тайпинским восстанием—*Г. Р.*). События этого должно ожидать скоро, если англичане будут продолжать военные действия против Китая, по моему мнению в этом случае следует нам тотчас объявить Манчжурию и Монголию состоящими под нашим покровительством (разрядка моя. *Г. Р.*) и воспретить новой династии двигаться в эти две северные области империи, предоставив этим областям избрать из среды себя правителей, к которым и назначить наших резидентов;—если бы самому императору удалось уйти в Манчжурию, то он и останется правителем ее, но Монголия уже должна быть от Манчжурии отделена... переворот в Китае может совершиться вдруг; допускать же, чтобы Манчужурия и Монголия подчинились новой, т. е. Китайской династии, было бы противно пользам отечества...» (л. 64) и в другом письме от 17 апреля 1857 г...: «Во всяком случае я полагаю согласным с нашими пользами и самою справедливостью, чтобы с падением манчжурской династии, эти две области были отделены от Китая, как это было прежде, до покорения Китая манчжурами; что же касается защиты этих областей от Китая, то они и сами это сумеют, с небольшим только нашим содействием и наукою» (л. 87). (Архив Внешней политики и Революции. Фонд б. М. И. Д., дело «По поводу отправления ген.-ад. вицеадм. Путятина в качестве чрезвычайн. посланника и полномочного министра в Китай»).

ским отношениям, хотя им уделено в книге (если не считать нескольких документов) немногим более трети книги. В предисловии же говорится о несколько иной пропорции частей, относящихся к взаимоотношениям царской России и Китая и СССР и Китая.

Заканчивается обзор сношений последних двух стран отозванием советского представителя из Пекина, после налета на советское полпредство в апреле 1927 г. Любопытно отметить, что и в настоящем разделе, на с. 119, мы читаем: «В ноябре месяце 1924 г. в Пекине была образована «смешанная советско-китайская комиссия» для распределения оставшейся невыплаченной Китаем русской доли боксерского возмещения (около 100 млн. руб.) на нужды народного образования в Китае. В эту комиссию вошли со стороны Китая: гоминдановцы Сю-Чен—председатель комиссии и проф. Иай-Юан-Пей, а со стороны СССР проф. Пекинского национального университета А. А. Иванов»... Почти те же слова находим мы и на с. 34 справочника М. Барановского и С. Шварсалона—«Что нужно знать о Китае» (изд. 3-е).

Укажем на ряд опечаток. Иезуит Перейра назван Нерейрой (с. 28), Кафаров Кафровым (с. 48), Кашгария—Канагарией (с. 50). Чемульпо—Чемульно (с. 54) и др.

В заключение приходится признать, что автор не справился с задачей дать подлинно марксистский, научный очерк взаимоотношений царской России и СССР с Китаем. Работа в целом имеет ценность весьма незначительную. На все 100% (и даже более того) она является компилятивной. Нового к тому, что уже есть как в до-, так и в послереволюционной литературе по затронутому вопросу, автор ничего не прибавил.

Рейхберг

ЕЛ. ДРАБКИНА.—Национальный и колониальный вопрос в царской России». Пособие для вузов, комвузов и самообразования. Изд. Коммунистической академии, Москва 1930, с. 172.

Это не «исследование, а учебное пособие», так характеризует свою работу т. Драбкина. Задача нашей работы заключается в том, говорит она,—чтобы помочь начинающему изучение истории овладеть теми книжными богатствами, которые имеются в области истории народов СССР по национальной и колониальной политике царизма (с. 3).

Книжке таким образом поставлена очень скромная задача. Это не исследование истории колониальной политики и национального вопроса в России, это «методически-библиографическое пособие». С этой точки зрения и необходимо подходить к оценке книжки.

Исходя из поставленных задач, автор строит книжку таким образом, что главнейшее место в ней занимает систематический указатель литературы. Литература разбита по отдельным окраинам—колониям, причем в каждой из этих рубрик дается соответствующее введение, которое содержит общую постановку вопроса. Кроме того, здесь же автором даются и методические указания: как приступить к разработке той или другой темы, в каком порядке читать литературу, на какие вопросы по преимуществу отвечает та или другая книжка. Всему же этому предпосланы две вводные главы о характере колониальной политики царизма, написанные главным образом на основе высказываний Ленина, а также глава «Русский великодержавный национализм», в которой дается общий очерк истории русского национализма. К книге приложен алфавитный указатель рекомендованных книг.

Построенная таким образом работа т. Драбкиной является ценным пособием не только для студента комвузовца или вузовца, но даже и для научного работника, желающего получить ориентировку в истории той или другой окраины бывшей России за период колониального господства там русских, не говоря уже об экономии времени в подыскании литературы.

Но при всех своих достоинствах книжка по нашему мнению обладает и большими недостатками. Крупнейшим из них является то, что ленинская постановка колониального вопроса в России не проведена автором достаточно последовательно через все изложение.

Что основное—в ленинской постановке национально-колониального вопроса в России? Ленин исходит из положения, что в России «преобладал военно-феодальный империализм». Разбирая же вопрос о роли колоний в истории российского капитализма в «Развитии капитализма в России», он ставит вопрос о развитии российского капитализма «вширь», путем вовлечения окраин в систему мирового хозяйства и путем колонизации окраин крестьянами-переселенцами. История колониального вопроса в России—это история не только полуфеодальной эксплоатации колоний «военно-феодальным империализмом», но и история развития российского капитализма вширь, а также и история взаимоотношешений военно-феодального империализма и капиталистического империализма как в колониях, в процессе их эксплоатации, так и в метрополии (проблема связи внешней и внутренней политики).

Основные черты ленинской постановки национально-колониального вопроса автором схвачены безусловно верно. Но это относится только к первым двум главам работы, в которых ставятся общие вопросы. Ознакомившись с этими главами, читатель

ждет, что изложенная в них точка зрения будет последовательно проведена и во всей остальной части книжки. Оказывается, это не так. Во всех вводных замечаниях, относящихся к отдельным окраинам, переселенческий вопрос, который в ленинской постановке колониального вопроса занимает достаточно солидное место, автором на надлежащее место так и не поставлен. Мы нигде не находим указания на то, что переселение крестьян на окраины—это было одним из звеньев развития российского капитализма вширь. Тем самым нет нужной постановки вопроса об отношении российских помещиков к этому процессу. Нигде нет указания на борьбу помещиков против этого процесса вплоть до начала, если не до конца 90-х годов. Не дано также и достаточно вразумительного объяснения смены этапов в отношении помещика к переселенческому вопросу. Не показано также, как даже после того, когда помещик сменил свое отрицательное отношение к эмиграции крестьян из России на отношение положительное, переселенческая политика царизма носила крепостнические черты и как этот процесс развития капитализма вширь принимал формы крепостнические, окрашенные в цвета эпохи первоначального накопления.

Ссылка на то, что нет литературы, не может быть достаточным оправданием, ибо даже использование одного Ленина дало бы достаточно материала для постановки этого вопроса.

Недостаточно благополучно обстоит дело и с характеристикой другого звена развития российского капитализма вширь: развития за счет захвата источников сырья, рынков и горных богатств. Говоря о Сибири, например, автор даже не заикается о том, что Сибирь, как и Средняя Азия и Кавказ (хотя, может быть, и не в такой степени), была территорией, на которую распространялось развитие вширь не только русского аграрного капитализма, но и русского городскоко промышленного капитализма. То же самое относится и к Северному Кавказу.

Но даже и на Средней Азии, по отношению которой автор довольно много говорит о сырье, рынке и т. д., он не пытается достаточно глубоко иллюстрировать интересующее нас здесь ленинское положение. Здесь подчеркивается, правда, тот факт, что оседлые районы были районами, производящими сырье для русских фабрик, но видимо только для того, чтобы сказать, что «Средняя Азия была разделена на две «сферы влияния», оседлые хлопковые районы сделались колонией промышленного капитала, а кочевые—капитала торгового», что является механистическим утверждением, далеко расходящимся с теми положениями о военно-феодальном империализме в России, которые сам же автор развивает во введении.

Следующее наше замечание относится к употреблению термина «торговый капитализм» или даже выражения «способ производства, вернее способ присвоения, носителем которого является торговый капитализм» (с. 32). В свое время Ленин в рецензии на книжку А. Богданова «Краткий курс экономической науки» отметил как один из недостатков книги то, что «автор напрасно упустил указать на общую форму капитала, которая помогла бы учащемуся усвоить однородность торгового и промышленного капитала» [1].

Мы на это мало обращали внимания и часто пользовались не только богдановской терминологией, но и его постановкой вопроса о «торговом капитализме». Однако дискуссия о феодализме и крепостничестве нас научила многому, и, между прочим, она безусловно углубила и уточнила наши представления о роли торгового капитала. Наконец, совершенно непонятным и ошибочным является тот факт, что совсем пропущена Украина. Этот пробел—прямо зияющий в книжке.

Все другие недочеты работы по сравнению с указанными носят в общем мелочный характер. Укажем лишь коротко на некоторые из них. Во вводных статьях обращает на себя внимание диспропорция частей. Здесь обнаруживается уже слишком большое следование за литературой. Вопросам, более разработанным, уделяется больше места, вопросам, менее разработанным, хотя и более важным—меньше места. Восстанию Шамиля, например, посвящено 3 страницы, в то время как всей истории колониальной политики на Северном Кавказе после завоевания—всего 1 страница. По отношению к Сибири очень много места уделено XVI—XVII векам и очень мало XIX и XX векам.

При подборе литературы общая литература по переселенческому вопросу автором совершенно опускается, а между тем ее изучение для понимания истории колониальной политики царизма весьма необходимо. В изложении иногда встречаются повторения без особенной надобности уже один раз приведенных цитат...

П. Галузо

---

[1] Ленин, Соч., т. II, изд. 2-е, с. 375. (Разрядка моя—*П. Г.*).

НОВЫЕ КНИГИ

В. АЛЕКСЕЕВ. — Гражданская война в ЦЧО. Истпартотдел обкома ВКП(б) ЦЧО. Изд. «Коммуна», Воронеж 1930, с. 202, ц. 1 р. 10 к.

Работа Алексеева основана на значительном архивном материале губернских архивов, входящих в состав нынешней ЦЧО. Книга является, по словам автора, «попыткою фиксировать факты великой революционной эпохи в географических границах теперешней области». Главная часть книги занята именно этим. Перед читателем проходит германская оккупация, мамонтовский рейд, пребывание белых в области и победа над ними; этому фактическому очерку предпослан очерк экономики края, а в конце дана глава о «партии и революции». Ряд документов вплетен в изложение; кроме того дано специальное документальное приложение.

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ.—На боевых постах февральской и октябрьской революций. Изд. «Федерация», М. 1930, с. 414, ц. 2 р. 95 к.

В. Бонч-Бруевич в течении последних лет развил довольно обширную мемуарно-литературную деятельность, к сожалению разбросанную и не раз повторяющуюся. В настоящем сборнике собран ряд предшествующих статей автора, самая ранняя из которых говорит о приезде В. И. Ленина в Россию, самая же поздняя—о событиях 1920 г. Кроме текста воспоминаний мы находим здесь и ряд документов, принадлежащих перу В. И. Ленина.

А. А. БЕРС.—Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. Уральский областной отдел народного образования. «Работник просвещения», М. 1930, с. 132, ц. 85 к.

Автор поставил себе задачей дать сводку известного в литературе материала по археологии Урала, разработав его на марксистской основе. С такой точки зрения автор постепенно прослеживает каменный, бронзовый и ранний железный века на Урале, затем вторжение гуннов, государства булгар, финскую культуру Урала и наконец тюрко-монгольское вторжение. Книга снабжена иллюстрациями, однако далеко не в достаточном количестве.

«КРЕПОСТНАЯ РОССИЯ».—Сборник статей. Институт истории. Ленинградское отделение Коммунистической академии, Ленинград 1930, с. 268, ц. 3 р.

Как отмечено в предисловии «от редакции» сборник составлялся из докладов, читанных в Институте истории. Первая статья—доклад А. Малышева «К вопросу о сущности крепостного хозяйства» направлен против известной работы С. М. Дубровского (ср. статьи того же автора в «Историке-марксисте» №№ 15, 16). Б. Греков, своим этюдом о «Юрьевом дне» вновь поднявший спорные вопросы истории крестьянства в Московском государстве, в настоящем очерке о «Происхождении крепостного права в России» стремится дать общую трактовку вопроса, сначала характеризуя то значение, которое имели в этом отношении новые хозяйственные условия (именно рост денежного хозяйства и вызванная им барщина), а затем рисуя исторический процесс закрепощения. С. Томсинский, приступивший в своих последних работах к пересмотру вопроса о Разиновщине, в очерке о «Колониях Московского государства накануне восстания Разина» подвергнул изучению общественные отношения «активного» и «пассивного» районов восстания. В результате он приходит к заключению, что движущей силой восстания было не «торгующее крестьянство», а «непосредственный производитель», продукт которого «урезывался сверх всякой меры». В связи с этим автор устанавливает и характер восстания по районам, а также и роль городской буржуазии. Наконец, выводы автора заострены против «реакционной схемы Плеханова-Рожкова о характере крестьянских движений», ибо борьба крестьян «шла по линии развития производительных сил и поэтому имела прогрессивный характер». М. Мартынов в статье о «Пугачевском движении на заводах прикамского края» дает продолжение своих работ по Пугачевщине в новом районе, основывая свое изложение на значительном количестве неизданного материала. Последняя статья принадлежит В. Кашину, изучившему совсем незатронутую в исторической литературе тему о «землевладении крепостных крестьян. «Основанная почти исключительно на архивном материале работа В. Кашина рисует по-новому расслоение дореформенного крестьянства и классовую диференциацию в его среде. Наконец в сборнике дана библиография, распадающаяся на две части: а) указатель главнейших

библиографий по истории крепостной России и б) материал для указателя источников по крепостному хозяйству. Здесь есть пробелы, часть которых трудно оправдать. Так напр. указана библиография Б. Козьмина и Р. Мандельштама за 1924 г., но составителю, И. С. Книжнику, осталось неизвестным, что существует та же библиография за 1925, 1926, 1927—1928 гг.; указана библиография в одном номере «Русск. ист. журнала», но не указана библиография в специально библиографическом «Обозрении трудов по славяноведению» за ряд лет; указан указатель Леонтовича, но нет указателя Загоскина и т. д. и т. д.

Акад. **К. Г. ВОБЛИЙ.**—Нариси з історії російско-української цукро-бурякової промисловости. Т. II (1861/62—1894/95). Всеукраінска академія наук, Киів 1930, с. 400, ц. 4 р. 75 к.

Второй том обширного труда акад. Воблого о «русско-украинской свеклосахарной промышленности» основан в значительной мере на архивном материале ленинградских архивов. Рамки тома охватывают период от освобождения крестьян и до начала правительственной регламентации свеклосахарной промышленности. Вводная часть, занимающая четверть всей книги, содержит «общую характеристику народного хозяйства Украины» за описываемый период. Первые две главы дают очерк развития свеклосахарной промышленности, третья—очерк районов этой промышленности, четвертая, наконец, говорит о «переменах в посевах свеклы и сборе урожаев». В приложении дан ряд статистических таблиц, характеризующих свеклосахарную промышленность.

«ПОКУШЕНИЕ КАРАКОЗОВА». — Т. II. Подготовили к печати М. М. Клевенский и К. Г. Котельников. Центрархив, М. 1930, с. 384, ц. 3 р. 75 к.

В настоящем томе продолжается публикация стенографического отчета заседаний верховного уголовного суда по делу Каракозова и каракозовцев. Сюда включена вторая группа подсудимых, которая входила в состав «Организации»; среди них находим Ишутина, Худякова, Страндена, Черкезова, Загибалова и др. Издание снабжено примечаниями М. М. Клевенского.

И. ХУДЯКОВ.—Записки каракозовца. С предисловием М. М. Клевенского. «Молодая Гвардия». М. 1930, с. 213, ц. 1 р. 25 к.

Худяков является одною из любопытнейших фигур среди каракозовцев. Вслед за особою книжкою о нем М. М. Клевенского, уже отмеченной в «Историке-марксисте», теперь издаются его записки. Если, как справедливо говорит автор предисловия, революционная роль Худякова им затушевана в записках, то этого и не могло быть иначе в 1867 г., когда он их писал. Однако интерес их лежит в истории разночинной интеллигенции шестидесятых годов и в характеристике ее борьбы с существовавшим строем не только в области политики (что привело каракозовцев к каторге и ссылке), но и в широкой области установившегося быта.

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ. Изд. О-ва политкаторжан, С. 1930, с. 288, ц. 1 р. 35 к.

Кружок народовольцев при О-ве политкаторжан предпринял ряд юбилейных изданий. Хрестоматический сборник, появившийся первым в этой серии, составлен по преимуществу из отрывков народовольческой литературы, и сравнительно мало использован в нем мемуарный материал. В виде особых отделов даны календарь событий и библиография. Не обошлось без промахов. Так, не все тексты сверены (напр. в известном письме Исполнительного комитета Александру III пропущен один пункт требований, не говоря о более мелких пропусках), кое-какие ошибки есть в календаре, есть и пробелы в библиографии (напр. указано то издание мемуаров Н. Морозова, где нет ничего о возникновении «Н. В.» и не указано то, где эта глава есть).

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ. Изд. О-ва политкаторжан, М. 1930, с. 165, ц. 1 р. 40 к.

Статьи сборника посвящены каждая одному из народовольческих процессов. В данном томе (первом) имеются очерки процессов 16-ти (А. Квятковский и др., 1880), 1 марта, 20-ти (Ал. Михайлов и др., 1882), 17-ти (А. П. Корба и др., 1883) и 14-ти (В. Н. Фигнер и др., 1884). Последние два очерка составлены А. В. Прибылевым, первые—А. В. Якимовой. В очерках использованы почти исключительно известные в печати материалы.

М. Ф. ФРОЛЕНКО. — Собрание сочинений, т. I, под ред. и с прим. И. А. Теодоровича. Изд. О-ва политкаторжан, М. 1930, с. 332, ц. 2 р. 50 к.+60 к. переплет.

От не так давно вышедшего однотомного издания воспоминаний этого известного деятеля «Народной Воли» («Записки семидесятника», М. 1927) новое издание отличается тем, что в него включены появившиеся в промежутки новые статьи автора, а также стенограмма торжественного заседания 30 декабря 1928 г. по поводу исполнившегося восьмидесятилетия автора.

ДОКЛАДЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РСДРП. Предисловие и общая редакция Н. Ангарского. Гиз, 1930, стр. 323, ц. 2 р. 40 к.

Напечатанные в сборнике двенадцать докладов (один из них—доклад «Искры») являются ценнейшим материалом для истории местных организаций. Как всякая современная связная попытка изложения фактов, так и эта имеет первостепенное значение для освещения тех единичных документов, которые в отдельном виде были до них единственными остатками деятельности этих организаций. Документы тщательно комментированы Б. И. Николаевским; в своем предисловии Н. Ангарский дает характеристику политической физиономии печатаемых докладов.

Г. И. ЛЕВИН.—На путях революции. Гиз, 1930, ц. 1 р. 50 к.

Воспоминания Г. И. Левина охватывают период первой революции (они начинаются собственно школьными годами автора) и доведены до 1919 г. Автор был в рядах партийных работников в ряде организаций, сталкивался непосредственно с В. И. Лениным, и эта часть его воспоминаний имеет несомненно историко-партийный интерес. В других своих частях воспоминания небезынтересны своими характеристиками русской и иностранной общественной жизни.

В. Ф. Г.—За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова. С предисловием Б. Горева. Гиз, 1930, с. 176, ц. 1 р.

Скудная до крайности литература рабочих воспоминаний обогатилась в виде настоящей книжки живым изложением рядового рабочего о годах преимущественно первой революции. Автор, петербургский рабочий, мало разбирался в партийных отношениях того времени, попал под конец к максималистам, участвовал в экспроприации и попал на каторгу. В своем предисловии Б. И. Горев указывает на те черты воспоминания, которые связаны с этою партийною путаницею автора. Непонятно, почему в виде автора поставлен анонимный В. Ф. Г., а не А. Бузинов. Несочинил же он их? Или одно из них псевдоним?

З. С. ПЕТРОВ.—Картинки прошлого. Истпартотдел нижне-волжского краевого комитета ВКП(б), М. Саратов, 1930, с. 63, ц. 15 к.

Небольшая книжечка воспоминаний З. Петрова характеризует школьный быт городского училища в Саратове в годы первой революции. Любопытны черты отношения к гимназистам «белоручкам», а также сведения об образованном в Саратове социалистическом союзе учащихся, где происходила борьба между различными партиями, главным образом с.-д. и эсерами.

В. ТРОЦКИЙ.—Революционное движение в Средне-волжском крае. Краткий исторический очерк. Истпартотдел крайкома ВКП(б). Самара 1930, с. 174, ц. 60 к.

Популярный очерк, предназначенный для «массового читателя». Основан исключительно на печатном материале. Охватывает период от XVI в. (есть и Разиновщина и Пугачевщина) до эпохи социалистического строительства. Не обошлось в нем без таких напр. ляпсусов, как то, что В. И. Ленин «сблизился с кружком Федосеева» в 1887 г.; странен скачек от 1896 г. к 1902, нет очерков экономики и рабочего движения накануне первой революции и т. п.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ. С предисловием Я. А. Яковлева. Центрархив, М. 1930, с. 372, ц. 3 р. 60 к.

Издание составляет стенографический (впрочем, нельзя его без оговорок назвать таким термином) отчет Государственного совещания, происходившего, как известно, 12—15 августа 1917 г. в Москве, значения которого нет нужды здесь пояснять. К отчету даны некоторые приложения, имеющие отношение к созыву совещания и к характеристике отношения большевиков к совещанию. Издание снабжено примечаниями и, как указано выше, предисловием Я. А. Яковлева, содержащим политическую характеристику совещания.

М. ЧУДНОВ.—Под черным знаменем (записки анархиста). Предисловие Б. И. Горева. «Молодая Гвардия», М. 1930, с. 221, ц. 1 р.

Воспоминания М. Чуднова относятся к весне 1918 года и охватывают небольшой промежуток—февраль-апрель этого года. Место действия, главным образом, Крым. Для характеристики анархистских организаций они дают очень много бытового материала, который объясняет, как, наряду с действительными анархистами, в этих организациях находил себе приют всякий другой контрреволюционный, авантюристический и даже уголовный элемент. Предисловие Б. И. Горева, не останавливаясь на характеристике мемуаров, старается разрешить вопрос «о сущности и социальных корнях анархизма вообще и об эволюции русского анархизма в частности».

МАТЕРІЯЛИ ДО УКРАІНСКОЙ ИСТОРИЧНОІ БИБЛІОГРАФІІ, вып. I. Бібліографія історії України, Россії та українського права, краезнавства й етно-

логіі за 1917—1927 роки. Єклала Бібліографична комісія науково-дослідноі катедри історіі украінской культуры ім. ак. Д. Багалія в Харкові. Харків, 1930, с. 145, ц. 2 р. 10 к.

Книга—запоздавшее юбилейное издание. Собственно библиографии предпосланы статьи-обзоры по отдельным отраслям истории: вслед за общей статьей Д. И. Багалея «об организации украинской истории на Украине» следуют статьи-обзоры работ по истории Украины, украинского права и, наконец, истории России. Однако статьи эти и слишком беглы и слишком библиографичны, так что в значительной мере повторяют библиографию, вместо того, чтобы дать главным образом характеристику общих итогов развития. Собственно библиография расположена по годам выхода книг, и поэтому предметный указатель должен играть здесь исключительно важную роль. Однако прежде всего число рубрик в этом «тематическом показчике» до чрезвычайности мало, и они не разбиты на подрубрики; напр. рубрика о краевых работах не распределена на работы по отдельным территориям, и ищущий работы по Черниговщине должен пересмотреть больше ста тридцати номеров вообще краеведческих работ. Еще хуже получилось с историей России, которая разбита всего на все на два отдела: 1) история революционного движения и 2) другие. Стоило ли создавать две таких рубрики, в которых все равно (особенно в рубрике «другие») никому не разобраться? На ряду с этим характерно, что есть рубрика в роде «Козатчина XIX в.», с одним номером, но совсем нет особой рубрики социал-демократии. Так же нерасчлененно дело обстоит с октябрьской революцией и др. рубриками. Однако в указателе есть и прямые ошибки. Так напр. известный пооктябрьский процесс одесского меньшевистского «Южного рабочего» в 1917 г. попал в рубрику «народничества» (хотя смешать его даже терминологически с Южн. росс. раб. союзом можно лишь при абсолютном незнании того и другого). В ту же рубрику, где странно сочетались «Народничество, начало рабочего движення, возникновение революционных организаций» (т. е. повидимому 70-е годы), попал харьковский социал-демократический союз ремесленников 1899 г., социал-демократия в Киеве и т. д. и т. д. Таков запоздавший юбилейный дебют библиографической комиссии упомянутой в заголовке харьковской кафедры.

Х Р О Н И К А

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В КЕМБРИДЖЕ

(28 апреля—4 мая 1930 г.).

Очередная сессия Международного комитета исторических наук открылась в этом году, согласно прошлогоднему постановлению комитета, в Кэмбридже; заседания продолжались в Оксфорде и Лондоне.

Русская делегация на сессии была представлена т.т. Лукиным, Волгиным и Фридляндом.

Уже в прошлом году в Венеции ясно стало, что дальнейшая судьба Международного комитета зависит от возможности развернуть научную работу отдельных комиссий и всего комитета в целом. Вот почему в Кэмбридже съехавшиеся делегаты с большим нетерпением ждали заседаний комиссий и пленума. В повестке дня последнего стояли отчеты работ так называемых внутренних и внешних комиссий, т. е. комиссий научно-организационного и научно-исследовательского порядка (по истории знаний, по составлению списка дипломатов, по выпуску библиографий, исторической литературы и т. д.), а также вопросы подготовки ближайшего международного Конгресса историков в Варшаве в 1933 г.

На сессию Международного комитета в Англии съехалось гораздо больше народу, чем в прошлом году в Венецию. Если итальянская делегация была в этом году представлена значительно слабее, то зато французы, бельгийцы, немцы, поляки и румыны имели многочисленные делегации, среди которых можно было встретить всем известные имена крупнейших европейских историков (Пиренн, Допш, Карон и т. д.).

К сожалению, работы очередной сессии не вполне удовлетворили историков всех стран. Гостеприимство англичан, бесконечное количество банкетов и приемов, внешняя парадная шумиха не дали возможности и в этом году развернуть научную работу Международного комитета.

Но дело конечно не только во внешней обстановке работы комитета. По существу, есть в работах комитета один органический дефект. Он состоит в том, что будучи объединением официальной науки капиталистических стран, историки-члены комитета не считают для себя возможным поставить на обсуждение какие бы то ни было вопросы, которые могли бы посягнуть на так называемый национальный суверенитет каждой делегации. Вот почему даже те комиссии, в которых интернациональное сотрудничество могло бы дать очень много, как скажем, комиссия по вопросам преподавания истории, сводят все свои работы лишь к взаимной информации, опасаясь выносить какие бы то ни было решения, обязательные для участников Международного комитета.

Таким образом дело сводится только к взаимному ознакомлению о положении дел в каждой стране, что конечно можно было бы делать и без утомительных ежегодных поездок и что вызывает нередко недовольство работами комитета не только среди левых представителей исторической науки, но и в массе историков, приезжающих на заседание Международного комитета.

На пленарных заседаниях комитета отчитывались отдельные комиссии. Значительный интерес представляют работы Библиографической комиссии, подготовившей к печати первый том Библиографического указателя всемирной исторической литературы за 1926 г. Значительная часть своей работы проделана комиссией по составлению списка дипломатов. Несколько хуже обстоит дело с работой комиссии по истории прессы.

На очередной сессии в Кэмбридже было приступлено к организации целого ряда литературных предприятий. Решено было издавать протоколы работ предшествовавших исторических конгрессов, библиографию цветных книг. Приступлено к организации Международной архивной комиссии, которая должна облегчить дело архивных изысканий отдельных историков. Окончательное разрешение получил также вопрос о работах в архивах Ватикана. Несмотря на все прошлогодние обещания итальянских историков, близких к представителям фашистского режима, им не удалось добиться окончательно решения вопроса о свободной работе в архивах Ватикана. Представитель поляков рассказал пленуму о тех затруднениях, которые

выявились в процессе переговоров с представителями Ватикана, и таким образом дал косвенный ответ на утверждение официального органа папы, который в связи с антисоветской кампанией в свое время заявлял, что папские архивы открыты для исторического исследования.

На последнем заседании комитета развернулись весьма интересные прения о характере работ будущего Международного исторического конгресса в Варшаве. Прежде всего стал вопрос, как наилучшим образом организовать работы этого конгресса. Очевидным было для всех, что нужно свести к минимуму количество докладов для того, чтобы в центре внимания встали основные вопросы исторического исследования в разных областях. Вместе с тем всплыл и вопрос о характере представительства историков отдельных стран на будущем конгрессе. В то время, когда руководители комитета защищали точку зрения представительства национальных комитетов, некоторые делегаты, в том числе бельгиец Пиренн, настаивали на индивидуальном представительстве. Здесь развернулись любопытные дебаты по вопросу о коллективном и индивидуальном принципе исторических работ. С пафосом Пиренн доказывал, что только индивидуальная работа творчески продуктивна. Итальянские профессора защищали представительство национальных комитетов, меньше всего имея в виду патетическое утверждение Пиренна. Их конечно больше всего интересовал вопрос о том, как не допустить на будущий исторический конгресс представителей радикальной исторической мысли Италии.

Таким образом, принятое решение фактически изолирует от Международного комитета и будущего исторического конгресса представителей левой исторической мысли и завершает процесс превращения Международного комитета исторических наук в объединение правительственных историков.

Некоторым исключением на сессиях Международного комитета является группа скандинавских делегатов во главе с профессором Кутом. Но нужно прямо сказать, что сессия исторического комитета в Кэмбридже наилучшим образом показала нам, что попытки руководящей группы Международного комитета исторических наук не допустить острых конфликтов и найти примирительную линию между различными течениями среди историков приводят только к тому, что наиболее активные группы членов комитета, наиболее реакционные представители науки, во главе с «демократически» мыслящими поляками становятся господами положения в Международном комитете.

Что касается задачи, стоящей перед историками СССР в связи с превращением Международной организации историков в представительство национальных комитетов, то она сводится к необходимости продумать вопрос об организации в ближайшее время нашего комитета историков СССР из представителей всех заинтересованных учреждений.

Само собой разумеется, на будущем Международном конгрессе историков, в отличие от того, что имело место в Осло, должны быть допущены только историки СССР. Белогвардейские русские историки должны остаться вне международной организации.

В будущем году, на очередной сессии Международного комитета в Будапеште, вопросы подготовки Варшавского конгресса будут разрешаться детально, но уже очевидно и теперь, что самый созыв Международного конгресса будет находиться в руках поляков, которые на сессии комитета заявили о необходимости развернуть в Варшаве работу секции по истории Восточной Европы и обязались еще до конгресса выпустить тезисы и даже предполагаемые на Конгрессе доклады.

Естественно, нам историкам СССР надо заблаговременно готовиться к этому конгрессу, чтобы использовать его наилучшим образом для противопоставления марксистской исторической науки единому фронту буржуазной историографии.

Что касается работ комиссий, то следует специально отметить работы комиссии по вопросам преподавания истории. Нам приходилось уже в прошлом году в связи с отчетом о Венецианской сессии Международного комитета отметить то политическое значение, которое приобрела в рамках комитета эта комиссия. В этом году комиссия, во главе с проф. Глоц удалось получить отчеты по преподаванию истории в школах «I-й ступени» по нашей номенклатуре. Все эти отчеты были соединены воедино в особую докладную записку французом, Генеральным инспектором народного просвещения, Капра. Эта сводная докладная записка, составленная достаточно объективно из докладных записок отдельных стран, дает нам возможность составить себе общую картину по вопросу преподавания истории в школах «I-й ступени» всего мира.

В нашем кратком отчете о сессии Международного комитета в Кембридже нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе. Мы это сделаем в специальной статье, посвященной вопросам преподавания истории, так, как они стояли в соответствующей Комиссии на последней сессии.

Но важно отметить, что большинство докладных записок пронизано общим и совершенно ясно выраженным политическим духом, что в большинстве случаев школы подчиняют историческое образова-

ние определенным государственно-политическим задачам и что в большинстве случаев историческое образование после войны, как и до войны, не имеет в виду интернациональное сближение, а наоборот, воспитывает молодое поколение в духе так называемой национальной гордости и национальных предрассудков.

В этом году предполагалось получить из всех стран докладные записки о постановке преподавания истории в школах по нашей номенклатуре «2-й ступени», но к сожалению подобные докладные записки представили только несколько стран, в том числе СССР. Мы представили подробную докладную записку о преподавании истории не только в средней школе, но и в техникумах и на рабфаках. Эта докладная записка была разослана делегатам и будет напечатана в соответствующем издании Международного комитета исторических наук.

Но на самих заседаниях Комиссии в этом году, как и в прошлом году, произошло несколько любопытных инцидентов, которые свидетельствуют о политическом лице участников Международного комитета. По поручению председателя Международного комитета проф. Кута, председатель комиссии по вопросам преподавания истории проф. Глоц обратился к делегатам с предложением, не найдут ли они возможным, как это имеет место в Скандинавских странах, посылать друг другу свои учебники по истории, для взаимного ознакомления и для взаимного обсуждения их, с точки зрения объективности и научной ценности. Это достаточно элементарное требование интернационального сотрудничества встретило жестокое сопротивление со стороны итальянцев и со стороны румын и все во имя так называемого национального суверенитета.

И когда я, как делегат СССР, в ответ итальянцам (проф. Бертолини) заявил, что мы, представители СССР, охотно пошлем свои учебники всем странам для ознакомления, выслушаем внимательно их соображения и конечно, в свою очередь, выскажем свои соображения об их учебниках, то подобное заявление вызвало ряд восклицаний со стороны румын, итальянцев и т. д., которые заранее были уверены, что «русские» не пожелают послать им свои учебники и не пожелают в этом вопросе наладить сотрудничество историков.

Комиссия отклонила и второе элементарное предложение Глоца обратиться к представителям отдельных стран с некоей инструкцией о том, как следует составлять докладные записки по вопросу о преподавании истории, считая, что и в этом случае принятое решение означало бы посягательство на принцип национальной независимости.

И в этом случае делегату СССР пришлось категорически протестовать против постоянных попыток итальянцев сужать международную компетенцию работ отдельных комиссий. Уже эти два факта показывают, как всякая попытка наладить подлинное интернациональное сотрудничество историков с самого начала наталкивается на сопротивление реакционных элементов, которые не желают допустить подобного сотрудничества.

Обсуждая вопрос о нашем участии в работах Международного комитета исторических наук, ряд заинтересованных учреждений СССР решили еще зимой 1929 г. обратиться в бюро Международного комитета с предложением о создании Комиссии по изучению истории социальных движений и истории пролетариата.

Это предложение было сделано от имени Института истории при Коммунистической академии, который в своем обращении в бюро Международного комитета предложил образовать специальную комиссию, объединяющую всех историков, занятых исследованием в области социальных движений (история пролетариата и крестьянства), что именно эти проблемы являются в настоящее время центральными в исторической науке. «Огромный интерес», сказано в этой докладной записке,—«проявленный исторической литературой последних лет к экономической истории и истории социальных движений близкого и далекого прошлого человечества требует от нас приведения в известность архивов, которые могли бы быть использованы с этой целью. Необходимо вытащить из пыли архивов скрывающиеся в них материалы по истории международного рабочего движения и истории крестьянства. Надо сделать их доступными для научных исследований, надо создать максимально благоприятные условия для их изучения».

В докладной записке было также указано, что в СССР существует ряд учреждений, которые заняты изучением этого вопроса. Такими учреждениями являются Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса, Институт истории и Аграрный институт. Мы обещали представить Международному комитету подробный план наших работ этой будущей комиссии, с указанием, что «Институт истории при Коммунистической академии не может не обратить внимания Интернационального комитета на то, что для историков исследователей нашей страны, как и для ряда историков других стран, решающий интерес представляют, прежде всего, *эти проблемы*. Вот почему только образование подобной интернациональной комиссии будет способствовать привлечению этих историков к активному участию в работах международного объединения».

Иначе говоря, делегация СССР еще до заседания Международного комитета в

Кембридже и на самой сессии комитета совершенно категорически обратила внимание руководителей комитета, что наша работа в рядах Международного комитета в значительной степени зависит от того, в какой мере нам удастся развернуть работу в области проблем, нас больше всего интересующих, в области изучения истории пролетариата и крестьянства, которое является специальной задачей исторической науки СССР и всех существующих у нас в стране историко-исследовательских институтов.

Согласно конституции Международного комитета, всякая группа историков может создать любую комиссию по изучению того или другого вопроса, конечно, с санкции бюро комитета. Таким образом руководство Международного комитета не могло отказать нам в нашем требовании, но оно пыталось провести его, я бы сказал, по возможности осторожно, чтобы не вызвать в этом вопросе споров и конфликтов.

Вот почему, несмотря на наши неоднократные предложения дать нам возможность прочесть нашу докладную записку на пленуме и обсудить этот вопрос широко на пленуме, руководители комитета считали более целесообразным, согласно конституции комитета, санкционировать создание подобной комиссии на заседании бюро комитета без его обсуждения на пленуме. Но даже сам факт перечисления среди других комиссий и нашей Международной комиссии по изучению истории пролетариата и крестьянства, вызвало некоторое сопротивление со стороны итальянцев. Один итальянский делегат счел необходимым спросить, «что же, эта комиссия является частной или же это комиссия самого Комитета», на что последовало авторитетное разъяснение председателя пленума, проф. Кута, что эта комиссия является равноправной со всеми остальными «внешними» комиссиями. Нам предоставлено право и возможность теперь, до ближайшей сессии, организовать эту комиссию в составе ученых не только СССР, но и всех стран мира, интересующихся вопросами социальной истории.

Делегаты СССР принимают участие и в работах других комиссий. Так, в комиссию по пересмотру хронологических таблиц включен т. Томсинский, как представитель Академии Наук, где производится большая работа в этом направлении. В комиссию по составлению списка дипломатов включен проф. Греков. В Академии Наук уже проделана часть этой работы и составлен список дипломатов России до 1843 г.

Тов. Пашуканису поручено составить очерк Советской конституции для специально затеянного Международным комитетом издания современных конституций всех стран. Тов. Волгин вошел в состав комиссии по знаниям, и наконец т. Лукин принимает участие в работах Библиографической комиссии.

Этим не ограничилась работа русской делегации в Кембридже. Согласно принятому решению в президиуме Комакадемии решено было развернуть в Англии небольшую показательную выставку нашей основной исторической продукции за последние 2—3 года. К сожалению, решение об этой выставке было принято поздно. Вот почему книги, отобранные на выставку, были получены в Лондоне с опозданием, и когда мы, воспользовавшись разрешением королевского института по изучению международных отношений, развернули в его помещении нашу выставку, то ее посетила небольшая группа делегатов Международного комитета. Но зато ее посетил ряд представителей английского научного мира.

Наша выставка привлекла внимание английской общественности, и некоторые английские газеты, как например, «Манчестер Гардиен», «Дейли Герольд» отметили эту выставку как отрадный факт сближения Советской России с внешним миром. «Выставка советских исторических работ в королевском институте по изучению международных отношений»,—писал «Дейли Герольд»,—«отрывшаяся на этой неделе, замечательна. Показательно и присутствие в Международном комитете 3 советских историков».

Нельзя не отметить и тот «знаменательный» факт, что англичане, приходившие на выставку, с особым вниманием рассматривали книги по истории нефтяной промышленности. Поэтому особое внимание привлекла книга т. Сефа. Согласно просьбе королевского института, мы оставили ему ряд книг для его библиотеки.

К этому в основном свелись работы сессии Международного комитета исторических наук в Кембридже и участие советских делегатов в его работах.

Я оставляю в стороне целый ряд чрезвычайно интересных моментов о наших попытках информации представителей международной исторической науки о состоянии нашей исследовательской работы в области истории. Как в Венеции, так и в Кембридже стало совершенно очевидным отсутствие правильной информации и минимального знакомства с положением дел в Советской России, даже среди «сливок» европейской общественности. Представление о нашей научной работе в широчайших кругах минимальное, и не мало были удивлены представители английской общественности тем, что увидели несколько сот книг нашей исторической продукции за последние 2—3 года.

Поражает и тот уровень интересов, с которым нам пришлось столкнуться в Кембридже. Ряд делегатов, главным обра-

зом, англичане чрезвычайно энергично расспрашивали русских историков о том, верят ли они в бога. Эта проблема отношения к «господу богу» и к религии привлекала особенно энергично их внимание. Они задавали и другие вопросы, например о том, считают ли русские историки возможным построить мораль без религии.... Мы, русские делегаты, по мере сил и возможности удовлетворяли любопытство английских историков, пытаясь однако обратить их внимание на несколько более важные вопросы исторического исследования. Мы пытались выяснить их отношение к проблемам социальной истории Англии, и нужно сказать, что хотя делегаты СССР являются представителями молодой марксистской науки, но им пришлось в беседе столкнуться с одним поразительным явлением. Ряд имен социальных мыслителей, деятелей революционного движения Англии и Франции, которые становятся у нас все более и более популярными, не пользуются особой популярностью даже в квалифицированных кругах европейской исторической науки.

Мы, конечно, за эти несколько дней пребывания на конгрессе не имели возможности познакомиться с постановкой дела преподавания и научно-исторического исследования в научных учреждениях и университетах Англии. Обо всем этом мы могли иметь только самое беглое представление. Но приходится искренно сожалеть, что до сих пор у нас не было никакой возможности миру привилегированных университетов истории Кембриджа, Оксфорда и даже Лондона противопоставить факты о постановке преподавания исторических дисциплин в СССР среди рабочих и крестьянских масс.

В области информации придется сделать еще очень и очень много, и повторная наша поездка на заседание Международного комитета показала, что рассчитывать на понимание не только тех социальных идеалов, которые являются идеалами всей передовой революционной части европейской интеллигенции, но даже на понимание и интерес к специальным проблемам научного исследования, выдвигаемым нами в нашей работе, мы можем отнюдь не среди национальных комитетов историков европейских государств. Нам придется обратиться к тем историкам, которые не представлены в Международном комитете и которые, как видно, не будут представлены и на Международном конгрессе в Варшаве.

Перед обществом историков-марксистов встает вопрос о возможности международного сближения радикальных элементов, или даже точнее, марксистских элементов в международной исторической науке. Выполнить эту задачу мы должны в ближайшее время не только в интересах нашей политики, как сказали бы академически настроенные, но в интересах международной исторической науки, которая в лице международного комитета показала, что она, оставаясь в плане национальных предрассудков, не может и не хочет вступить на путь подлинной организации международной исторической работы, подлинного интернационализма и сотрудничества историков всех стран.

Среди историков всех стран есть элементы, с которыми мы могли бы наладить полное дружеское сотрудничество. Эти элементы рассеяны по всему миру. Они постепенно группируются, правда, чрезвычайно медленно и пытаются наладить связь с Советской Россией, прямую связь с обществом историков-марксистов; они в письмах запрашивают у нас указания, спрашивают наше мнение об отдельных книжках, ставят отдельные проблемы для исследования и ищут возможностей подлинного интернационального сотрудничества. Эти элементы нужно сгруппировать, к ним нужно пойти навстречу и с ними нужно связаться.

В рядах Международного комитета исторических наук марксистская наука изолирована. В рядах Международного объединения радикально мыслящих историков марксистско-историческая мысль могла бы занять свое место, место авангарда.

Нашей. Советской делегации пришлось выполнить еще одну задачу в Кембридже, поставленную перед делегацией обществом историков-марксистов. Нам было поручено возложить венок на могилу Маркса. Найти эту могилу на Хайгетском кладбище не так-то легко. Могила основоположника научного социализма находится в одном из самых далеких уголков этого кладбища. Могильная плита среди десятков и сотен подобных же плит может быть разыскана только после долгих и долгих путешествий по закоулкам этого мертвого города.

Только «советские люди» в Англии и коммунисты заботятся об этом памятнике. Не удается даже поставить около него ограду, потому что так называемые «наследники Маркса», считающие себя «социалистами», не считают возможным допустить «большевиков», чтобы они проявили свое внимание к праху вождя пролетариата.

Впрочем не только тело, но и мысли Маркса находятся в таком же состоянии среди европейских «социалистов».

Коммунистам, которые являются в Европе в настоящее время единственными марксистами, предстоит большая задача по организации всех живых сил исторической науки против единого лагеря буржуазной академической науки.

Ц. Фридлянд

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ ЭКСПЕДИЦИЙ ГОС. ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НА 1930 Г.

(Доклад Милонова на заседании секции докапиталистических формаций 1/VI 30 г.).

Милонов.—Исторический музей был ареной жесточайшей борьбы между историками и археологами, причем археологи были представлены работниками типа Городцова. Это обстоятельство заставило нас очень остро, может быть острее, чем следовало, поставить некоторые вопросы, в частности—вопрос о соотношении между историей и археологией. В процессе работ над реформой Исторического музея мы пришли к такому тезису, что нас не удовлетворяет дилемма «история или археология», а с другой стороны что нельзя так эклектически поставить вопрос: «с одной стороны—история, а с другой стороны—археология». Работая над экспозицией, мы пришли к выводу, что единственно правильным может быть только объединение истории и археологии. Мы пришли к убеждению, что каждый историк должен быть немного археологом и каждый археолог должен быть историком. В Музее это в особенности необходимо, ибо там мы оперируем с вещами, и поэтому историк должен быть также вещевиком. Итак, с одной стороны мы решили стать на путь социологического изучения того материала, который у нас имеется, а с другой стороны, решили поднять наших историков к самим вещам. Реформа Исторического музея привела к разрыву со старым понятием археологии, и перед нами встал ряд задач, которые сводились к тому, что надо совершенно конкретно и наглядно показать диалектику истории развития общественных форм. На этом пути мы с первых шагов столкнулись с целым рядом весьма существенных затруднений. У нас оказалось много «лакун», которые необходимо было заполнить. Так что первой задачей является—заполнить эти лакуны и найти методы для наглядной и строго марксистской экспозиции истории развития общественных форм. Как это будет сделано конкретно, я скажу несколько позднее. Этот подход заставил нас не удовлетвориться тем, что дает и давала копательная археологлия, т. е. каменными, металлическими, костяными частями орудий, у которых отсутствуют деревянные рукоятки. Это выдвигало перед нами задачу искать и восстанавливать орудия с этой существенной частью. Этнографический материал, к которому мы обратились, быть может не особенно решительно, давал в этом отношении некоторый ответ на те вопросы, которые нас интересовали. Но многое из того, что имеют теперешние «дикари», нельзя переносить без оговорок в более древние эпохи. Поэтому в нашей экспозиции мы только частично воспользовались этнографическим материалом. Мы стали искать какие-нибудь другие пути. Ответы на вопрос мог дать технологический анализ орудий труда. Мы воспользовались методами проф. Горячкина и Желиговского и стали анализировать этим методом коэфициент полезного действия ударных орудий и определять при помощи этого метода форму деревянных рукоятий топоров и молотов.

Между прочим, воспользоваться этим методом мы решили потому, что Желиговский проверял свой метод на наших материалах и пришел в свое время к любопытному результату, что коэфициент полезного действия некоторых древних орудий выше, чему орудий современных. Это впрочем компенсируется тем, что в современных орудиях очень мала отдача, и понижение коэфициента полезного действия этим вполне компенсируется. Поэтому наши орудия являются более высокими по своему экономическому эффекту. Однако на пути применения этого метода нас подстерегала опасность техницизма, и некоторые наши сотрудники действительно несколько увлеклись и иногда недостаточно критически применяли этот метод. Тем не менее я думаю, что в основе это такой метод, от которого отказываться не надо, но очевидно нужно еще его доработать для того материала, с которым мы оперируем.

Итак, оставалось начать поиски орудий с рукоятями там, где они должны сохраниться в целом виде: оставалось искать их, с одной стороны, в торфу и, с другой, в мерзлоте. Поэтому в этом году в наших экспедициях мы сделали ударение на эти два хранилища археологического материала—на мерзлоту и на торф. Торф уже дал нам целый ряд материалов в прошлые годы. В мерзлоте мы до сих пор не копали, но экспедиции Русского музея (Ленинград) удалось найти в 1929 г. в одном из курганов на Алтае при подобных условиях 13 вполне сохранившихся лошадей, загримированных оленями, на которых сохранились седла и украшения из ткани, войлока, кожи и т. д. Этот опыт говорил, что надо искать в этом направлении. Очевидно, вообще не исключена возможность нахождения в таких курганах того, что мы обычно не находим в других местах, т. е. дерева, тканей, кости и целых трупов животных. Вместе с тем мы решили усилить внимание к раскопкам в торфу. Но

тут мы натолкнулись на любопытное явление: в некоторых торфяниках прекрасно сохраняется дерево и совершенно не сохраняется кость. В других наоборот, прекрасно сохраняется кость и совершенно нет дерева. Очевидно, в процессе раскопок этого года, и может быть—в процессе обработки результатов этих раскопок придется остановиться и на этом вопросе, и какой-то ответ необходимо будет на него, конечно, дать.

Следующий момент, на который я хочу обратить внимание—очень существен. Мы принимаем метод восхождения от производительных сил к производственным отношениям, но прекрасно учитываем, что и здесь опасность техницизма очень велика. Конечно, по остаткам комбайна, которые будут найдены через 2000 лет на территории Соедин. штатов и у нас, делать вывод, что социальный строй и там и тут был одинаков—нельзя. Поэтому нам необходим дополнительный материал, который специально характеризовал бы производственные отношения. Таким материалом, нам кажется, является, кроме археологического материала, материал побочного характера. Конечно, постройки, украшения, орудия выполнения каких-нибудь социальных функций, например обмена, могут характеризовать производственные отношения. Но с другой стороны, имеется другой богатейший материал, который может дать очень много. Это—бытовая иллюстрация. За более поздние периоды она в большом количестве сосредоточена в летописях, в рукописях и житиях... Для позднего времени эта бытовая иллюстрация имеется у нас в музее. Сперва казалось, что нельзя использовать эти картины, но когда мы стали их изучать, мы увидели, что там в наивной форме очень точно передается бытовая сторона. Но это характеризует период более поздний, а для характеристики более древнего периода мы встретились с большими затруднениями. В первых залах Музея нами использован частью этнографический материал, частью композиционные рисунки современных художниников, но это выходит неубедительно. Необходимо было искать материал адэкватный, синхронный эпохе, и такой материал в некоторых случаях имелся. Так фигурки Гляденовского городища дали прекрасный материал для определения социальных отношений. Они живо характеризовали охоту: мы нашли там изумительные фигурки, рисующие вождя на коне и т. д. Петроглифы с Онежского озера также дали целый ряд интересных сюжетов. При серьезном изучении такого материала нам, конечно, можно будет ответить на целый ряд вопросов.

Итак, задача наша идет по трем направлениям. С одной стороны, заполнение имеюшихся пробелов, с другой стороны — изучение скальных рисунков, и с третьей стороны—поиски деревянных частей орудий.

После этих соображений я перейду к характеристике отдельных экспедиций. У нас предположены две экспедиции на север—в зап. часть Вологодской губ. и в Карелию. Последней экспедицией руководит т. Брюсов, первой—М. Е. Фосс. Они ставят своей задачей изучение обоих районов, в которых в IV—I тысячелетиях до хр. эры сложилось общество с родовым строем, базировавшимся на охоте и различных подсобных промыслах, в том числе—примитивном земледелии. Мы хотим кроме того установить здесь связь с неолитической культурой Скандинавии, чтобы получить хронологические опорные пункты. Нам удалось установить уже два различных периода и различие в ходе развития обоих районов в зависимости от разницы в конкретных условиях. Теперь мы ставим себе задачей уточнить моменты и причины этого различия. Мы выяснили, что здесь резко сказывается влияние более культурных соседей. Но для нас не совсем ясны причины резкой разницы между этими двумя более или менее близкими соседями, которые осели на Северо-западе в результате двух колонизационных волн из одной области. Нам известно, что здесь проходила резкая граница по сухопутью, где нет естественных преград, и ответить на вопрос о причине возникновения этой границы можно только путем новых раскопок.

Первая экспедиция направляется в восточную Карелию. К этой первой экспедиции примыкает вторая экспедиция в западную часть Вологодской губернии на озеро Лаче, под руководством М. Е. Фосс.

Наша третья экспедиция имеет объектом Урал—Калятинский и Горбуновский торфяники. Здесь были найдены свайные сооружения и дерево. Мы предполагаем получить здесь предметы из дерева и из кости. Если хотите, эта экспедиция имеет больше фактурный характер, т. е. мы хотим получить здесь определенный материал.

Четвертая экспедиция под руководством А. П. Смирнова направлена в Вотскую автономную область. Цель экспедиции—изучить переход от мотыжного земледелия к земледелию плужному и моменты развития этого плужного земледелия. Здесь предыдущие раскопки показали два слоя—более ранний с мотыжным и более поздний с плужным земледелием, но среднего слоя пока обнаружено не было. Здесь можно также получить материал для ответа на вопрос о зарождении феодальных отношений. Кроме того А. П. Смирнов будет искать здесь писаницы, упоминание о которых было сделано одним архиереем в 60-х годах.

Пятая экспедиция будет иметь во главе Е. Г. Пчелину и направляется в Осетию. Мы думаем найти здесь материал для характеристики классовой диференциации среди алан эпохи начальных ступеней феодализации.

Затем намечается экспедиция в Крым, в Судак. Целью этой экспедиции является—получить материал об остатках городских поселений трех культур—татарской, генуэзской и византийской. Работа эта уже велась нами и ГАИМК в прошлом году. Мы думаем продолжать эту работу для того, чтобы выяснить структуру колониального торгового города. В прошлом году мы провели две траншеи, причем одна показала топографию и структуру самого города; другая обнаружила совершенно определенно портовый поселок и какое-то ремесленное селение.

Седьмая экспедиция намечена в окрестности озера Ильменя, под руководством В. А. Арциховского. Здесь задача сводится к тому, чтобы изучить феодализм городского типа, то, что неудачно Рожков называл муниципальным феодализмом. Здесь имеются остатки жилищ и остатки производственных сооружений; можно изучать, следовательно, ремесла, и эти раскопки явятся дополнением раскопок старой Рязани, результаты которых собраны у нас в Историческом музее.

Наконец последняя экспедиция, которая будет очень интересной,—это экспедиция в Енисейский край для раскопок курганов и стоянок так называемой Афанасьевской культуры. Мы решили кроме того и здесь охотиться за писаницами. Здесь же мы предполагаем производить раскопки курганов в мерзлоте. Очевидно, тут придется отыскать и вскрыть новый курган, расположенный вне места раскопок Русского музея, или же как-то согласовать свои действия с Ленинградским Русским музеем.

Вот к чему сводится план наших экспедиций. Мы ставим 2 задачи: первая—заполнение некоторых лакун и получение такого иллюстрирующего материала, при помощи которого можно было бы осветить бытовой материал и избежать опасности техницизма, вторая—нахождение деревянных частей орудий для того, чтобы получить ответ на интересующий нас вопрос об орудиях производства.

Наконец, кроме перечисленных экспедиций чисто археологического характера, у нас предполагается в районе Иваново-Вознесенска экспедиция для собирания бытового материала по истории текстильного производства. Руководитель этой экспедиции— А. Н. Топорнин. Другая экспедиция направляется на север, в район Северной Двины, Онеги и Пинеги. Эта экспедиция будет собирать бытовой материал по быту крестьянства 17—18-го века. Руководитель—Воронов.

Это сообщение мы поставили здесь для того, чтобы иметь от товарищей указание по поводу этих экспедициий: что хорошо и что плохо. Но, очевидно, сейчас, когда это сообщение делается перед прениями по другому докладу, этого вопроса развернуть не удастся. Но я обращаюсь с большой просьбой к товарищам, которые заинтересовались бы этим вопросом—сообщить в Исторический музей свои замечания и указания, тогда мы на территории Исторического музея смогли бы обсудить эти вопросы.

Ответств. редактор **Редакционная коллегия.**

Ответств. секретарь **И. Л. Татаров.**